

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСПАРТ

ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП (б)

14-536

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

ЧАСТЬ III

**ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК,
ПЕТРОГРАД, БЕРН
1911 — 1914 г.г.**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

U 9173
1894 29 40 97

J. H.
120595 suggest

3900

14-536

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

ОТДЕЛ ЦК РКП (Б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РКП (Б)

Ф. Н. САМОЙЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК, ПЕТРОГРАД, БЕРН

(1911—1914 г. г.)

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Фонд Архива Обл. Б-ин

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

2010

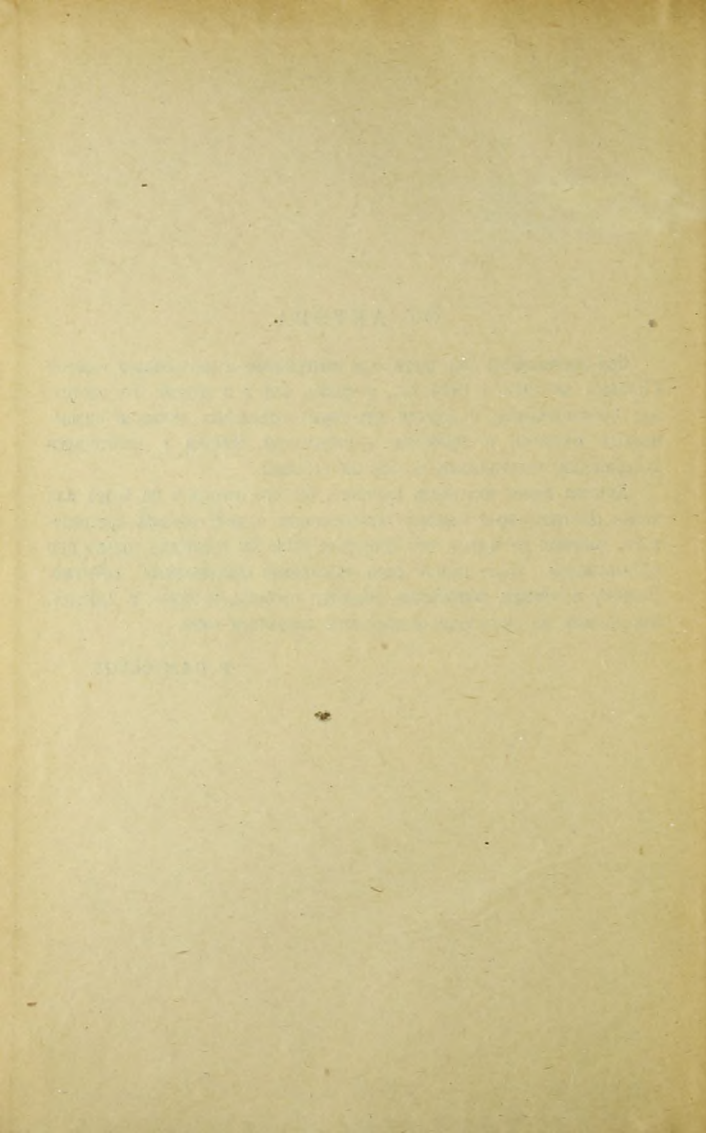
3900
94

ОТ АВТОРА.

При составлении 3-й части, как материалом я пользовался газетой «Правда» за 1913 и 1914 г.г., а также, как и в первых 2-х частях, для восстановления в памяти некоторых отдельных эпизодов описываемых событий, я прибегал к небольшим беседам с некоторыми товарищами, участниками указанных событий.

Книжка имеет вид очень краткого, беглого очерка и на более или менее обстоятельную картину описываемых в ней событий претендовать, конечно, не может, ибо последнее было бы возможно только при коллективном труде целого ряда участников описываемых событий. Поэтому в книжке, несомненно, имеются пробелы, которые, я надеюсь, заметившие их товарищи постараются заполнить сами.

Ф. САМОЙЛОВ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	<i>Стр.</i>
I. Восстановление Иваново-Вознесенской с.-д. организации. Провокатор Добров. После суда на фабрике	7
II. Избирательная кампания в IV Государственную Думу. Проводы депутата	10
III. Москва — Петроград. Депутаты с.-д. IV Государственной Думы. История с Ягелло. Открытие IV Государственной Думы	20
IV. Приезд депутата Манькова и окончательное решение вопроса о Ягелло. Вопрос о техническом секретаре	26
V. IV Государственная Дума. Наше отношение к так называемой „объединенной“ оппозиции. Декларация правительства Кокорцева. Наша декларация	28
VI. „Шестерка“ и „семерка“. Аресты Я. М. Свердлова и (Кобы) Сталина	37
VII. Поездка с.-д. фракции в Финляндию. Газета „Правда“. История с тов. Гнединым	40
VIII. Работа на местах. „Шпики“. История с Ежовым. Первые открытые выступления „семи“ против „шести“	43
IX. Аресты в Иваново-Вознесенске. Малиновский. Стачечное движение и ликвидаторы. Московская рабочая газета „Наш путь“.	47
X. Страховая кампания. Обострение борьбы между „шестеркой“ и „семеркой“. Раскол и образование Р. С.-Д. Раб. фракции IV Государственной Думы. Новые аресты в Иваново-Вознесенске. Травля нас, большевиков, ликвидаторами и отношение к ней рабочих.	52
XI. Международное социалистическое бюро о наших разногласиях. Выход из „семерки“ депутата Бурьянова. Снова в Иваново-Вознесенске	61
XII. Моя поездка за границу и встреча с Владимиром Ильичем Лениным, Каменевым и Зиновьевым. В гор. Берне	65
XIII. Привлечение Чхеидзе. Обструкция и исключение 25-ти депутатов из Государственной Думы на 15 заседаний	67
XIV. Уход из Думы Малиновского. Усиление стачечного движения. Первые стычки бастующих рабочих с полицией в Петрограде. Закрытие рабочих газет. Объявление войны и перелом настроения рабочих	73

XV. Заседание Государственной Думы 26 июля 1914 г. Наша военная декларация	80
XVI. Первое мая в Швейцарии в 1914 г. Паника в Швейцарии после объявления войны. Приезд Владимира Ильича в Берн. Арест Шкловского и других	83
XVII. Возвращение в Россию. Италия, Греция, Сербия, Болгария, Румыния, Иваново-Вознесенск. (Путевые заметки.)	90

Приложения.

Приложение 1-е. Заявление 7 членов с.-д. фракции Госуд. Думы	100
Приложение 2-е. Ответ шести рабочих депутатов	102
Приложение 3-е. Заявление 6-ти депутатов, сделанное меньш. семерке с требованием о равенстве	104
Приложение 4-е. Обращение к рабочим о подавлении семеркой 6-ти с.-д. большевиков	105
Приложение 5-е. О самостоятельном существовании шестерки	109
Приложение 6-е. Об организации большевистской фракции в IV Гос. Думе	110

Иллюстрации:

1) Г. Е. Гнедин	} Члены Иваново-Вознесенского Гор. Комитета РСДРП (1913—1914 г.г.). Первый—работает в Иваново-Вознесенске, второй—погиб в ссылке еще до революции	8—9
2) Челышев		
3) С.-д. фракция IV Гос. Думы (общая—большевики и меньшевики)		23

I. Восстановление Иваново-Вознесенской с.-д. организации. Провокатор Добров. После суда на фабрике.

В 1911 году уже в конце зимы на некоторых фабриках начали возникать отдельные группы с.-д., а затем понемногу начала восстанавливаться между ними связь.

В начале апреля 1912 года лепские события, всколыхнувшие рабочую массу России, сильно подняли настроение на фабриках и заводах Иваново-Вознесенска, а выход в Петрограде «Правды», первой легальной с.-д. большевистской рабочей газеты, явился громадным организующим фактом, послужившим повсюду могучим толчком к собиранию распыленных сил партии.

С появлением «Правды» в Иваново-Вознесенске партийная публика усиленно зашевелилась и начала собирать свои силы. В мае или июне этого года в Витовском бору состоялась общегородская с.-д. конференция — первая после более чем годичного перерыва. На ней представлены были большинство предприятий, избран был городской комитет, в который вошли: Г. Гнедин, Я. Румянцев (Винолюб), Панфилов, Добров (откуда-то прибывший к тому времени в Иваново-Вознесенск, и вскоре же потом оказавшийся провокатором), Сиротов (кандидатом) и, кажется, Икрянистов.

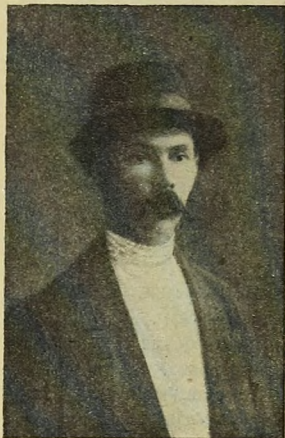
Вскоре после этой конференции была получена нелегальная литература в виде листовок и газеты «Социал-Демократ» и вслед за этим последовали обыски у Фирстова, Гнедина, Панфилова, Сиротова и др.: так как эти обыски произошли вскоре после того как Добров узнал о получении литературы, то на него и пало подозрение в провокации. Его стали избегать, но партийная работа продолжалась. Членов с.-д. организации насчитывалось в это время всего около сотни человек.

Месяцев через 6 — 7 после изоляции Доброва он был странным образом окончательно разоблачен фельетонной статьей в иваново-вознесенской черносотенной газетке «Ивановский Листок». Это было тем более странно, что по имевшимся тогда в с.-д. организации све-

дениям, автор упомянутой статьи был А. Сквородин («Быстрый»), который, благодаря своему предосудительному поведению в 1910 г. на суде (см. мою вторую книжку), тоже подозревался в провокации.

После этого разоблачения Добров очень скоро совершенно исчез из города. Этим же летом у Гнедина, Пчелина, Виноградова и некоторых других снова были произведены жандармами обыски, но результатов не дали и обошлись без арестов.

Этим же летом (в июле или августе), в лесу за деревней Афанасово, состоялась вторая парт-конференция. Присутствовало 28 чел.,

Г. Е. Гнедин.

Член гор. ком. с.-д. организ. в Иваново-Вознесенске в 1912—13 гг.

и был переизбран городской комитет, в который вошли: Г. Гнедин, Чельшев, Пчелкин, В. Куконков и Я. Лепилов (кандидатом), за отказом Пчелина и Куконкова войти в Комитет, вместо них вошел Я. Лепилов. На этой же конференции обсуждались вопросы о страховой и думской кампании, о распространении полученной из Москвы страховой литературы и т. д. Связь с центральным комитетом партии налаживалась через А. Бубнова и Ольгу Афанасьевну Варенцову.

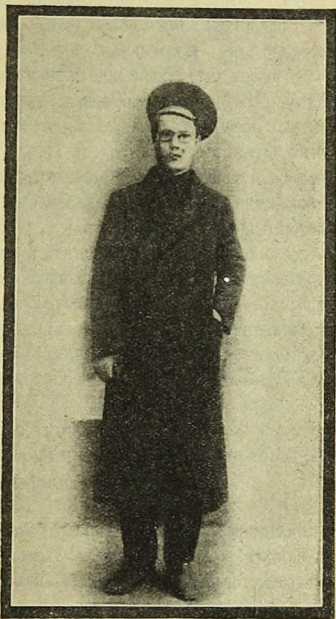
Виднейшими партработниками в этот период были: Фирстов, Шорохов, Лепилов, Гнедин, Чельшев, А. Воробьев, Воронов, Новиков, Румянцев, Рагузин, Никаноров, Гусев, Семенов, Никифоров, Гришин, Силицын, Жехов и др.

Вернувшись из Владимира после оправдательного судебного приговора в конце октября 1911 года, я снова явился на фабрику Грязнова и поступил на прежнюю должность помощника мастера по каландрам. Старшим приставом (или мастером), заведующим отделением каландр, был Ф. И. Королев — простой, бесхитростный, не любивший «работать языком», т.-е. выслуживаться путем клеузничества перед высшей фабричной администрацией, человек, а потому и не числившийся у нее на хорошем счету. Он был денным, а я и мой сменщик Григорий Спиридоныч (фамилии не помню) работали по 9 час. в сутки, сменяя друг

друга и оба были на еще худшем счету у администрации: я — как «неблагонадежный элемент», а он — по причине сильного пристрастия к выпивкам. Таким образом на всех нас в отделении администрация смотрела все время «косо».

В это время в нашем отделении также работали в качестве счетчиков выработки, сменяя друг друга, П. В. Гусаров и Д. Годин.

После суда мое положение на фабрике, казалось, как будто и не изменилось к худшему, но это продолжалось недолго. Через некоторое время я стал замечать какую-то особенную натянутость в отношении ко мне отделочного мастера И. О. Кочина. В обращении со мной он стал проявлять небывалую до того времени сухость, а иногда резкость и грубость, чего раньше совершенно не замечалось. Создавалось неприятное положение, грозившее скверными последствиями; и вот в июне или июле 1912 г. я был неожиданно переведен в счетчики, а работавшие в отделении т. Д. Смирнов и рабочий И. Воронин были уволены с фабрики. Предлогом послужило следующее обстоятельство: однажды вечером, когда дневные рабочие, кончив работу, ушли с фабрики и остались работать только сменные, за отсутствием счетчика выработку стали записывать сами рабочие, которые, по полученным откуда-то администрацией сведениям, записали, якобы, больше, чем было сработано в действительности, и, хотя доказательства этому у администрации не было, тем не менее мы трое подверглись вышеуказанной каре.

Г. С. Челышев.

Член гор. ком с.-д. организации в Иваново-Вознесенске в 1912—13 г.г.

В этой истории рабочие отделения усмотрели кару за убеждения, были недовольны этим и, при всяком подходящем случае, явно высказывали свое недовольство, а переведенному на мою должность Д. Гогину (бывшему некоторое время до этого членом социал-демократической организации, а потому ушедшему из ее рядов) рабочие нередко говорили прямо в глаза, что он любимчик Постникова (зав. фабрикой) и что поэтому последний его и предпочел мне и т. д.

Между тем время шло и приближался срок выборов в IV Госуд. Думу. Рабочие всей фабрики заговорили о моей кандидатуре. В городском комитете с.-д. организации стал вопрос о моей кандидатуре в выборщики, а потом и в члены Госуд. Думы. Слухи об этом, повидимому, проникли и к фабричной администрации, которая, учитывая, вероятно, настроение рабочих, решила исправить «бестактность». И вот, за некоторое время до выборов в Госуд. Думу, однажды Кочин, мастер по отделке товара, сообщил мне, что я снова перевожусь на мою прежнюю должность. — Почему, — спрашиваю я, — ведь я об этом никого не просил? — «Есть такое распоряжение высшей администрации: — нужно подчиниться», — ответил он. Я подумал было сначала отказаться, но потом решил, что это нецелесообразно, и согласился снова занять свою прежнюю должность.

II. Избирательная кампания в IV Государственную Думу. Проводы депутата.

Избирательная кампания в Госуд. Думу 4-го созыва совпала с начавшимся возрождением и быстрым ростом как нашей Иваново-Вознесенской городской с.-д. организации, так и с.-д. организаций во всем Иваново-Вознесенском районе.

В это время проводилась еще страховая кампания, которая также немало помогла оживлению в рабочей среде.

В мае или июне 1912 года по инициативе А. С. Киселева в лесу близ села Богородского было устроено совещание наиболее видных партийных работников по вопросу о выборах в IV Госуд. Думу. Присутствовали: Гведин, Салов, Косарев, Михеев, Фирстов и др. Всего около 10 человек. После доклада Киселева было решено приступить к избирательной кампании.

Настроение «тишины и спокойствия» широких рабочих масс уже прошло, и на фабриках и заводах между рабочими и администрацией

начинались различные конфликты, которыми всецело руководила наша с.-д. организация. Тяготение к ней со стороны рабочих, как к своему старому закаленному в боях руководящему передовому отряду, было уже так велико, что смело можно было надеяться, что избирательная кампания в Государствен. Думу пройдет под нашим руководством и будет для нас успешной, что, как будет видно ниже, и оправдалось.

Через некоторое время после этого совещания в лесу близ деревни Балино городским с.-д. комитетом была созвана партийная конференция, на которой присутствовали представители всех фабрик и заводов города (за исключением заводов: Константинова и Лепешкина, на которых не было еще тогда партийных ячеек). На этой конференции были намечены кандидаты в уполномоченные по выборам в Госуд. Думу от рабочих города Иваново-Вознесенска и железно-дорожных мастерских.

Как и в III Госуд. Думу, я был снова намечен кандидатом в уполномоченные от фабрики П. Н. Грязнова (Покровская мануфактура).

14 сентября 1912 года на всех промышленных предприятиях Иваново-Вознесенска состоялись выборы уполномоченных от рабочих по выборам в IV Госуд. Думу, и всюду прошли кандидаты партийной с.-д. организации, кроме названных выше заводов Лепешкина и Константинова, где прошли два беспартийных, да фабрики Н. Гарелина, где вместо партийного кандидата И. С. Селянина уполномоченным был избран Смирнов-Малков.

Смирнов - Малков был старый партийный работник, но в это время он не входил в организацию и прошел как беспартийный вопреки ей.

На собрании избирателей рабочих фабрики Н. Гарелина, Смирнов-Малков выступил с речью, в которой, между прочим, заявил, что «теперь партийных кандидатов не должно быть, так как с.-д. организации теперь нет, и что выбирать надо беспартийных». Так как он говорил недурно и речь его произвела на слушателей впечатление, а кандидат партии И. С. Селянин был слабее его и состязаться с ним не смог, то в результате Смирнов-Малков и был избран уполномоченным.

От фабрики Грязнова я прошел почти единогласно. С таким же приблизительно успехом прошли и все остальные кандидаты партийной организации и на всех других предприятиях.

Список уполномоченных от фабрик и жел.-дорожных мастерских гор. Иваново-Вознесенска¹⁾.

14 сентября 1912 года уполномоченными от рабочих избраны:

На фабрике А. М. Гандурина — Грачев, Витовых — Скворцов, Грязнова — Самойлов, Н. Гарелина — Смирнов-Малков, Щапова — Мужжавлев, Н. И. Гандуриных — Харитонов, Т-ва Ткацк. ман. — Шорохов, И. Гарелина — Голованов, Н. Дербенева — Бабашев, Зубкова — Макаров, Н. М. Полушина — Спиридонов, Завод Лепешкина — Крутичиков, Н. М. Калашин — Быков, Механ. издел. — Серов, Смоляковский — Самодуров, Куваева — Маслов и Мозжухин, Бурылина — Кузнецов, Фоклина — Васькин, Бурылина — Степанов, Маракушева — Лапшов, Зав. Константинова — Кувальцев, Ф-ка Кашинцева — Кулагин. Типография Соколовых — Беркольцев.

Как уже сообщалось, все избранные уполномоченные — левые с.-д., за исключением двух.

Наконец, за несколько дней до поездки уполномоченных во Владимир для избрания выборщиков, партийной организацией были намечены кандидаты. Было решено: от Иваново-Вознесенска выставить двух кандидатов обязательных и одного запасного «на всякий случай». Одно место предоставить Шуйскому уезду (тейковцам, Шуе и Кохне) и два места для остальных (орехово-зубцам, александровцам и проч.). В качестве обязательных кандидатов от Иваново-Вознесенска были намечены Ф. Степанов и я — Ф. Самойлов, а «на всякий случай» — В. П. Кузнецов. Шуйскому уезду было предложено наметить кандидата на местах по их усмотрению. Мне, Степанову, Короткову («Святой») и кому-то еще было поручено руководить во Владимире выборами.

По дороге во Владимир между уполномоченными шел разговор о кандидатах и наблюдалось отрицательное отношение к В. П. Кузнецову ввиду того, что он во время избирательной кампании редко посещал партийные собрания и вообще был излишне «осторожен» и мало активен в партийной работе.

¹⁾ Приведенный список взят из газеты «Старый Владимирец», издававшейся в городе Владимире. Он неполон, всего уполномоченных было на два, на три человека больше указанной в нем цифры.

Кто из перечисленных в этом списке «двое монархистов», как указывает вышеназванная газета, я не знаю, знаю только, что Серов (завод механ. издел.) и Степанов (фабрика Бурылина) впоследствии оказались провокаторами, а Лапшев (фабрика Маракушева) баллотировался во Владимире в выборщики вопреки воле с.-д.

Во Владимир со всей губернии прибыло всего 182 уполномоченных. Все разместились в разных гостиницах и, когда утром 10-го числа большинстве собралось в большой чайной так называемого «Народного Дома», было решено послать к губернатору представителей с просьбой о разрешении устроить предвыборное собрание для совещания и назначения кандидатов в выборщики. В числе этих представителей были В. П. Кузнецов, я и другие — всего 5 человек.

Губернатор (кажется Сазонов) встретил нас очень холодно, почти враждебно. И когда я обратился к нему со словами: «Господин губернатор» и т. д. то он, не дав мне договорить, стуча себя в грудь и наступая на меня, закричал: «Превосходительство! Я — превосходительство!»

Мне и раньше не раз приходилось по разным делам бывать у этого губернатора, но такого приема я еще у него не встречал, и в первый момент он сильно озадачил нас.

— Я человек не военный и ваших титулов не знаю, — сказал я ему, когда он кончил кричать, но он еще громче закричал, попрежнему ударяя себя в грудь:

— Я превосходительство! Я превосходительство! — и топнул ногой.

— Ну, хорошо, — говорю я, — ваше превосходительство, мы пришли к вам с просьбой разрешить нам собраться.

— Не могу, не могу, никаких собраний не разрешаю! — отвечает он, снова сильно повышая голос.

— Но как же нам быть, мы должны избрать выборщиков, — снова говорю я, — а для этого нужно устроить совещание.

— Это меня не касается, как хотите, так и выбирайте, а собраний я вам никаких не разрешаю! — снова закричал он и, повернувшись, ушел к себе в кабинет.

Перед нами встал вопрос об устройстве нелегального собрания, где-нибудь за городом, как это было во время выборов в III Госуд. Думу. Но когда мы вышли на улицу, шел проливной дождь, небо было сплошь обложено тучами, и от мысли о загородном собрании пришлось отказаться; вместо этого, вечером того же дня мы собрались в каком-то подворье и устроили нелегальное собрание представителей уездов.

На этом собрании под моим председательством, после короткого совещания, были окончательно намечены кандидаты в выборщики. От Иваново-Вознесенска были намечены кандидаты нашей с-д. организации — Ф. Степанов и я, от Орехова-Зуева — Тарасов и Сергеев и от Шуйского уезда — тейковец Семенов и один от Александровского

уезда (фамилии его теперь уже не помню). Все намеченные были с.-д. большевики, выставлялись кандидатуры и беспартийных, так, например, группа человек в 5—6 (теперь уже не помню какого уезда) выставила кандидатуру, насколько помню, Сотникова или Бобкова, который на вопрос о партийности ответил, что он «беспартийный прогрессист», а когда мы его взяли, как говорится, «в работу» и задали ему вопросы, что мол это за штука такая, эти самые беспартийные прогрессисты, где они находятся, чего хотят и т. д. то, отвечая им, он заявил, что «беспартийные прогрессисты, так же как и с.-д., борются за интересы рабочего класса, и не меньше их идут в ссылки, тюрьмы, на виселицы и проч.» А на вопросы, почему же их нигде не видно и ничего не слышно об этой их героической борьбе за интересы рабочего класса, он ничего не мог сказать и был, конечно, «с треском провален».

На другой день в большом помещении под председательством городского головы гор. Владимира (как это полагалось по тогдашнему избирательному закону) были произведены выборы выборщиков. Многие из намеченных в выборщики кандидатов нам, иваново-вознесенцам, были незнакомы, поэтому перед открытием собрания мы решили их несколько «проэкзаменовать». Один из ореховцев — Сергеев не выдержал этого экзамена, так как на вопрос: «будет ли он баллотироваться в члены Госуд. Думы, если партийной организацией от рабочих будет выставлен не он, а другой кандидат», он ответил: «почему, мол, не баллотироваться? зачем же тогда и в выборщики идти?» и т. д. Нам было ясно, что Сергеев — ненадежный и недисциплинированный товарищ, от которого мы решили отделаться.

Открыв собрание, председатель предложил приступить к выборам по уездам, в алфавитном порядке. Первым баллотировался наш кандидат от Александровского уезда и был провален. Нам, организованных, с примыкающими к нам большей частью беспартийных было большинство, поэтому провал нашего кандидата был непонятен; мы подозревали ореховцев в нарушении соглашения, но те это отрицали, поэтому предполагалось две причины: или кто-то изменил, или же просто тут были причины технического свойства (неумение без привычки обращаться с шарами). Дальше начали баллотироваться беспартийные. Их было несколько десятков человек. Все они разбились на маленькие кучки, и каждая выставляла своих кандидатов. Пока мы их одного за другим проваливали, прошло немало времени. Нам надоела эта процедура, а неопытные беспартийные кучки, несмотря на явную безнадежность своих притязаний, все продолжали баллотироваться. Председателю, наконец, тоже надоела эта пустая музыка, и, обращаясь к собранию, он

предложил «сговориться насчет кандидатов». Я ответил, что мы давно сговорились, и предложил ему пробаллотировать наш список, но он возразил, что баллотироваться можно только по уездам в алфавитном порядке.

Наконец бесполезная процедура проваливания беспартийных кончилась, и очередь дошла до наших кандидатов. Первым баллотировались ореховцы (по алфавиту буква О), за кандидата Сергеева, ввиду его ненадежности, как партийно невыдержанного товарища, многие не голосовали, — и он был провален (получив 67 и минус 124). Вместо него мы предложили ореховцам выставить другого с условием уступить нам, Иваново-Вознесенцам, вакантное место провалившегося александровца, таким образом представилась возможность выставить кандидатом от Иваново-Вознесенска имевшегося у нас «на всякий случай» В. П. Кузнецова. После провала Сергеева следующие двое ореховцев были избраны в выборщики. Первый из них, Тарасов, получил 99 и минус 65, а второй, Лысяков — 87 и минус 68. Затем стал баллотироваться от нашего Шуйского уезда (Иваново-Вознесенск тогда был тоже Шуйского уезда) — тейковец Семенов, получивший 114 и минус 43. Иваново-вознесенцы: Ф. Степанов — 112, Кузнецов — 110 минус 45 и Самойлов (я) — 118.

После нас баллотировался еще один беспартийный иваново-вознесенец — Лапшов (с фабрики Маракушева), но провалился, получив 39 минус 116. Этим выборы были закончены.

Видя такой блестящий успех намеченных нами в организованном порядке кандидатов и нашу дисциплинированность, председатель громко высказал свое по этому поводу удивление.

Когда, по окончании выборов, мы вернулись в Иваново-Вознесенск, перед партийной организацией встал вопрос, кого наметить кандидатом в члены Госуд. Думы; после ряда совещаний городского комитета с представителями окружных с.-д. организаций (Тейкова, Шуй, Кохмы и других), было решено выдвинуть мою кандидатуру, а «на всякий непредвиденный случай» первым должен быть Степанов, а вторым — В. П. Кузнецов.

За несколько дней до нашего отъезда во Владимир, ко мне на квартиру в нетрезвом виде явился вдруг Смирнов-Малков и в присутствии хозяина квартиры бросил мне обвинение в растрате денег закрытого полицией в 1909 году профессионального союза ситце-печатников, председателем правления которого я состоял.

Я в тот же день сообщил об этой истории в городской комитет, а дня через два в издававшейся тогда в Иваново-Вознесенске черносотенной газете «Ивановский Листок» появилась следующая инсинуация:

«О чем говорят».

«Говорят, что в выборщики в губернское избирательное собрание окончательно назначен со стороны рабочей соц.-демократической партии некто С., которого все рабочие, в том числе и орехово-зюевские, большинством решили провести в Госуд. Думу.

Говорят, что из многих десятков тысяч рабочих лучшего человека не нашли...

Говорят все те же сознательные рабочие, что избранник тов. С. растратил деньги союза ситце-печатников, показав членам союза во время проверки отчетности фигу (на то и штука в море...)

Говорят, что по поводу растраты рабоче-союзнических денег назначенным депутатом С. последнего уличил М., на которого будущий депутат так обиделся, что пустил в дело свои кулаки, наставив обидчику здоровых синяков.

Правда глаза колет.

Говорят, что по поводу таких выборов удивляться особенно не следует, так как-де прогрессивные партии нередко заведомо будто бы стараются провести в Госуд. Думу посредством нелегальной агитации политических мошенников.

Таков будто бы девиз у них: «Чем хуже, тем лучше»...

(«Ивановский Листок» № 221. Суббота, 12 октября 1912 года¹).

В городе я был хорошо известен еще как член первого Совета рабочих Депутатов в 1905 г., а позднее как председатель правления самого крупного из профессиональных союзов, союз «ситце-печатников», и что за мной подобных прехов не водилось, знали не только партийные товарищи, но и широкая беспартийная масса. Я был убежден, что этой грязной клевете никто не поверит, но, тем не менее, эта глупая сплетня, рассчитанная на легковерие и наивность моих избирателей рабочих с целью скомпрометировать мою кандидатуру, в первый момент меня очень возмутила, и, прочитав ее, я немедленно довел об этом до сведения товарищей членов городского комитета с.-д. организации (Гнедина, Чельшева и др.), но городской комитет решил игнорировать всю эту историю, исходя из того взгляда, что черносотенный «Ивановский Листок» на то и существует, чтобы клеветать на рабочее движение и дискредитировать его вождей и т. д.

¹) По словам товарища В. С. Смирнова-Малкова, автором этой инсинуации был провокатор Н. Тепляков, ныне где-то скрывающийся.

Меня успокоили и предложили плюнуть на эту выходку погромщиков и спокойно ехать во Владимир на выборы, заявив, что тут разбирать нечего: «мы тебя знаем не с сегодняшнего дня» и т. д.

Восемнадцатого октября были назначены выборы членов Госуд. Думы, и вечером 17-го мы, трое выборщиков (Ф. Степанов, В. П. Кузнецов и я), поехали во Владимир, а здесь меня ожидал новый сюрприз.

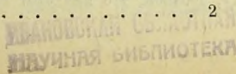
Когда мы встретились с прибывшими остальными тремя выборщиками (двумя ореховцами и одним тейковцем), то на первом же устроенном нами в номере одной из гостиниц совещании ореховцы развернули номер «Ивановского Листка» и, указывая на напечатанную в нем обо мне инсинуацию, потребовали объяснения. Я вышел из комнаты, а мои товарищи, Кузнецов и Степанов, тут же удовлетворили требование ореховцев, и вопрос таким образом был исчерпан. При этом выяснилось, что листок обоим был прислан по почте, по экземпляру каждому, из Иваново-Вознесенска.

Дальше нас ждала еще одна неприятная неожиданность: мы забыли взять у иваново-вознесенской полиции удостоверения в том, что мы выборщики, без которых нас отказывались пропустить на избирательное собрание, и только благодаря помощи местного выборщика, присяжного поверенного Гвоздева (кажется, октябриста), нас пропустили после долгих хлопот.

На избирательном собрании (оно происходило в большом зале так называемого Дворянского Собрания) присутствовало всего около 90 человек, подавляющее большинство которых, как и в III Госуд. Думу, были помещики и капиталисты. Много было также псов, затем шли мещане «от вторых съездов городских избирателей», потом крестьяне — 13 человек и, наконец, мы, рабочие, — 6 человек. Выборы по нашей рабочей курии прошли довольно гладко, несмотря на самую неблагоприятную для нас обстановку. Выбран был, как и во время выборов в III Госуд. Думу, намеченный партией кандидат, остальные пять рабочих выборщиков отказались баллотироваться, и, таким образом, в члены IV Госуд. Думы был избран я, как кандидат партии.

Выборщики из крестьян, как и во время выборов в III Госуд. Думу, вели себя возмутительно, никакой дисциплины среди них не было и невозможно было ее создать. Это были в подавляющем большинстве разной величины кулаки. Вот их социальный состав:

Рядовых крестьян	4
Волостных старшин	5
Торговцев	2
Членов земских управ	2

Каждый метил попасть в Госуд. Думу, все баллотировались, представив (не в пример нам, рабочим) помещицъему и буржуазному большинству губернских выборщиков полную волю выбирать того, кто наиболее этому большинству нравился. В результате от крестьян в члены Госуд. Думы был избран кулачок, имевший десятин 70 земли, Тарутин (кажется, октябрист или монархист, точно не помню).

Общие результаты выборов были таковы: из 6 избранных от губерний депутатов — один кадет (к.-д.) один с.-д. большевик (я), 4 октябриста и монархиста.

В день отъезда из Владимира в издававшуюся тогда во Владимире кадетскую газетку «Старый Владимирец» я дал следующую заметку:

Жалоба на клевету.

«Как мы слышали, вновь избранный депутат Госуд. Думы от рабочих Ф. Н. Самойлов привлекает к ответственности за клевету в печати редактора газеты «Ивановский Листок» — Н. И. Зайцева.

«Старый Владимирец», № 232. Воскресенье. 21 октября 1921 г.

По приезде с выборов я стал готовиться к отъезду в Петроград, выступал на ряде нелегальных собраний в Иваново-Вознесенске и в Тейкове, а городской комитет решил устроить мне проводы.

Через несколько дней после появления в «Старом Владимирце» заметки о привлечении редактора «Ивановского Листка» — Зайцева к ответственности в «Ивановском Листке» появилась следующая заметка:

Необходимое пояснение.

«Как известно, все газеты пользуются всякими животрепещущими слухами, хотя последние часто измышляются досужей фантазией наивных и злонамеренных людей, но все-таки они печатаются, несмотря на то, что им доверяться вполне не следует, что отлично знает вся читающая газеты публика.

На-днях мы поместили в своей газете тоже слух, который произвел, повидимому, неприятное впечатление на того, кого он касается. Мы напечатали, что депутатом в 4-ую Госуд. Думу 18 сего октября выбран от рабочей партии Владимирской губернии некто Ф. Н. Самойлов (ст. рабочий фабрики т-ва Признова), которого, по слухам, некоторые рабочие подозревают в растрате союзных денег.

Слух этот мы напечатали со следующей оговоркой: «Темна вода во облацех», добавив, что нам этот слух кажется невероятным».

И, действительно, мы не ошиблись. Слух этот, по справкам, оказался ложным, что мы и исправляем, извиняясь перед г. Самойловым.

Досадно на то, что этот слух измыслила, видимо, дикая фантазия каких-то рабочих (чуть ли не меньшевиков), кои ввели нас в заблуждение, прикрывшись чужими именами и адресом. Таким образом, мерзавцам, сообщившим ложь, мы выражаем полное презрение».

(«Ивановский Листок» № 234. Вторник. 30 октября 1921 г.)

Несмотря, однако, на это «опровержение», я подал на Зайцева, редактора «Ивановского Листка», в суд жалобу. Следовательно вызывал мириться, но я это отклонил, и делу был дан дальнейший ход.

За несколько дней до моего отъезда в Петроград (кажется числа около 10 ноября) ко мне на квартиру явился товарищ из Москвы (фамилии его уже не помню) и передал мне письмо от Р. Малиновского, в котором последний предлагал мне срочно получить заграничный паспорт и немедленно выехать в Москву, чтобы ехать с ним (Малиновским) за границу.

Это было для меня большой неожиданностью. Я уже приготовился к поездке в Петроград. Оставалось только побывать еще на двух-трех собраниях в Иваново-Вознесенске и других местах. В с.-д. организациях все уже было готово к проводам. По пути в Петроград я собирался заехать в Орехово-Зуево, чтобы там тоже провести собрание, а тут вдруг такое письмо от Малиновского, которого я никогда не встречал, только знал из газет, что он избран в IV Госуд. Думу от рабочих Московской губернии. Проверить подлинность письма было невозможно, так как почерка Малиновского я не знал, а товарища, привезшего письмо, видел тоже в первый раз. Предложив поэтому переночевать у меня, я обещал ему выяснить вопрос до следующего дня.

Товарищи, члены городского комитета и другие, с которыми я совещался по этому вопросу, высказались против этой поездки. Поэтому на другой день я заявил посланцу Малиновского, что ввиду большого количества всякой партийной работы, имеющейся у меня перед отъездом в Петроград, я поехать не могу. Он сначала было решительно настаивал на поездке, а потом согласился с моими доводами и уехал в Москву один.

Наконец я собрался ехать в Петроград. Утром в день отъезда¹⁾ я ходил в полицейское управление за удостоверением в том, что я дей-

¹⁾ Дня за три до моего отъезда была созвана общегородская конференция, на которой обсуждался наказ депутату. Этот наказ был принят и вручен мне.

ствительно член Госуд. Думы (это требовалось для предъявления в канцелярию Госуд. Думы). Получив эту бумагу, я пошел к помощнику полицеймейстера и заявил ему, что, возможно, как и моим двум предшественникам — втородумцу Жиделеву и третьедумцу Воронину, рабочие устроят проводы, и я предупреждаю его, что если полиция не будет мешать проводам, то я ручаюсь за порядок, в противном же случае вся ответственность за могущие произойти беспорядки полностью ляжет на полицию.

— Хорошо, — ответил он, глядя на меня из-под сурово-нахмуренных бровей, — принимаю к сведению. — Счастливого пути!

Судя по настроению представителя власти и по его ответу на мое заявление, я сделал вывод, что проводы должны обойтись без особых инцидентов, так оно и было в действительности. Полиция не вмешивалась. Вечером, в день отъезда на площади у вокзала собралось 2—3 тысячи рабочих, перед которыми в течение двух-трех часов свободно выступали с речами несколько товарищей (Гнедин, Кашин и др.). Затем был прочитан «Наказ рабочих своему депутату», и после моей ответной речи на него уже перед самым отходом поезда собрание спокойно разошлось.

Сравнивая эти третьи по счету проводы рабочими своего депутата с проводами Жиделева в начале 1907 г. и Воронина в конце 1907 г., можно было видеть бьющую в глаза громадную разницу между ними. Жиделева провожало несколько десятков тысяч человек рабочих, остановивших для этого все фабрики и заводы в городе. В проводях Воронина участвовало уже гораздо меньше, а на эти последние проводы собралось всего 2 — 3 тысячи человек.

Это обстоятельство ясно говорило о том, что за пятилетний период жизни III Госуд. Думы интерес широких рабочих масс к Госуд. Думе падал чем дальше, тем все больше и больше.

III. Москва—Петроград. Депутаты с.-д. IV Госуд. Думы. История с Ягелло. Открытие IV Государственной Думы.

Поехал я через Москву. На станции Тейково меня встретила порядочная толпа тейковских рабочих. (Эта встреча была организована с.-д. организацией.) За время короткой остановки поезда (минут 10) с площадки вагона я произнес небольшую речь. Мне кратко отвечали и затем долго и громко кричали вслед уходящему поезду, выражая пожелания успеха в думской работе и обещания своей поддержки.

В Орехово-Зуево на этот раз захватить не удалось.

По приезде в Москву отыскал Ольгу Афанасьевну Варенцову и показал ей письмо Малиновского; она тоже его почерка не знала и заметила, между прочим, что для рабочего этот почерк слишком размашист, и что я правильно поступил, отказавшись от поездки.

О. А. дала мне адрес Николая Ильича Подвойского, к которому предложила зайти по приезде в Петроград.

В Москве я был в первый раз в жизни. До этого времени с 12½ лет я жил только в Иваново-Вознесенске, да бывал еще несколько раз во Владимире и Шуе, никогда дальше пределов нашей Владимирской губ. не выезжая, — поэтому вполне понятно, что Москва произвела на меня сильное впечатление. Все большие многоэтажные дома казались мне фабриками, потому что в нашем Иваново-Вознесенске такой величины зданиями были только фабрично-заводские корпуса. Большое впечатление произвели на меня также Большой театр, Третьяковская галерея, где мне удалось побывать при помощи О. А. Варенцовой. Движение трамваев, шум и сутолока столицы, о которой я до сих пор имел лишь смутное представление, оглушили меня.

Петроград, куда я приехал на следующий день, ошеломил меня еще больше, чем Москва.

Я взял извозчика и отправился на квартиру Николая Ильича Подвойского. Было еще начало 10-го. Когда ему доложили, он быстро вышел ко мне и, узнав, кто я, пригласил раздеваться и стал спрашивать о положении дел на местах, об истории выборов и т. д. После завтрака мы направились в редакцию «Правды», где встретили некоторых ответственных руководителей газеты (тов. Еремеева, Конкордию Николаевну Самойлову и др.) и беседовали с ними по разным вопросам, и, между прочим, я рассказывал им также о положении дел в нашей губернии, об избирательной кампании и т. д. Вернувшись на квартиру Николая Ильича после обеда, я вкратце изложил историю выборов в Госуд. Думу в нашей губернии, — она была тут же записана и немедленно послана Владимиру Ильичу Ленину. Потом, я позвонил в одну из гостиниц, где по Н. И. сведениям должны были находиться, прибывшие уже в Петроград, другие депутаты, там оказался М. И. Скобелев. Это был первый из встреченных мною с.-д. депутатов.

Распростившись с Николаем Ильичем, я направился в эту гостиницу и, познакомившись со Скобелевым, отправился с ним разыскивать других депутатов. В этот день мы видели, кажется, только Чхеидзе.

Ночевать меня направили на квартиру А. Н. Рябинина. Там, кроме самого Рябинина, я встретил еще несколько человек, все они очень

живо заинтересовались мною и расспрашивали подробно, как прошли у нас в губернии выборы, каковы дела в с.-д. организациях и т. д.

Утром на следующий день я направился в Таврический дворец, где встретил товарищей с.-д. депутатов (Бадаева, Хаустова, кажется Петровского и некоторых других), а вечером мы устроили заседание, на котором были заслушаны доклады о выборах и представлены наказы избирателей. Выяснилось, что от всех 6 крупнейших промышленных губерний (рабочая курия) были избраны большевики (Петроградская губ. — А. Е. Бадаев, Московская — Р. В. Малиновский, Екатеринославская — Г. П. Петровский, Харьковская — М. К. Муранов, Костромская — Н. Р. Шагов, и Владимирская — Ф. Н. Самойлов). Затем три рабочих депутата прошли от других губерний (Хаустов — от Уфимской губ., Бурьянов — от Таврической и Туляков — от Донской области). От Кавказа: Чхенкели — от Батумско-Карской области, Скобелев — от русского населения Закавказья и Чхеидзе — от Тифлиса. Последние 6 были меньшевики. Значит, всех с.-д. было 12. 13-м был п. п. с. — Ягелло.

Из докладов выяснилось, что все 6 рабочих большевиков проведены были в Думу партийными с.-д. организациями, как кандидаты партии и почти везде (кроме Петрограда) выборы их прошли при самом строгом соблюдении партийной дисциплины. В самом же Петрограде, — благодаря тому, что в числе 6 рабочих выборщиков было 3 большевика и 3 меньшевика и обе эти части не смогли сговориться на одном кандидате, — баллотировались оба кандидата: один большевик и один меньшевик, и избран был большевик А. Е. Бадаев.

От остальных мест все 6 с.-д. меньшевиков прошли в обычном порядке, кроме Хаустова (от Уфимской губ.), который был избран во время нахождения его под арестом в административном порядке. Когда он был избран, полиция была вынуждена его освободить.

Некрасивая история произошла с избранием п. п. с. Ягелло (от Варшавы). Он прошел в депутаты вопреки воле всех с.-д. рабочих выборщиков, при поддержке бундовцев, вступивших на выборах в блок с п. п. с. и поддержавших Ягелло против остальных с.-д. выборщиков. Значит, депутат п. п. с. Ягелло, борясь на выборах с польскими с.-д., прошел в депутаты, вопреки их воле; но он, считая себя социалистом (и даже с.-д.), претендовал на вступление в с.-д. фракцию Госуд. Думы на одинаковых со всеми с.-д. депутатами правах. По этому вопросу во фракции разгорелся ожесточенный спор. Меньшевики настаивали на приеме Ягелло во фракцию, как полноправного ее члена, указывая на то, что избрание от Варшавы социалиста Ягелло имеет большое поли-

тическое значение, и подчеркивая, что он почти с.-д.» и т. д. Мы же были против приема Ягелло как по формальным мотивам, так и потому, что он прошел в депутаты в борьбе с нашими товарищами польскими

Социал-демократическая фракция IV Гос. Думы (общая — большевики и меньшевики).
Слева направо: 1) Туляков, И. Н.; 2) Бадаев, А. Е.; 3) Петропавловский Г. И.; 4) Самойлов, Ф. Н.; 5) Хаустов, 6) Малиновский, Р. В. (провокатор); 7) Муранов, М. К.; 8) Чхидзе, Н. С.; 9) Соболев М. И.; 10) Бурьянов; 11) Чхенкели, А. И.; 12) Шагов, Н. Р.; 13) Ягелло, Е.; 14) Маньков, И. Н.

социал-демократами и против их воли. По нашему пониманию, голосовать за прием Ягелло во фракцию значило бы пойти против наших товарищей польских соц.-дем. Обе стороны упорно отстаивали каждая свою точку зрения, и спор очень затянулся. На заседаниях во время обсуждения этого вопроса, кроме нас, депутатов, всегда присутствовало

еще несколько человек от каждой стороны из виднейших питерских с.-д., как сведущих лиц, а также от бундовцев и п. п. с. Так, например, от большевиков — присутствовали: Варский (Ц. К. польских с.-д.) и кто-то еще от Варшавского Комитета польских с.-д., Н. Д. Соколов, М. А. Савельев, Н. Н. Крестинский и другие. От меньшевиков: Маевский, Александровский и другие. От п. п. с. — Лисовский и др. Все они принимали самое горячее участие в дебатах.

Заседания фракции нередко затягивались до утра (часов до 3 — 4, а случилось, и до 5 — 6 часов). Спор этот продолжался дней 10. В конце концов вопрос был отложен до приезда ожидавшегося от Иркутской губернии с.-д. депутата Манькова, голос которого и должен был решить его окончательно. Фракция конституировалась пока из 12-ти человек, из которых один только Чхеидзе был знаком с думской работой, так как он провел уже в III Госуд. Думе все 5 лет, все же остальные были новички. Чхеидзе поэтому был избран председателем фракции, Малиновский его товарищем, Туляков казначеем. В бюро фракции вошли Петровский и Скобелев.

За день или за два до открытия Госуд. Думы на фабриках и заводах Петрограда группой петроградских товарищей большевиков, представителей разных районов и отдельных предприятий, выпущен был листок, призывающий петроградских рабочих в день открытия Госуд. Думы (15 ноября) бросить работы, двинуться всей массой к с.-д. фракции и с ней вместе демонстративно пойти к Таврическому дворцу; словом, листок призывал рабочих Петрограда в день открытия IV Госуд. Думы устроить однодневную политическую забастовку с демонстрацией.

Узнав об этом, мы, депутаты, всполошились, но особенно сильно встревожились меньшевики, которые были тогда вообще настроены против забастовки. Кто-то из них принес во фракцию этот листок, и, ознакомившись с его содержанием, фракция командировала т.т. Бадаева и Бурьянова в Петроградский Комитет с.-д. для выяснения вопроса. Но П. К. ничего не знал о призыве к стачке, так же, как и ликвидаторский О. К. и редакции газет «Правда» и «Луч». Тогда во фракцию были приглашены их представители.

Представители П. К. и редакции «Правды» в призыве к стачке не нашли ничего особенного, отметив, что «если рабочие хотят отметить день открытия Думы стачкой или демонстрацией, так это их право», но фракция решила выступить с заявлением в газетах, призывающим рабочих воздержаться от стачки, «так как призыв исходил от какой-то неизвестной безответственной группы лиц» и т. д. «Правда» отказалась

напечатать это заявление, и оно появилось только в ликвидаторском «Луче».

Наше заявление, хотя оно появилось только в «Луче», все же стачку дезорганизовало. Бастовало в день открытия Думы только 25 тысяч человек, а вместо демонстрации в некоторых местах были устроены митинги.

15 ноября 1912 г. открылась IV Государственная Дума.

Сначала думскими попами был устроен молебен, потом царский чиновник, статс-секретарь Голубев, читал царский указ об открытии Думы. Во время этих церемоний наша с.-д. фракция и трудовики демонстративно отсутствовали и, только когда умолкли всякие патриотические крики буржуазных и помещичьих депутатов, мы заняли свои места.

Первым «деловым» вопросом были выборы президиума Думы. Наша фракция отказалась от участия в этих выборах. Чхеидзе попросил у председательствующего, чиновника Голубева, слова для изложения мотивов отказа, но Голубев отказал, заявив, что «право всякого участвовать или не участвовать в выборах, а мотивировки тут излишни». То же произошло и с трудовиками.

Председателем был избран октябрист Родзянко. Однако за него голосовали только октябристы, прогрессисты, кадеты и, кажется, небольшая часть националистов, вся же остальная правая часть Думы голосовала против, и он получил 251 избирательных и 150 неизбирательных голосов. После оглашения этих результатов все правые и националисты в знак протеста демонстративно покинули зал заседания.

Затем, на этом и на следующих ближайших заседаниях Думы были избраны два товарища председателя (первым — правый, князь Волконский, и вторым — прогрессист Львов), а секретарем — октябрист Дмитриуков.

Дня через три после открытия Госуд. Думы в нашу с.-д. фракцию явились трое товарищей (в том числе тов. Акулов) и, отрекомендовавшись «той самой инициативной стачечной группой, которая призывала рабочих к политической стачке в день открытия Госуд. Думы», заявили протест против напечатанного в «Луче» заявления фракции и потребовали своей реабилитации путем печати.

Нам, рабочим депутатам, было совершенно ясно, что мы поступили нетактично, вмешиваясь в петроградские дела, так как мы не имели права называть безответственными группу товарищей-большевиков, которых мы не знали. Меньшевики, конечно, возражали. В конце концов, т.т. Муранову и, кажется, Бадаеву было поручено сговориться

с т.т. протестантами и удовлетворить их, поскольку это возможно было в легальных рамках. (Дело это было ликвидировано путем разъяснения рабочим на собраниях, что с.-д. фракция признает свою ошибку и проч.)

IV. Приезд депутата Манькова и окончательное решение вопроса о Ягелло. Вопрос о техническом секретаре.

22 ноября приехал иркутский депутат, П. Н. Маньков, и вручил фракции пакет, в котором иркутские товарищи сообщали, что Маньков прошел в депутаты голосами буржуазии, вопреки воле с.-д.¹⁾ Далее иркутская организация указывала, что Маньков кандидат не подходящий, что у них есть другой. Поэтому она предлагает Манькову снять свои полномочия, после чего на новых выборах она пошлет другого с.-д. кандидата, за избрание которого она ручается.

Сам Маньков по этому поводу заявил, что он поступит так, как решит фракция, предоставляя этот вопрос на ее усмотрение.

Обсудив вопрос, фракция, ввиду недостаточной уверенности в том, что на вторичных выборах действительно может пройти указанный иркутскими товарищами с.-д. кандидат, постановила оставить в Думе Манькова и принять его во фракцию. Особых споров, помню, этот вопрос тогда не вызвал, и Маньков вошел в состав с.-д. фракции.

Самого поверхностного знакомства с Маньковым было достаточно, чтобы увидеть, что он еще более правый меньшевик, чем все другие. Все же в вопросе о Ягелло мы, конечно, без боя сдаться не хотели; и вот на одном из ближайших, устроенных после приезда Манькова заседаний фракции, на котором присутствовали все виднейшие «сведущие лица» обеих сторон, снова поднялся долгий горячий спор о п. п. с. Ягелло, окончившийся вничью, так как один из меньшевиков (кажется, Хаустов) от голосования воздержался.

Тогда был устроен перерыв, во время которого Скобелев неофициально предложил произвести закрытую баллотировку, которую мы, конечно, отвергли. Наконец Н. Д. Скобелевым было внесено компромиссное предложение принять Ягелло во фракцию с правом решающего голоса по вопросам думской работы и с правом совещательного по внутри-партийной и по всем остальным вопросам.

¹⁾ Из 20 выборщиков 8 были устранены («разъяснены») Иркутской полицией и никем не замещены, так что в выборах вместо 20 человек участвовало только 12. (Примеч. автора.)

Резолюция с.-д. фракции.

Выслушав доклад тов. Ягелло и товарищей, осведомленных о ходе избирательной кампании в Варшаве, с.-д. фракция Госуд. Думы признала следующее:

1. При отсутствии точных данных для установления того, большая ли или меньшая часть варшавского пролетариата выдвинула и провела в выборщики тов. Ягелло, представляется несомненным, что он является избранником во всяком случае значительной части польских и еврейских рабочих гор. Варшавы и что выборы его велись под социалистическим знаменем.

2. Избрание тов. Ягелло в депутаты еврейскими буржуазными выборщиками знаменует собой рост сознания даже и в буржуазной среде того, что только социалисты могут быть действительными борцами за справедливые интересы угнетенных национальностей.

И поэтому избрание Ягелло является торжеством социалистических идей. Равным образом его избрание является крупным фактором для развития рабочего движения в Польше.

3. Товарищ Ягелло по своим убеждениям является социал-демократом, что, помимо его заявления, явствует из самого факта выставления и поддержки его кандидатуры блоком Бунда и п. п. с.

4. При таких условиях фракция с.-д. Госуд. Думы приветствует избрание тов. Ягелло в члены Госуд. Думы от города Варшавы, но, считаясь с тем, что тов. Ягелло является представителем п. п. с., еще не объединенной с российской социал-демократией, фракция приглашает его вступить в ее состав на правах решающего голоса в вопросах думской политической деятельности и совещательного голоса в вопросах внутренней жизни российской социал-демократии.

(«Правда», № 182, от 1 декабря 1912 года).

Мы все 6 рабочих депутатов голосовали и против этого предложения, но за него уже голосовали все 7 меньшевиков, и, таким образом, оно было принято. П. п. с. Ягелло вошел во фракцию, как неполноправный ее член.

Вопрос о техническом секретаре фракции также вызвал между нами и меньшевиками большие споры. Мы хотели иметь таковым своего большевика, и таковым была у нас уже в Петрограде В. Н. Лобова, меньшевики же настаивали на своем кандидате, конечно, на меньшевике (это была Софья Моисеевна Зарецкая). Этот вопрос, в конце концов, был также разрешен большинством 7 меньшевиков про-

тив нас, 6 рабочих депутатов. Тем не менее, чувствуя необходимость иметь своего секретаря, мы предложили фракция оставить обоих кандидатов, т.-е. иметь двух секретарей, на что Чхеидзе возразил, что он ничего не имел бы против второго секретаря, если бы ему доказали необходимость этого. Доказать это меньшевикам было, конечно, невозможно. Мы были вынуждены примириться с меньшевистским секретарем, но В. Н. Лобову все-таки оставили при себе.

V. IV Государственная Дума. Наше отношение к так называемой «об'единенной» оппозиции. Декларация правительства Коковцева. Наша декларация,

IV Госуд. Дума, как и ее предшественница III Дума, по своему социальному составу и политическим группировкам делилась на три основные враждующие между собой лагеря, каждый из которых представлял определенный общественный класс населения страны, а именно: 1) реакция от крайних правых до октябристов, 2) либеральная буржуазия разных оттенков от октябристов до трудовиков и 3) революционная демократия, трудовики и наша с.-д. фракция.

С первых же дней существования IV Думы стало ясно, что как цели и задачи, так и тактика всех трех названных враждующих группировок остались теми же, какими были и в III Госуд. Думе.

Правая часть Думы всеми средствами стремилась отстоять все позиции царившей тогда в стране правительственной реакции и всеми способами старались дискредитировать и самый принцип «народного представительства», устраивая всяческие скандалы и неприличные хулиганские выходы при всяком удобном и неудобном случае, подчеркивая этим свое полное презрение к самому «институту» Госуд. Думы.

Либералы всех мастей и оттенков своими громкими речами с думской трибуны стремились доказать как представителям власти, так и правой части Гос. Думы, что они неправы, и, стараясь их «образумить», уговаривали их пойти хотя на некоторые уступки в их требованиях, словом, пойти на разные сделки с ними (ответственное министерство, урезанные гражданские свободы и т. д.). И только представители революционной демократии с.-д., 14 человек и отчасти трудовики, 9 человек, стремились использовать Госуд. Думу исключительно в целях агитации и пропаганды революционных идей, но и здесь необходимо сделать оговорку, что и среди этого третьего лагеря представителей революционной демократии, именно в смысле революцион-

ности, было далеко не все благополучно, в особенности в этом отношении были очень неустойчивы трудовики, они то и дело качались из стороны в сторону — по одним вопросам примыкали к нам, по другим — шли с кадетами.

С.-д. меньшевики, составлявшие тогда большинство нашей фракции, не признавали тогда наших «трех китов» (как легально вкратце называли мы тогда три наших основных революционных лозунга: демократическая республика, конфискация и передача крестьянам всей помещичьей и прочей частновладельческой земли и восьмичасовой рабочий день для рабочих) и сплошь да рядом заменяли их своими ликвидаторскими лозунгами вроде: полновластной думы, свободы коалиций, культурно-национальной автономии и т. д., и только наша большевистская часть с.-д. фракции, 6 рабочих депутатов, была революционно последовательна и устойчива, но в первый год своего существования до момента нашего раскола с меньшевиками, будучи в меньшинстве в своих истинно революционных стремлениях, она подавлялась меньшевистско-ликвидаторским большинством фракции.

В самой Госуд. Думе не было постоянного устойчивого большинства. Центральная, наиболее многочисленная думская фракция октябристов (100 слишком человек из 440 всех депутатов) хотя в большинстве случаев и шла вместе с правыми, но иногда по некоторым второстепенным вопросам склонялась к так называемой «думской оппозиции» (кадетами и прогрессистами), и в такие моменты правыми усиленно начинали муссироваться слухи о роспуске Госуд. Думы за ее «оппозиционность».

Октябристы хорошо знали непримиримое отношение правительства к думской оппозиции, и на большинство Госуд. Думы это всегда «вразумляюще» действовало и всегда имело своим результатом то, что господа октябристы быстро освобождались от своей оппозиционности и вновь возвращались в лоно правых, после чего слухи о роспуске быстро прекращались.

Вообще октябристы оправдали свое название партии «чего изволите», данное ей еще в III Госуд. Думе. Стоило только прикрикнуть на них с верхов правительства, как они уже делали все, что им приказывают.

Вскоре после открытия Госуд. Думы наша фракция получила приглашение от фракции к.-д. явиться на общее собрание так называемой «объединенной оппозиции» для обсуждения совместно с к.-д. и прогрессистами вопросов о всеобщем избирательном праве, о гражданских свободах и т. д. Обсудив это приглашение, наша с.-д. фракция отве-

тила, что она «по соображениям принципиального характера» от участия в таких собраниях отказывается, ввиду явной контр-революционности так называемой думской оппозиции; принято было решение вообще воздерживаться от каких бы то ни было общих дел с ней. В отношении же к трудовикам было решено поддерживать с ними постоянную живую связь для оказания нашего влияния на этих колеблющихся демократов, чтобы оторвать их от к. д., к которым они под влиянием их громких речей часто проявляли тяготение. С этой целью решили приглашать представителей трудовиков возможно чаще на собрания нашей фракции и, в свою очередь, ходить также и к ним на собрания.

Скоро были образованы разные думские комиссии, в которые вошли и наши представители (я, между прочим, входил в сельско-хозяйственную комиссию, другие товарищи в другие комиссии), и только в комиссию по военно-морским делам выдвинутых нами представителей Хаустова и трудовика Рысева не допустили. По этому поводу выступал в Думе с заявлением протеста Малиновский, но протест этот, конечно, так и остался гласом вопиющего в пустыне.

Когда отделы Госуд. Думы по проверке депутатских полномочий (их было, кажется, 11 или 12) закончили свою работу, начались доклады о результатах этих работ. По этому вопросу выступали к.-д. и много развели всякой либеральной болтовни о той «ненормальной обстановке, в которой мы живем» и о всяких незаконных действиях полиции во время выборов. От нашей фракции выступал Чхеидзе, заявивший, между прочим, в своей речи о том факте, что при наличии 3-июньского режима, правильных и законных выборов и быть не может, что мы, с.-д., это знаем давно, и что поэтому панацеей здесь может служить только установление других порядков с гражданскими свободами и т. д. Для наших товарищей, членов с.-д. фракции, с проверкой полномочий все прошло гладко, за исключением Ягелло, против которого было очень враждебное настроено так называемое «польское коло» (группа польских буржуазных депутатов), вопрос о правильности его избрания был отложен до получения с места дополнительных документов, но, в конце концов, когда эти документы были получены, выборы Ягелло большинством Думы были признаны также правильными.

По окончании проверки депутатских полномочий наступил момент «деклараций». Первым выступил председатель Совета министров Ковковцев с декларацией правительства. Он прежде всего воздал хвалу III Госуд. Думе за ее «плодотворную работу», выразившуюся в про-

ведении за пятилетний период своего существования двух тысяч двухсот законопроектов, и выразил надежду, что IV Дума в этом отношении не отстанет от III. Потом он указал на необходимость реорганизации полиции и православного прихода под руководством сельских попов, на обеспечение прав личности путем усиления исключительных положений и чрезвычайных охран. Далее он говорил об улучшении дела народного образования путем расширения прав и усиления влияния церковно-приходских школ и усиления полицейского надзора за всем учебным делом, о расширении столыпинской землеустроительной деятельности по насаждению так называемой «мелкой земельной собственности», по рабочему вопросу обещал позаботиться о сокращении рабочего времени для женщин и детей, нарисовал яркую картину хорошего состояния финансов страны, затем указал на необходимость крупных ассигнований на военные нужды и в заключение призывал Госуд. Думу «забыть всякие партийные счёты и дружно работать на «благо родины», и т. д.

При выработке декларации нашей фракции на целом ряде ее заседаний между «шестеркой» и «семеркой» происходили большие споры по поводу целого ряда отдельных ее пунктов и так же, как и во время обсуждения вопроса о Ягелло, на этих заседаниях с обеих сторон присутствовало много видных партийных работников, «сведущих лиц».

Меньшевицкая семерка всеми силами старалась включить в декларацию ряд пунктов из программы своего «августовского блока» — свободу коалиций, «культурно-национальную автономию», против которой мы решительно протестовали, и т. д. В конце концов, нам все-таки удалось почти все свои важнейшие позиции отстоять. В декларацию вошло большинство или почти все важнейшие пункты нашей программы-минимум, но вошла и их «культ.-национ. автономия». И когда, наконец, выработка декларации была закончена, встал вопрос, кто из членов фракции должен выступить с ней в Думе. Семерка предложила это сделать Малиновскому. Из каких соображений уступила семерка нашей большевицкой части фракции это важное выступление — догадаться было нетрудно: она это сделала из соображений «задобрить», «подкупить» нас в первые моменты жизни фракции, чтобы потом легче было «обрабатывать» нас в их духе.

Это первое выступление Малиновского было бы удачно, но случилось нечто странное: он «случайно» каким-то «незаметным» для себя образом при чтении декларации с думской трибуны выпустил из нее две-три страницы, и как раз те, которые содержали наиболее важные

пункты нашей программы-минимум, а на наши вопросы, как это случилось, он отвечал, что он «и сам не знает, как это произошло». Перелистывая при чтении тетрадь, он каким-то образом сразу перекинул несколько листов и «незаметно» для себя самого пропустил их ¹⁾.

Декларация соц.-дем. фракции IV Государственной Думы.

(Стенограмма.)

«Выступая на трибуну IV Государственной Думы, социал-демократическая фракция заявляет, что ее деятельность будет неразрывно связана с деятельностью социал-демократических фракций прежних созывов. Российская социал-демократия является отрядом международной армии социалистического пролетариата. Обострение классовых противоречий в современном обществе усиливает классовую борьбу в нем. Все учащаются боевые схватки могильщиков современного общества, — класса наемных рабочих, с господами положения — классом капиталистов. Все шире, интенсивнее и грандиознее становится эта борьба, она приведет к победе современного пролетариата, и близится время последней победы социализма.

Наши предшественники во всех трех Думах энергично выступали против милитаризма и в полном согласии с ними и социалистическим интернационалом мы, стоя в настоящее время лицом к лицу с разгоревшимся на Балканах пожаром, от имени российского пролетариата со всей энергией протестуем против попыток господствующих реакционных и либеральных классов — втянуть Россию в войну под каким-нибудь предлогом. Мы присоединяемся к социалистическому конгрессу в Базеле и одновременно объявляем войну войне... (Шум. Голоса: «довольно»).

Председатель. Член Государственной Думы Малиновский, благоволиите держаться в пределах декларации и не касаться тех деклараций, которые сюда не относятся. Держитесь в пределах вопроса.

¹⁾ В дальнейшей работе у Малиновского с его думскими речами нередко также были разные «промахи». Они (речи) часто не соответствовали тому их тексту, который одобрялся фракцией при чтении на ее заседаниях за день или за два до произнесения их в Думе. (Такой порядок предварительного чтения и одобрения фракцией речей депутатов существовал все время.) Малиновский объяснил это все в том же духе, «что он мол не знает, как это случилось» и т. д. и т. п. И в результате, прежде чем печатать в «Правде» стенограммы таких речей, приходилось соответствующим образом исправлять их.

М а л и н о в с к и й... Это есть декларация социал-демократической фракции. Социал-демократическая фракция вполне понимает и сочувствует стремлениям балканских народов освободиться от опеки великих держав, господствующие классы которых в своих корыстных целях стараются увековечить культурную, экономическую и политическую отсталость и раздробленность балканских народностей.

Но мы вместе со всеми балканскими социалистами с негодованием отвергаем политику династических и хищнических интересов балканских реакционеров, связывающих исторически необходимое дело возрождения Балкан с кровавой бойней. Такой путь способен только ослабить силу сопротивления эксплуатируемых народных масс на Балканах и привести к еще большему укреплению милитаризма, служащего... (Шум справа; звонок председателя)... в руках господствующих классов всех стран орудием для усиления эксплуатации и угнетения трудящихся масс.

Приветствуя усилия пролетариев балканских государств прекратить кровопролитие и разрешить балканский вопрос, путем создания балканской федеративной демократической республики, мы заявляем, что нигде... (Шум справа, звонок председателя)... ни на Балканах, ни в Персии, ни на Дальнем Востоке нет таких интересов трудящихся масс России, которые оправдывали бы вооруженное столкновение.

Поэтому мы протестуем против захватной политики русского правительства и заявляем, что всякие внешние авантюры и связанное с ним усиление ужасов милитаризма способно лишь усилить разорение и порабощение народов России и затруднить нерешенные и после 1905 года самые насущные задачи политического раскрепощения страны. Эта очередная задача стала еще настоятельнее и острее после пятилетнего существования III Государственной Думы, где правящая бюрократия, как правительство паразитических элементов и помещичьекapиталистических групп, нашла себе, благодаря перевороту 3-го июня, послушных сотрудников в лице третьедумского большинства. Еще большим усилением народного разорения и бесправия сказалось это сотрудничество.

Земельная политика бюрократии и третьедумского большинства обострила безземелье крестьянских масс, их сословную порабощенность и внесла разорение и анархию в жизнь русской деревни. Финансовая политика попрежнему покоится на истощающих население косвенных налогах, пьяном бюджете и еще более презренного сводится к наполнению карманов господствующих групп и к расходованию свыше трехмил-

лиардного бюджета на непроизводительные цели. Вся экономическая политика стала колоссальным тормазом для развития производительности страны.

Взросшая дороговизна жизни тяжелым гнетом ложится на массу городского населения. Правительство, поддержанное третьедумским большинством, с одной стороны, парализовало силы населения в борьбе с этим бедствием, подавляя всякую попытку самостоятельности, с другой, — еще больше обострило гнет дороговизны, покровительствуя организациям капитала, усиливающих эксплуатацию потребителей. На рабочий класс обрушивается бесконечная цепь преследований его организаций—политических, профессиональных, кооперативных и иных, в то время как боевая организация крупных капиталистов пользуется полным простором.

Вырванное напором рабочего движения признание необходимости страхования рабочих осуществлено третьей Думой в виде законов, которые, не улучшая нынешнего положения рабочих масс, во многих отношениях делают шаг назад по сравнению с фактически действовавшим страхованием от несчастных случаев и врачебной помощью рабочим...

В области государственного устройства торжествующая реакция продолжает идти по пути 3 июня 1907 года. После того, как большинство Думы, созданной актом 3 июня, приветствовало этот акт, за большим государственным переворотом последовал ряд малых; нарочитый роспуск Думы на три дня, массовые раз'яснения избирателей, особенно еврейских, бесконечная цепь ухищрений при делании выборов в IV Думу; сенатское раз'яснение, пытающееся упразднить свободу слова с думской трибуны. Система политического провокаторства остается одним из главных устоев правительственной политики.

Одним из преступнейших актов провокации был заговор против социал-демократической фракции II Государственной Думы (голоса справа: «довольно»), призванной служить делу государственного переворота 3 июня 1907 г. Третья Дума, созданная этим переворотом, конечно, одобрила этот акт правительственной провокации.

Произвол центральной и местной администрации превышает теперь все испытанное Россией до 1905 г. В переполненных политическими пленниками тюрьмах они подвергаются таким издевательствам, пыткам и актам варварской мести, которые были немыслимы в «до-конституционное время». Мы стали очевидцами таких преступлений правительства, как массовый расстрел Ленских рабочих в угоду их

беззащитным эксплуататорам. И весь этот безграничный произвол находил себе неизменное одобрение большинства III Думы.

То же большинство довело до пышного расцвета систему натравливали одной национальности на другую (голоса справа: «наказ». Чхеидзе с места: «да, наказ рабочих») с тем, чтобы легче было разделаться со всеми ими. Особенно дикую форму приняла травля еврейской народности, для этого не постеснялись сделать попытку восстановить легенду мрачного средневековья, пустив в ход кровавый навет о ритуальных убийствах. Этой цели были призваны служить все органы власти вплоть до Щегловитовского суда.

Председатель. Я просил бы вас говорить своими словами, а не читать... (не слышно).

Малиновский... Это декларация (Смех справа. Рукоплескания справа. Голоса слева: «просим»...) ...Активное содействие третья Дума оказала правительству в его стремлении разрушить финляндскую конституцию и в его насильнической руссификаторской политике на окраинах, которая по отношению Польши нашла свое самое яркое проявление в отделении Холмщины.

При поддержке третьей Думы развернулась во-всю варварская система министерства Кассо, разгромившая высшую школу и установившая казарменную атмосферу в средней и низшей школе; наконец, полицейский гнет стал душить печатать как никогда, особенно же рабочую. Вся эта разрушительная, противонародная политика, точно мертвая петля, душит страну. Россия шла бы навстречу разложению и гибели, если бы не движение живых сил народа...

Председатель. Член Государственной Думы Малиновский, я вновь обращаю ваше внимание на 140 статью наказа, которая чтения речей не допускает, а разрешает пользоваться краткими заметками и выдержками. Прошу вас прекратить чтение.

Малиновский. В своей речи я держался очень кратких заметок, а это заявление.

Председатель. Покорнейше прошу с председателем не спорить.

Малиновский (читает). «... рассеивающее атмосферу общественной реакции, вовлекая в борьбу с третьеступенным режимом население, которое не принадлежит к лагерю контр-революции и своими массовыми забастовками против Ленских расстрелов и смертных приговоров, своим протестом против травли иностранцев и политики военных авантюр, первомайской забастовкой и борьбой за свободу своих организаций которое свидетельствует о том, что волна рабочего движения

растет и близится время, когда рабочий класс во главе нового освободительного движения народных масс выступит за полную демократизацию государственного строя.

Учитывая, с одной стороны, чреватое тяжелыми последствиями положение, созданное в стране господством дворянско-плутократической клики, а с другой стороны, нарастающую волну рабочего движения, социал-демократическая фракция IV Государственной Думы будет, исходя из социал-демократической программы, согласовывать свои действия с выдвинутыми движением рабочих масс очередными задачами...

Председатель. Член Государственной Думы Малиновский, § 140 Наказа требует подчинения оратора указаниям председателя. Прошу вас не пользоваться таким исключительным чтением вашей речи. (Голос слева: «просим, просим», смех справа. Степанов с места: «он документ читает, а не речь».)

Малиновский. В интересах представляемого нами рабочего класса мы будем отстаивать введение 8-часового рабочего дня, широкого рабочего законодательства и государственного страхования рабочих от болезней, несчастных случаев, инвалидности и старости, безработицы, а также страхования материнства для всех категорий трудящихся за счет государства и предпринимателей и с гарантией полного самоуправления страхуемых.

Отстаивая все эти требования, социал-демократическая фракция будет действовать с твердым сознанием своего права говорить прежде всего от имени многомиллионной массы рабочих, которая, разрушая все полицейские преграды, неизменно посылала во все Думы только социал-демократических депутатов. Но, кроме того, весь ход выборов в IV Государственную Думу дает нам полное основание заявить: социал-демократия, представленная в Госуд. Думе немногочисленной фракцией, является в стране самой крупной из враждебных современному порядку сил, так как за социал-демократов, кроме рабочих, голосует, несмотря на самые неблагоприятные для нас внешние условия, все большее количество городеких избирателей. На социал-демократию возлагают свои надежды все угнетенные народности; наконец, социал-демократии, несомненно, принадлежат симпатии огромного большинства всех тех, кого уродливый избирательный закон вовсе не допускает к избирательным урнам. Защита всех демократических слоев населения возлагается на партию рабочего класса, благодаря еще и ненадежности и антидемократическому духу либеральной буржуазии в России.

Чувствуя и поддерживая свою органическую связь с рабочим классом, стоящим во главе движения всех демократических слоев населе-

ния, социал-демократическая фракция будет стараться своей думской работой поддерживать и расширять проявления его организованной самостоятельности. Нас не пугает ни сложность, ни трудность стоящих перед нами задач. За нас непреложные законы общественного развития. (Шум.)

Председатель. Не читайте, пожалуйста, иначе я буду принужден лишить вас слова.

Малиновский. Лишайте.

«Исходя из них, мы предвидели революционное движение 1905 года и в период контр-революции предсказывали теперь уже начавшиеся новые выступления рабочего класса за ближайшие требования и конечную цель российской социал-демократии. Эта твердая уверенность вселяет в нас бодрость и в IV Думе работать для приближения того часа, когда всенародное учредительное собрание положит начало полной демократизации государственного строя России и тем самым расчистит пролетариату путь для борьбы за освобождение от цепей наемного рабства, борьбы за социализм». (Рукоплескания слева.)

(«Правда», № 188 от 8 декабря 1912 года.)

В своей предшествовавшей декларации речи Малиновский очень резко и в полном соответствии с ее написанным и одобренным фракцией текстом «разнес» правительство Коковцева, звезда которого уже тогда шла к закату (к нему относились даже отрицательно и правые круты). Этим последним обстоятельством, повидимому, и объяснялась такая решительность Малиновского.

VI. «Шестерка» и «семерка». Аресты Я. М. Свердлова и (Кобы) Сталина.

Ввиду совершенно определенно выявившихся разногласий по основным тактическим вопросам «семерки» и «шестерки», работа в с.-д. фракции была полна непрерывной борьбы между этими двумя ее частями. Ни одно из заседаний ее не обходилось без самых горячих споров по тем или иным вопросам, и на эти споры тратилось очень много времени и сил, а результаты были всегда одни и те же. Все споры, в конце концов, решались большинством одного голоса «семерки» и таким образом точка зрения «семерки» всегда торжествовала, а наше положение во фракции было чрезвычайно трудным. «Семерка» все время была хозяином положения, которое она использовывала полностью в своих фракционных интересах. Она то и дело отказывала нам в выступле-

ниях в Госуд. Думе, намечая ораторами вместо наших товарищей своих единомышленников (как это видно из прилагаемых здесь документов), и по всем спорным вопросам постоянно проваливала все наши предложения.

В самой фракции мы не только не чувствовали товарищеской среды, но, наоборот, все нам говорило, что мы в ней какие-то «пасынки», нежеланные и ненужные, и только в силу необходимости терпимые.

Меньшевицкий секретарь (С. М. Зарецкая) нас определенно игнорировала, а мы, не доверяя ей, в свою очередь, старались как можно меньше к ней обращаться, и вместо нее обращались к нашим петроградским товарищам, виднейшим парторботникам, которые и консультировали нас по всем интересовавшим нас вопросам. Этими товарищами в то время были: М. Н. Крестинский, Н. Д. Соколов, М. С. Ольминский, М. А. Савельев, К. Н. Самойлова, Я. М. Свердлов, Сталин, А. С. Бубнов, Каменев и некоторые другие. Они участвовали на различных наших совещаниях по возникавшим у нас от времени до времени разным вопросам и на общих заседаниях фракции давали нам всякие советы, писали речи для думских выступлений и т. д. Кроме того, много речей, и в особенности в последний год нашего пребывания в Госуд. Думе, получалось нами из Ц. К., и наша работа, конечно, шла без всякой нужды в какой бы то ни было помощи меньшевистско-ликвидаторских деятелей.

В январе 1913 г. у меня в комнате поселился Яков Михайлович Свердлов. Он тогда выполнял обязанности фактического редактора газеты «Правда», жил он в Петрограде нелегально, как бежавший из ссылки (из Нарынского края), и, не выходя никуда из комнаты, он целыми днями возился с газетными рукописями. Мы его использовали полностью, он участвовал на всех наших совещаниях, когда они устраивались у меня или у Бадаева в квартире, и давал нам всякие советы по всем вопросам, как партийной, так и думской нашей работы. Он был, кроме того, очень славный товарищ и во всех частных вопросах жизни. Я очень с ним сжился. Но вот однажды (это было в конце января или начале февраля) ко мне явился дворник нашего дома и, вызвав меня в коридор, заявил, что у него «есть сведения о том, что в моей комнате проживает непрописанное лицо, что во дворе дома появились агенты тайной полиции, которые, должно быть, следят за вашим товарищем, и если, мол, они его арестуют, то и вам, и мне придется отвечать за то, что допустили проживать без прописки. Я ответил дворнику, что ему нет никакого дела до того, кто у меня проживает, а сам, как только он вышел, сообразив, что дело грозит немедленным арестом

для Я. М. Свердлова, тотчас же созвал всех депутатов нашей «шестерки» и на устроенном в присутствии самого Якова Михайловича совещании было решено переправить его на квартиру к Малиновскому. Вечером в тот же день, когда на дворе уже стемнело, мы все группой вышли во двор, и, закрыв собой со всех сторон Якова Михайловича, всей толпой подошли к заднему, выходящему на набережную Невы, деревянному забору, у наружной стороны которого согласно уговору, уже ждал с извозчиком Малиновский. Мы помогли Якову Михайловичу перескочить через забор, и он с Малиновским «благополучно» уехал к нему на квартиру. После этого во дворе у моей квартиры, постояв еще с полдня, шпики исчезли, а Яков Михайлович, прожив несколько дней у Малиновского, 10-го февраля переехал на квартиру к Петровскому, туда же в это время прибыла и его жена, К. Т. Новгородцева, с ребенком, а в ночь на следующий же день в квартиру Петровского явилась полиция и арестовала Якова Михайловича, Новгородцеву и их ребенка. При этом на протесты Петровского и на его заявления, что он депутат, не было обращено никакого внимания, его даже не допустили к телефону, когда он хотел позвонить куда следует, чтобы довести до сведения о совершенном над ним насилии полиции.

Во время обсуждения в Думе нашего запроса по этому поводу произошёл скандал. Во время речи Шагова, когда он, между прочим, сказал, что он живет в одной квартире с Петровским, Пуришкевич крикнул: «Это видать по морде». Против этой хулиганской выходки черносотенного лидера мы, конечно, шумно запротестовали. К нам присоединились трудовики, потом даже кадеты и прогрессисты: «Охранник! шпик!» кричит Чхеидзе. «Вон его хулигана, гоните его отсюда!» слышатся возгласы. Председатель звонит, а шум все усиливается. Очень многие повставали с мест, и как-то незаметно для себя самого, вместе с другими, я очутился на площадке против самой трибуны. По обе стороны и сзади меня, с сильно возбужденными лицами, толпой стояли мои товарищи с.-д., трудовики и некоторые кадеты, а как раз против меня вдруг выросла богатырская фигура известного вождя правых, Маркова П, окруженного толпой своих единомышленников, здоровенных и жирных. Марков П стоял в позе готового к драке человека.

Крики все усиливаются. Непрерывный звонок председателя не помогает. Атмосфера накаливалась чем дальше, тем сильнее. Явно назревала драка. И вот в это время вызванные председателем шесть здоровенных думских приставов влетают на площадку, выстраиваются между враждующими сторонами и начинают уговаривать особенно

волнующихся. Слышится голос Милокова, старающегося кого-то успокоить. Постепенно в зале становится тише. Публика потихоньку расходится по местам. Площадка перед трибуной пустеет, и председатель получает, наконец, возможность говорить. Он предлагает исключить Пуришкевича и Чхеидзе на одно заседание. Пуришкевич, глядя на свои карманные часы, цинично заявляет: «Вы меня исключаете на одно заседание, я ничего не теряю, только на один час пораньше пообедаю». Предложение председателя принимается, и Пуришкевич уходит из зала заседания.

Чхеидзе в своем объяснении говорит, что вот уже пять лет, как мы характеризуем Пуришкевича как охранника, шпиика и наемника, и он этим только гордится, но что «если это выражение вас шокирует, я готов извиниться». При первом голосовании Чхеидзе исключен не был, но потом, путем проверки голосования выходом через боковые двери, был также исключен на одно заседание.

Запрос наш принимается, и Дума переходит к своим очередным «вермишельным делам», а Яков Михайлович после ареста был выслан в административном порядке в Туруханский край на 5 лет.

Через некоторое время после описанных событий к нам явился товарищ Сталин (Джугашвили). Он поселился в нашей же с Бадаевым квартире и был так же, как и Яков Михайлович, нелегальным. В жизнь нашей фракции и газеты «Правда» он играл ту же роль, что и Яков Михайлович Свердлов, и также для нас был ценен, как и первый. Он бывал не только на всех, устраиваемых нами в нашей квартире совещаниях, но нередко с большим для себя риском посещал и заседания с.-д. фракции и, отстаивая в спорах с меньшевиками по разным вопросам нашу позицию, оказывал нам большие услуги.

Однажды (это было в марте месяце этого же года) правдистами в здании «Калашниковской биржи» устроен был вечер-концерт. Ему (Сталину) захотелось туда пойти. Он спрашивал Малиновского, как он думает, стоит ли пойти, не опасно ли это, Малиновский ответил, что, по его мнению, никакой опасности нет и пойти стоит. Т. Сталин пошел, там и был арестован.

VII. Поездка с.-д. фракции в Финляндию. Газета «Правда». История с тов. Гнединым.

В первой половине февраля семь членов с.-д. фракции и двое других товарищей, всего 9 человек, устроили поездку в Финляндию. В Выборге они были встречены представителями с.-д. организации и

профессиональных союзов. Посетили там редакцию «Рабочей газеты», осмотрели музей и крепость, затем, по приглашению товарищей финнов, отправились обедать в Народный Дом. Во время обеда были произнесены обеими сторонами взаимные приветственные речи, и в заключение все зашли «Интернационал». Во время этого пения явилась полиция и потребовала, чтобы все вышли из зала в корридор для проверки документов. Семь человек, имевшие документы депутатов, вышли, а двое без таковых остались и, укрывшись за дверями, благополучно избежали угрожающего им ареста. Дальше все были на Иматре, потом в Гельсингфорсе и, несмотря на повсеместное присутствие шпиков, товарищи финны всюду по-товарищески встречали их. Мы также побывали в редакции «Рабочей газеты», в Народном Доме и в здании парламента присутствовали на заседании фракции финского сейма, где председатель фракции от ее имени и финского пролетариата приветствовал нас на финском языке, а Малиновский отвечал ему на русском. Затем гостей проводили на вокзал, и поезд с ними отошел под пение «Интернационала» толпой человек в 300.

Газета «Правда», выходявшая под руководством представителей Ц. К. (такowymi в разное время были: Я. М. Свердлов, Сталин, Л. Б. Каменев и др.), была тем рулевым, который направлял всю партийную работу в целом, но эта ее направляющая роль никак не могла уместиться в существовавших тогда «рамках легальности». Поэтому газета постоянно терпела большой ущерб от непрерывных набегов полиции и всяких кар в виде конфискации отдельных номеров, штрафов, привлечения к суду ответственных редакторов (которыми были главным образом партийные рабочие), арестов и высылки сотрудников, целого ряда закрытий названий газеты и т. д.

И тем не менее, благодаря непрекращавшейся активной поддержке ее широкими рабочими массами в виде денежных сборов и большого тиража (в несколько десятков тысяч экземпляров) полиция ничего сделать не могла, и наша газета не только продолжала жить, но и усиливалась, увеличивая свой размер и тираж.

Мы, депутаты, в жизни газеты, конечно, также сыграли свою роль.

В начале Малиновский в «Правде» старался вести себя как хозяин, вмешиваясь во все без исключения стороны жизни газеты, а потом роли разделились так: Петровский вошел в редакцию, Бадаев и Шагов стали заведывать хозяйственной и издательской частью (Бадаев долгое время был официальным издателем), а Малиновскому было поручено ведать вопросами профессионального движения, держать связь с профессиональными союзами и информировать фракцию о поло-

женни дел в этой области. Связь с «Правдой» у нас была самая тесная и неразрывная. Мы, депутаты, находились в постоянном общении со всеми виднейшими сотрудниками и руководителями газеты, как то: Савельевым, М. А., Самойловой, К. Н., Еремеевым, Гертиком и т. д. Как в думской, так и во всей остальной нашей партийной работе мы всегда имели от них всяческую помощь и поддержку, словом, наша «шестерка» все время работала в полном единении с «Правдой». Оба эти партийные органа — газета «Правда», с одной стороны, и наша большевистская думская «шестерка» депутатов, с другой, — своей дружной партийной работой взаимно создавали друг другу в рабочих массах авторитет, который с течением времени возрастал все больше и больше.

В организациях на местах с течением времени число подписчиков «Правды» быстро росло. Так, в Иваново-Вознесенской организации уже к осени 1912 г. получалось до 120 экземпляров (50 — через кооператив «Единение—сила» и около 70 — через ячейки). Кроме этого, выписывали еще отдельные лица (немного позднее там получалось уже до 600 экз.), получали также журнал «Просвещение», но, кажется, только первый и второй номер (20 и 40 экз.). Выписывали еще 3 и 4-й номера «Просвещения», но, ввиду ареста адресата товарища Г. Гнедина, эти номера получены не были. (Позднее «Правда» получалась в Иваново-Вознесенске через В. Калашникова.)

Конфискованные номера «Правды» мы, депутаты, посылали на места в большом количестве экземпляров по конспиративным адресам. Об этом нередко проносивала полиция, и с нашими адресатами бывали всевозможные «истории». Так однажды, мною был послан на имя товарища Гнедина в Иваново-Вознесенск конфискованный № «Правды» с напечатанной в нем декларацией нашей с.-д. фракции. Получив повестку, тов. Гнедин явился на почту и по предъявлении повестки чиновнику, за решеткой, у окошечка выдачи посылок, увидал жандарма. Оглянувшись к дверям, он увидал там стоящих по обе стороны двух казаков. Он быстро сообразил, что дело неладно. Было ясно, что представители власти находятся тут недаром; между тем, повестка была уже передана чиновнику и уйти нельзя, положение было критическое. К счастью, находившийся за решеткой жандарм в это время был занят разговором и не замечал подошедшего товарища Гнедина. Чиновник, получив повестку, медлил с выдачей посылки, явно обидая, когда жандарм заметит Гнедина, но открыто на глазах тов. Гнедина напомнить зазевавшемуся представителю власти о его «обязанностях» не решился. Время шло, а, так как долго медлить было неудобно, он и выдал посылку. Получив ее, тов. Гнедин моментально очутился на улице, взял

не торгуясь извозчика, и таким образом уехал от жандарма. Приехав на квартиру, Гнедин немедленно отправил посылку в надежное место к одному из живших по близости товарищей. Жандармы явились к нему, когда уже все было убрано и на их вопросы: «где посылка?», — он показал несколько старых номеров «Правды». «А где же обертка?» — снова спрашивали жандармы. «Сжег вон в печке», — ответил Гнедин, указывая на действительно топившуюся в это время железную печку. Жандармы были одурачены так ловко, что придраться к Гнедину у них не было никаких оснований. Вызванный на другой день на допрос в жандармское управление, Гнедин отделался одним протоколом допроса, без всяких последствий, а конфискованный номер «Правды» с декларацией с.-д. фракции был распространен.

VIII. Работа на местах. «Шпики». История с Ежовым. Первые открытые выступления «семи» против «шести».

Меньшевикско-ликвидаторский — «Луч» как в Иваново-Вознесенске, так и во всех других с.-д. организациях Иваново-Вознесенского района получался в очень незначительном количестве и исключительно для целей информации, ибо ликвидаторов там не было.

В конце декабря или начале января, точно не помню, 1913 г., во время рождественских каникул, будучи в Иваново-Вознесенске, в местечке Рылиха в доме товарища Фирстова я сделал первый доклад о работе с.-д. фракции в Государственной Думе. Присутствовал весь городской комитет с.-д. организации — Гнедин, Чельшев, Степанов (впоследствии провокатор), Фирстов, В. Кузнецов и многие другие всего до 15 человек. По заслушании моего доклада собрание единогласно выразило полное одобрение всей работе нашей фракции.

В это же время я ездил для доклада в Тейково, где мне пришлось иметь дело с двумя охранниками.

Когда я сел в вагон, то сразу же наткнулся на двух подозрительных субъектов, стоявших на площадке вагона. Я подошел к ним, с намерением проверить свои подозрения. Они быстро отвернулись и стали ко мне спиной. Я сразу понял, что это шпики, и стал, в свою очередь, следить за ними.

Когда поезд тронулся, оба шпики быстро нырнули с площадки в крайнее купе вагона. Было ясно, что они укрывались от меня. Увидя их маневр, я направился в то же купе и нашел их сидевшими там рядом на лавочке. Я сел против них и с целью изучить их физиономии стал смотреть им прямо в рожи. Один из них был высокий молодой па-

рень—блондин. Другой—среднего роста, черный с большими усами, лет 35. Поняв, что я их разоблачил, они потупились, опустили головы и стали смотреть в пол. Я же молча продолжал их рассматривать. В таком положении мы просидели минут 10, они не выдержали, и один за другим, стараясь не глядеть на меня, быстро вышли из купэ и скрылись в каком-то другом, но я уже запомнил их наружность и был уверен, что им за мной следить теперь будет труднее. Выйдя из вагона на станции Тейково, несмотря на все старания, я не мог их нигде заметить и решил, что они где-нибудь скрылись, чтобы следить за мной издалека. Меня встретили двое тейковских товарищей. Я сообщил им о шниках. Мы решили попытаться удрать от них и направились по дороге к селу. Когда мы отошли приблизительно с полверсты от вокзала, то, оглянувшись, увидали их обоих, быстро шагающими за нами. Я предложил моим товарищам удирать «от греха», и они быстро пошли вперед, а я задержался, чтобы посмотреть, что будут делать шники, и они замедлили шаги, решив, повидимому, следить за мной так, чтобы я их не замечал. Я решил от них просто удрать и прибавил шаг, но оглянувшись, увидал, что и они также пошли быстрее. Эта гонка продолжалась до главной площади, где собралась большая толпа вокруг недавно открытого памятника Александру II. Не упуская из виду шников, я смешался с толпой, но шники, в свою очередь, тоже очутились в толпе. Тогда один из тейковцев (кажется, И. И. Коротков), чтобы отвлечь от меня внимание шников, пошел к ним навстречу, но они не обратили на него внимания и продолжали следить за мной. Я решил уже было ехать обратно в Иваново-Вознесенск, чтобы не провалить тейковцев, когда ко мне подошел один из тейковцев и сказал, чтобы я шел за ним, не теряя его из виду. Я быстро пошел за ним, стараясь не упускать его из виду. Шники немедленно двинулись за мной, держась все на том же «почтительном» от меня расстоянии. Скоро мы вошли в узкую извилистую со множеством всяких преувязок улицу, товарищ мой пошел так, что я едва успевал за ним. Мы сворачивали то в одну, то в другую сторону и скоро запутали шников. Тогда мы побежали, и через несколько минут, захавшись, подошли к дому товарища Миленина. Крутом была тишина, не было видно ни души. Шники нас потеряли.

У товарища Миленина просидели до темноты. Меня переодели в широкую поддевку со сборами, надели валенки, башлык на голову и голицы на руки. В таком совершенно неузнаваемом виде я вместе с товарищем Милениным и некоторыми другими явился на квартиру товарища Зыкова, где уже было много нашей публики. Здесь я сделал доклад о работе с.-д. фракции, затем мне был задан ряд всяких вопро-

сов, и за чаем в оживленной беседе мы провели время далеко за полночь. Поведение шестерки здесь, как и всюду, было одобрено единогласно.

Поздно ночью тихими безлюдными улицами мы с товарищем Милениным снова вернулись к нему в дом; отдохнув немного, утром в сопровождении И. И. Короткова и других товарищей я отправился на вокзал, где снова встретил вчерашних шпииков. Они были одурочены, и теперь уже не страшны. Я свое дело сделал, и возвращался в Иваново-Вознесенск. Я показал шпииков прибывшим со мной товарищам, громко назвав их шпииками. Услышав наш разговор, они быстро куда-то исчезли, но перед самым отходом поезда появились снова, поменявшись шапками. Тот, на котором была высокая шапка, теперь был в низкой, а имевший низкую был в высокой. Но этот маскарад с нашей стороны вызвал только взрыв смеха. Шпиики же, посрамленные своими неудачами, поспешили снова исчезнуть в одном из вагонов, и я их больше уже не видал.

Затем я отправился для доклада в Кохму, и чтобы избежать повторения истории со шпииками, поехал не по железной дороге, а на лошади (от Кохмы до Иваново-Вознесенска около 10 верст).

Возил меня свой человек, товарищ Уткин, служивший тогда извозчиком в кооперативе «Единение—сила». Ехали мы лесом и какими-то проселочными дорогами, поздно вечером. Было уже темно, холодно, дорога была плохая, и мы несколько раз сбивались с пути, подолгу блуждая в лесу, здорово померзли, пока, наконец, добрались в назначенное место, но зато шпииков с собой, как это было в Тейково, я уже не притащил.

Доклад свой я делал в деревне Людишки, в доме товарища Соколова. Когда я приехал, собралась большая толпа товарищей кохомцев, так что в хате товарища Соколова с трудом уместились. Присутствовали товарищи Соколова, Ракутин и много других. После доклада и оживленного обмена мнений, как и везде, наша думская работа была полностью одобрена.

По пути в Петроград (это было в начале января) я заехал еще в Орехово-Зуево, где, после доклада о деятельности нашей фракции, последняя была также одобрена.

Однажды, это было кажется 15 декабря, в отсутствии Муранова и Малиновского, с.д. фракцией было вынесено пожелание о создании одного органа рабочей печати вместо существовавших тогда нашей «Правды» и ликвидаторского «Луча», и, как якобы вытекавшее из этого пожелания, тогда же было принято решение «в интересах един-

ства», пока что вменить в обязанность всем членам фракции сотрудничать в обеих названных газетах.

Не оценив должным образом всей важности решения, Петровский, Бадаев, Шагов и я дали в ликвидаторский «Луч» свои подписи, Муранов же и Малиновский, несмотря на решение фракции, сотрудничать в «Луче» отказались. Мы скоро поняли, что сделали ошибку, и, так как из Ц. К. нашей партии было получено также соответствующее указание, мы свои подписи сняли не помню уже под каким предлогом, да уже это и не важно. Самым сильным мотивом было то, что ликвидаторский «Луч» почти ежедневно всячески поносил партию: и нам было совершенно ясно, что мы, партийцы, в таковой газете сотрудничать ни в коем случае не должны.

В первые же дни после этого у нас с меньшевиком Ежовым произошла схватка. Он напустился на нас с упреками за то, что мы сняли из «Луча» свои подписи, и позволил себе резкости по нашему адресу, обвиняя нас в отсутствии самостоятельного мнения в этом вопросе и подчинении какой-то указке сверху. «Что вам прикажет Ленин, то вы и делаете» — говорил он. Мы возразили, что это не его дело и его, Ежова, не касается и что читать нам нотации он права не имеет и т. д. Но Ежов продолжал третировать нас и, между прочим, назвал нас «ленинскими обрубками» и чуть не подлецами. Тогда мы решительно запротестовали и перенесли вопрос во фракцию, но семерка, очевидно, призвала его к порядку, дело было ликвидировано без особых последствий.

Но история с нашим выходом из «Луча» этим не кончилась, она послужила поводом для открытого выступления в печати одной части фракции против другой — «семерки» меньшевиков против нас, 6 рабочих депутатов. Семерка послала в обе газеты (в «Луч» и «Правду») по этому поводу заявление, в котором, излагая эту историю, семерка называла наше поведение раскольническим и, протестуя против него, заявила, что, несмотря на все, их работа по объединению всех социал-демократических сил в России не прекратится и что они надеются, что все рабочие России без различия взглядов поддержат их в этом деле. (См. приложение 1-ое.)

Мы, шестерка, ответили на это заявление в том духе, что семерка неправа, выступая как фракция, ибо она есть только одна из ее частей, и что это ее выступление есть первый шаг к расколу, что никто не может заставить нас сотрудничать в органе ликвидаторов, так как это есть вопрос совести, а вмешательство в него со стороны ликвидаторов совершенно недопустимо и т. д. (См. приложение 2-е.)

Это были первые наши открытые официальные выступления в печати по вопросу о разногласиях между шестеркой и семеркой. Они впервые официально вынесли наши споры во фракции на суд наших избирателей — широких рабочих масс.

Эти наши выступления сильно всколыхнули местные с.-д. организации, заставив их принять более активное участие в наших спорах, и как результат этого из всех промышленных пунктов России скоро во фракцию и в газеты начали поступать в большом количестве соответствующие резолюции, выражавшие по данному вопросу точку зрения местных товарищей.

IX. Аресты в Иваново-Вознесенске. Малиновский. Стачечное движение и ликвидаторы. Московская рабочая газета «Наш Путь».

Во время пасхальных каникул я снова был в своей Иваново-Вознесенской губернии с докладами, ездил в Тейково; тейковцы на этот раз устроили собрание в деревне Лемешках, верстах в 5 от Тейкова. По заслушании моих докладов, и на этот раз деятельность и тактика шестерки получила полное одобрение.

Всюду организации в это время были налажены хорошо, и готовились к празднованию 1 мая; но в ночь на 27 апреля, как в Иваново-Вознесенске, так и во всех других местах Иваново-Вознесенского района (Шуе, Кохме, Тейкове и т. д.) жандармами были произведены многочисленные обыски и аресты. Арестованы были, между прочим, И. И. Коротков («Святой»), С. Меденников, Г. Гнедин, Баранов, Ракутин, Соколов, Челышев, Заботин, Лешилов, Фирстов, Бужонков и многие другие, всего несколько десятков человек.

Скоро часть из них была освобождена, а остальные, свыше 20 человек, среди которых были все вышеназванные товарищи, продолжали сидеть.

Этими арестами с.-д. организациям всего района был нанесен сильный удар. Связи с фабриками были порваны почти полностью, кроме фабрики Грязнова, которую почему-то миновала эта общая участь.

Ввиду совершенно незаконного, даже с точки зрения тогдашних царских законов, содержания в тюрьме арестованных товарищей в течение 4-х месяцев без предъявления им какого бы то ни было обвинения, в конце августа я обратился к министру внутренних дел с телеграммой, в которой, указывая на эту незаконность, я требовал освобождения арестованных, но прошел еще месяц, а ответа на телеграмму не было,

арестованные продолжали сидеть по тюрьмам. Тогда я в краткой заметке в газете «Правда» опубликовал эту историю, отметив в ней, что уже не только происходят незаконные аресты, но наши министры на указания рабочих депутатов об этих противозаконных фактах не считают нужным даже отвечать. («Правда Труда» от 26 сентября 1913 г., № 14.). После этого в скором времени последовала высылка арестованных в Пермскую и Олонецкую губ. в числе 21 человека.

Центральным Комитетом партии проектировалось во время летних каникул организовать для шестерки курсы в местечке Поронин в окрестностях Кракова. Нам предлагали поехать туда месяца на 1½, на 2, но проект не осуществился. На совещании шестерки после роспуска Думы на летние каникулы было решено сначала ехать на места, а за границу уже потом. Помню, на этом совещании Малиновский настаивал во что бы то ни стало на поездке сначала за границу, но подавляющее большинство решило ехать на места для докладов местным организациям. Недовольный решением Малиновский сорвал с себя часы и бросил их о стол, так что они разбились. Возмущенные его поведением, мы, остальные члены шестерки, призвали его к порядку, однако он еще долго кричал и волновался.

Вообще Малиновский по характеру своему был горяч и вспыльчив, самолюбив и властолюбив. Он имел о себе очень высокое мнение и заметно проявлял тенденцию играть роль руководителя, обладая при этом изрядной дозой нахальства. Наблюдалось у него и желание подделаться к нам, как бы выслужиться перед нами, чтобы прочнее себя чувствовать в своей роли руководителя. Но это был безусловно способный человек, хорошо, ясно и убедительно высказывавший свои мысли, а в спорах всегда довольно умело отражавший удары противника. Часто все же у него нехватало необходимой сдержанности, и из-за этой его излишней горячности на заседаниях нашей фракции у меня, тов. Муранова и некоторых других нередко бывали с ним горячие схватки.

С непривычной, особенно напряженной работы, стоившей многих и многих бессонных ночей, к весне 1913 г. я сильно заболел общим переутомлением, слабостью легких и бессонницей. Весь май и часть июня месяца был вынужден просидеть в одной из санаторий Финляндии, а потом был в деревне, и только в августе я, уже снова попав в Иваново-Вознесенск, сделал там ряд докладов, а затем вследствие плохого самочувствия по настойчивому совету врачей уехал на месяц в Крым. Мои же товарищи, остальные 5 депутатов, об'ехав свои районы, в конце лета поехали за границу. Там, при Центральном Комитете партии, состоялось

совещание, на котором присутствовало свыше 20 представителей крупнейших промышленных центров России, Польши и Латвии. При обсуждении вопроса о положении дел в нашей фракции была принята следующая резолюция:

«Совещание находит, что единство с.-д. фракции в области думской работы возможно и необходимо.

Однако совещание констатирует, что поведение 7-ми депутатов серьезным образом угрожает единству фракции.

7 депутатов, пользуясь случайным большинством одного голоса, нарушают элементарные права 6-ти рабочих депутатов, представляющих громадное большинство пролетариев России.

7 депутатов, исходя из узко-фракционных целей, лишают 6 депутатов возможности выступать с думской трибуны по важнейшим вопросам рабочей жизни. В целом ряде выступлений, когда с.-д. фракция выставила 2-х и более ораторов, 6 депутатов, несмотря на требования, не получали возможности выставить своего оратора.

7 депутатов при распределении мест в думских комиссиях (напр., бюджетной) таким же образом отказываются 6-ти депутатам предоставить одно из 2 мест.

При выборах от фракции в важные для рабочего движения учреждения, 7 депутатов, большинством одного голоса, лишают 6-ти депутатов представительства. Личный состав, обслуживающий фракцию, всегда избирается односторонне (напр.: отвергнуто требование назначения 2-го секретаря).

Совещание находит такой образ действий 7-ми депутатов неизбежно создающим трения во фракции, мешающим сплоченной работе и ведущим к расколу фракции; совещание самым решительным образом протестует против подобного образа действий 7-ми депутатов.

6 депутатов представляют громадное большинство рабочих России и действуют в полном согласии с политической линией его организованного авангарда, поэтому совещание находит, что только при полном равноправии двух частей фракции и только при отказе 7-ми депутатов от политики подавления будет возможно сохранить единство с.-д. фракции в области думской работы.

Несмотря на непримиримые разногласия в области работы, не только думской, совещание требует единства фракции на указанных выше началах равноправия двух ее частей.

Совещание приглашает сознательных рабочих высказать свое мнение по этому важному вопросу и способствовать всеми силами

охранению единства фракции на единственно-возможной основе равноправия 6 рабочих депутатов».

(«За Правду», Рабочая газета, № 12, от 17 октября 1913 года.)

Меньшевики ликвидаторы, исходя из своей политической линии борьбы против нелегальных форм партийных организаций, в своем печатном органе, газете «Луч», все время вели самую решительную борьбу против политических стачек, и наблюдавшееся тогда усиление стачечного движения называли вредным «стаечным азартом», «стаечкизмом», «вспышко-гускательством», и т. д., и т. п. Но несмотря на все их усилия в этой области, оживление рабочего движения шло своими путями, вопреки ликвидаторским протестам, «благоразумным» советам и прочим видам их агитации. Летом 1913 г. стачечное движение рабочих масс, как в Питере, так и в других местах России достигло уже давно невиданных размеров. Так, в это лето в Лодзи бастовало до 60.000 ткачей. В Варшаве до 22.000 сапожников. На коях Чиатура до 20.000 шахтеров. В Петрограде только в июне было до 60 стачек с несколькими десятками тысяч бастующих. В Москве в июле тоже бастовало до 30.000 чел. Харьков, Киев, Баку, Вильно, Рига, Астрахань, Николаев, Гинешма, Грозный и т. д. дали еще несколько сот тысяч бастующих¹⁾.

В конце сентября в Петрограде и во многих других местах России прокатилась новая волна чисто политических стачек в знак протеста против начавшегося в конце сентября известного дела Бейлиса, которое своим черносотенно-погромным цинизмом еще сильнее подняло дух протеста в широких рабочих массах.

Этим же летом происходила кампания за создание московской рабочей газеты, главную роль в которой играл Малиновский. Дело было трудное. Работа по организации газеты то и дело наталкивалась на разные полицейские скорпионы, то и дело происходили аресты принимавших в ней участие товарищей, еще во время ее организационно-подготовительного периода.

Прежде чем начать работу по созданию московской рабочей газеты, было решено сначала открыть московское отделение нашей петроградской «Правды». Для этой работы вскоре же после роспуска Госуд. Думы на летние каникулы была командирована в Москву В. Н. Лобова, секре-

¹⁾ «Правда Труда» № 5, от 15 сентября 1913 г. Цифры о стачках взяты из одного из номеров «Русских Ведомостей» за сентябрь 1913 г. Приводя эти цифры, автор статьи упомянутой газеты делает вывод, что движение носит далеко не случайный характер и т. д.

тарь нашей шестерки. Трудность организации московского отделения «Правды», кроме постоянных арестов, усугублялась еще тем, что тогдашний московский градоначальник издал специальное распоряжение, которым всем домовладельцам Москвы, под страхом строгого наказания, воспрещалось сдавать для нашего отделения «Правды» какие бы то ни было помещения, и нашим товарищам, работавшим в этой области, с очень большим трудом удалось найти помещение, на ремонт которого, прежде чем стало возможным его использовать, пришлось потратить немалые средства.

В двадцатых числах августа, наконец, вышел первый номер газеты «Наш Путь», но был конфискован полицией. Следующие целый ряд номеров один за другим также были конфискованы, и одновременно продолжались усиленные аресты как прямых сотрудников газеты, так и вообще имевших то или иное касательство к ней прочих товарищей. Наконец, 14 сентября на № 17 газета была окончательно закрыта полицией.

Вся эта тяжелая история с московской газетой, стоившая партии немалых жертв, конечно, была делом провокатора Малиновского, который был официальным издателем газеты, помогая полиции вылавливать партийную публику.

Вместе с другими товарищами в это время была арестована В. Н. Лобова, а затем выслана в административном порядке на 3 года в одну из северных губерний, и шестерка осталась без секретаря.

После Лобовой секретарями были Е. Ф. Розмирович и Н. В. Крыленко. Обладая хорошим навыком в подпольной партработе, оба они оказывали фракции большое содействие, но один за другим были арестованы и высланы. И только последний наш секретарь, в виду краткости, должно быть, пребывания его на этой должности, кажется, избежал этой общей участи всех наших секретарей—это был товарищ Квириг.

Перед лицом столь важных и показательных фактов усиления рабочего движения, несмотря на все потуги ликвидаторов бороться против него, мы, рабочие депутаты, еще сильнее почувствовали, что наша политическая линия всецело оправдывается самой жизнью, а ликвидаторы все дальше и дальше остаются позади жизни, в хвосте ее. Нам было ясно, что приведенная выше резолюция августовского совещания при Центральном Комитете о положении дел во фракции полностью отвечает переживаемому страной политическому моменту, и, поддерживая своим авторитетом рабочих депутатов все важнейшие шаги наших руководящих партийных органов, — мы твердо верили, что служим делу революции и рабочего класса.

Х. Страховая кампания. Обострение борьбы между «шестеркой» и «семеркой». Раскол и образование Р. С.-Д. Рабоч. фракции IV Госуд. Думы. Новые аресты в Иваново-Вознесенске. Травля нас, большевиков, ликвидаторами и отношение к ней рабочих.

Вопросы страхования рабочих, как и прочие вопросы, вызвали также большие разногласия между нами, рабочими депутатами, и семеркой.

Происходившую тогда кампанию за проведение изданного в 1912 году царского закона о страховании рабочих мы, большевики, стремились использовать не только в смысле положительной работы в области страхования, но и в широких политических целях, стараясь на этой почве возможно шире развернуть нашу революционную агитацию и пропаганду, — меньшевики же, верные своей оппортунистической тактике, настаивали, чтобы в страховое дело вносилось как можно меньше политики. Главное внимание, по их мнению, должно было быть отдано «положительной работе» по проведению царского страхового закона. Они стояли за создание районных больничных касс, мы же, в интересах революционной агитации и организации широких рабочих масс, а также и по многим другим соображениям отстаивали единые общие городские кассы. На этой почве между нами и меньшевиками-ликвидаторами происходила постоянная борьба. У меньшевиков был уже свой специальный страховой печатный орган «Журнал страхования рабочих», мы же уделяли этому только небольшое место в нашей газете «Правда», поэтому у нас все время чувствовалась нужда в своем печатном страховом органе. Когда наш Ц. К. решил приступить к его изданию, для большего успеха дела, нам, шестерке, было предложено принять в нем активное участие.

И вот в конце сентября в нашей газете «Правда» мы обратились к рабочим с воззванием, в котором указывали на необходимость создания марксистски-выдержанного органа печати по вопросам страхования, и призывали путем денежных сборов помочь нам создать такой орган ¹⁾. Это наше воззвание послужило поводом ко второму выступлению против нас 6 рабочих депутатов меньшевистско-ликвидаторской семерки ²⁾.

¹⁾ «Правда Труда» № 12 от 24 сентября 1913 г.

²⁾ «Новая рабочая газета» № 55 (выходила тогда вместо закрытого «Луча»).

Но прежде, чем это сделать, семерка потребовала от нас объяснения, чем мы руководствовались, поддерживая без ведома фракции воззвание о создании своего страхового органа, угрожая, в случае отказа дать таковые и снять подписи с воззвания, выступить в печати. Срок нам был дан только 2 часа. Мы, конечно, решительно отказались выполнить эти требования, и семерка выполнила свои угрозы.

Это было второе по счету выступление в печати семерки против нас, 6 рабочих депутатов, говорившее о единстве и помогающее на деле углублению раскола с.-д. фракции.

В это время мы разослали каждый в свою губернию по адресам наиболее видных партийных товарищей ряд писем, в которых, описывая создавшееся положение во фракции, просили товарищей сообщить нам по этому вопросу свои взгляды. На все письма получались одобряющие наше поведение ответы, и только на одно из них, посланное мною в Иваново-Вознесенск товарищу В. П. Кузнецову, я получил совершенно неожиданный, сильно поразивший меня ответ. Тов. Кузнецов писал, что ему «нет никакого дела до интересующих нас вопросов, что он совершенно не интересуется работой нашей фракции, делайте, что хотите», — писал он, — «колитесь на сколько угодно частей, а меня оставьте в покое», в заключение просил к нему «больше не обращаться ни с какими вопросами», так как он теперь от всякой политики отошел и т. д., все в этом духе.

В. П. Кузнецов был старый партийный работник, давно хорошо известный рабочим Иваново-Вознесенска, и был выборщиком по выборам в IV Госуд. Думу. Поэтому его письмо было особенно неожиданным и неприятным. Я показал его товарищам по фракции, и мы пришли к выводу, что приходится констатировать печальный факт, что тов. Кузнецов окончательно ушел из партии. Я решил оставить его в покое. Позднее тов. Кузнецов объяснил, что письмо это было им написано под влиянием беспрестанных преследований его жандармами, которые в это время, действительно, обыскивали его, арестовывали на некоторое время и усиленно следили за ним, а на допросах ставили ему в вину связь с нашей фракцией. Зная, что все идущие на мое имя письма проходили тогда через негласный жандармский контроль, он и написал это письмо, чтобы жандармы видели, что он с нашей фракцией никаких отношений иметь не желает.

Положение во фракции становилось невыносимым: несмотря на то, что за нашей шестеркой стояло большинство рабочих России, ликвидаторская семерка при всех спорных вопросах продолжала подавлять нас своим большинством одного голоса. Согласно указаниям Централь-

ного Комитета нашей партии в середине октября того же 1913 г. мы, шесть рабочих депутатов, обратились во фракцию с письменным заявлением (оно было прислано из Ц. К.), в котором, указывая на факты ненормального положения вещей во фракции, требовали у семерки установления порядка равноправия обеих частей фракции, т.-е. установление такого порядка, при котором все спорные вопросы решались бы не путем простого голосования, а добровольным соглашением обеих сторон. (См. приложение 3-е.)

Это заявление было нами вручено Чхеидзе на первом же, устроенном после летних каникул, заседании с.-д. фракции.

Чхеидзе, приняв заявление, обратился к присутствующим с вопросом: «удобно ли будет им его рассматривать?» — и собирался уже разрешить вопрос обычным голосованием, когда мы заявили, что требуем ответа и отказываемся от участия в заседании, пока его не получим, предложив обсудить вопрос тотчас же. Когда нам в этом было отказано, мы предложили для обсуждения нашего заявления и ответа на него 24 часа времени. На вопрос: «что это, раскол?» — мы ответили: «нет, заявление», и удалились с заседания.

Через некоторое время нас снова пригласили явиться на заседание, но мы отказались.

Прошло несколько дней. Ответа не было. Тогда наше заявление было напечатано в «Правде» № 13, с следующим добавлением:

«Товарищи по фракции на это заявление не дали нам в указанный срок никакого ответа.

Мы считаем себя обязанными обратиться к вам, товарищи-рабочие, с просьбой обсудить выставленные нами справедливые требования.

Мы считаем эти требования необходимым условием сохранения единства думской работы.

Мы ждем вашей поддержки в восстановлении единства думской фракции на правильных началах — равенства двух частей ее.

А. Е. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов.

Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов.

После этого ликвидаторы в своей газете подняли большой шум, называя нас раскольниками, преступниками против рабочего класса и т. д. и т. п., а в своем выступлении в печати в ответ на наше заявление, семерка депутатов утверждала, что указанные нами факты постоянного подавления нас в спорных вопросах — неверны. На это мы ответили, что наша фракция, обращаясь к рабочим России, подробно излагала перед ними то ненормальное положение во фракции, которое

создалась вследствие постоянного подавления нас, 6-ти рабочих депутатов, семью ликвидаторами, приглашая рабочих обсудить этот вопрос и высказать свое мнение. (См приложение 4-е.)

Эти открытые выступления в печати шестерки и семерки по вопросам о наших разногласиях и о положении дел во фракции окончательно и решительно перенесли наши споры из узких стен помещения фракции в самую гущу рабочих масс на всей обширной территории России. Скоро отовсюду с мест начали поступать за многочисленными подписями резолюции, принимаемые как на легальных, так и на нелегальных собраниях рабочих, при чем подавляющее большинство их, получаемое из наиболее крупных промышленных районов России, полностью одобряло поведение нашей шестерки и решительно осуждало семерку за ее намерение подавлять нас и дальше своим случайным большинством одного голоса, с целью принудить нас служить своим ликвидаторским целям, поддерживая наше требование установить равноправие обеих частей с.-д. фракции и т. д. Только незначительное меньшинство этих резолюций, поступавшее главным образом из разных мелких промышленных пунктов, одобряло лишь поведение семерки. Несмотря на вытекающую из этого неоспоримую истину, что громадное большинство рабочих России стоит на стороне нас, 6 рабочих депутатов, свое поведение по отношению к нам семерка не изменила и продолжала все спорные вопросы на заседаниях фракции ставить на голосование и механически выносить по ним нужные им решения своим большинством одного голоса. Так, например, на заседании с.-д. фракции 21 октября, по внесенному в Думу запросу о преследовании рабочей печати, несмотря на наши настойчивые требования из двух намеченных фракцией выступлений в Думе дать одно нам, большинство решило поручить оба выступления представителям семерки — Чхеидзе и Бурьянову.

На этом же заседании мы запросили семерку, почему она не отвечает определенно и ясно на наши требования установить равноправие двух частей фракции, и получили обещание окончательного ответа 25 октября. Тогда мы заявили, что до получения этого ответа мы в голосованиях участвовать не будем, а будем действовать как самостоятельная группа.

Буржуазная печать, поскольку она находила нужным так или иначе отозваться на наши разногласия, конечно, всецело была на стороне семерки. Так, например, кадетская «Речь» в одном из номеров за вторую половину октября посвятила этому вопросу большую статью, в которой одобряла семерку за ее «парламентские стремления» приспособ-

собраться к существующей политической обстановке, чтобы вести борьбу за интересы рабочего класса в «парламентских формах», но тут же высказывала сожаление, что «непарламентская» шестерка имеет за собой подавляющее большинство рабочих, и парламентской семерке с ней борьба не под силу и т. д.

Ликвидаторская семерка даже в самые последние дни существования единой с.-д. фракции, когда уже вопрос о расколе стоял по всем объемам, уже накануне окончательного ответа на наши требования об установлении равноправия двух частей, самым бесцеремонным образом использовала это единство в своих фракционных интересах.

24 октября в Госуд. Думе от имени всей фракции представитель семерки Туляков в своей речи провозгласил их ликвидаторский лозунг «свобода коалиций», против которого, как против лозунга оппортунистов, мы особенно горячо всегда протестовали.

25 октября, наконец, мы получили официальный ответ семерки, в котором она отказалась удовлетворить наши требования решительно и окончательно.

Обсудив вопрос, мы, шесть рабочих депутатов, через нашу газету обратились к рабочим с воззванием, в котором, сообщая об отказе ликвидаторов согласиться с нашими требованиями установления равноправия двух частей фракции, заявляли, что мы становимся перед фактом самостоятельного существования, и выражали надежду на их поддержку в этот трудный для нас момент. (См. приложения 5-ое и 6-ое.)

Для нас было вполне ясно, что настал решительный момент раскола: другого выхода из положения не было, и мы приступили к официальному оформлению образования своей самостоятельной рабочей с.-д. фракции. (См. приложение 6-ое.)

В этот решительный момент, помню, для составления обращения к рабочим нами был приглашен, как один из наиболее видных наших консультантов-сотрудников, Михаил Степанович Ольминский.

Явившись в помещение фракции и выслушав нас, Мих. Степанович немного помолчал, потом сел к столу, взял лист бумаги и перо и как бы застыл на некоторое время в неподвижной позе. Так сидел он в течение нескольких минут. Потом наклонился над бумагой и начал писать, но снова остановился, помолчал и вдруг, выпрямившись, сказал: «Нет, не могу! не поднимаются руки. Пусть кто-нибудь другой напишет, а я не могу, никак не могу помириться с мыслью о вашем расколе и т. д.» Тогда вместо него, по нашему поручению, это обращение было написано товарищем М. А. Савельевым.

Одновременно с этим семерке на ее отказ удовлетворить наши требования был послан письменный ответ следующего содержания:

Ответ 7-ми депутатам.

Уважаемые товарищи!

В своем заявлении, врученном нами вам на заседании фракции 16 октября, мы прямо и категорически заявили о тех условиях для продолжения совместной работы, которые являются для нас единственно приемлемыми.

В своем ответе от 25 октября вы так же категорически нам во всех наших требованиях отказали.

Мы считаем необходимым довести до вашего сведения, что с сегодняшнего числа мы конституируемся как самостоятельная с.-д. фракция Государственной Думы и предлагаем вам всякий раз вступать с нами в переговоры об организации общих выступлений с думской трибуны от имени социал-демократии.

*А. Е. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов,
Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов.*

(«За Правду», № 22, от 29 октября 1913 года.)

Наша фракция конституировалась под названием «Российской социал-демократической рабочей фракции IV Госуд. Думы». Председателем был избран Малиновский, его товарищем Петровский и казначеем я (Самойлов), и мы, ободряемые все растущей поддержкой рабочих, приступили к своей самостоятельной работе¹⁾.

С меньшевистско-ликвидаторской фракцией вначале нашей самостоятельной работы мы решили поддерживать всяческие сношения, предлагая сговариваться по вопросам о совместном внесении запросов и о проч. Наша самостоятельная работа под руководством Центрального Комитета партии закипела.

Ликвидаторы сначала были как будто тоже склонны иметь с нами деловые отношения, но скоро отказались от этого и порвали с нами

¹⁾ Рост этой поддержки показывают следующие цифры. Уже к 1 ноября 1913 г. в присылаемых резолюциях, одобряющих наше поведение, только в Петрограде одно высказались организованные рабочие группы на 83 предприятиях с подписями свыше 5 тысяч, не считая членов профессиональных союзов, правления которых вынесли тоже одобрительную для нас резолюцию, а также членов организованных групп, не указавших числа голосовавших товарищей. Газета «За правду», № 26.

всякую деловую связь, а свое положение, официально зарегистрированной думской фракции они решили использовать всецело в своих интересах от имени всех нас 14-ти (т.-е. еще единой фракции), они захватили себе все места в думских комиссиях, исключив нас оттуда. По этому поводу 15 ноября Малиновский, как председатель фракции, обратился к рабочим со следующим воззванием:

Обращение председ. российской с.-д. рабочей фракции ко всем рабочим.

Товарищи рабочие!

В своем заявлении от 27 октября с.-д. фракция сказала, что, даже конструировавшись в самостоятельную фракцию в Госуд. Думе, с.-д. фракция будет, тем не менее, перед каждым своим выступлением пытаться столкнуться и соглашаться с семью депутатами.

Факты прошлого показали, что такая совместная работа возможна, как это и имело место при выработке запроса о стачках.

Однако, семеро депутатов категорически отказались подписать запрос о невведении страхования рабочих в казенных предприятиях; мало того, они заявили, что ни в какие соглашения с фракцией вступать не намерены. Это не мешало, однако, тем же семерым захватить от имени всех 14 себе места в думских комиссиях и послать от имени всех 14 — пользуясь старым списком членов с.-д. фракции — Бурьянова в комиссию о реформе полиции, Скобелева — в комиссию о печати и Тулякова — в комиссию о собраниях, в те комиссии, в которые, как восьмерка, они не могли попасть, так как туда посылают только думские группы числом не менее 10. Наконец, позавчера Чхеидзе собственноручно вычеркнул из списка членов с.-д. фракции шестерых рабочих депутатов, чем пытался формально закрепить за семью депутатами имя с.-д. фракция в Госуд. Думе.

В силу всех приведенных фактов, не желая передавать разрешение спора, о том, где с.-д. фракция, на разрешение Родзянко и думского президиума, довожу до сведения всех товарищей-рабочих от имени с.-д. фракции, что, с одной стороны, нами предприняты необходимые шаги для формального конструирования в Госуд. Думе под названием: «Российской Социал-Демократической Рабочей фракции», а с другой, — с этих пор, в целях большей продуктивности и во избежание постоянного торможения думской работы — никаких новых предложений о соглашении с 7-ю о своих думских высту-

плениях мы делать не будем, — если же предложение последует с их стороны, мы никуда, конечно, от такого не откажемся.

Председатель Р. С.-Д Р. фракции *Р. Малиновский*.

(«За правду», № 36, от 15 ноября 1913 г.).

А в президиум Госуд. Думы Малиновский одновременно обратился с следующим заявлением:

В президиум Государственной Думы.

Довожу до сведения президиума Государственной Думы, что нами образована в Думе «Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция» в составе следующих членов Госуд. Думы: Бадаева, Малиновского, Муранова, Петровского, Самойлова и Шагова.

Мы просим, поэтому, предоставить нам все права, которыми пользуются остальные фракции Государственной Думы, как-то: представительство в комиссиях, получение всех думских материалов и т. д.

Председатель фракции *Р. Малиновский*.

Адрес фракции: 10 Рождественская, 17, кв. 75.

(«За правду», № 36, от 15 ноября 1913 г.).

С этого момента мы уже стали официально числиться в Госуд. Думе самостоятельной фракцией.

Проводимая в это время на местах страховая кампания повсюду сопровождалась непрерывными обысками и арестами, при которых в большинстве случаев жандармы находили только страховую и лишь в редких случаях и другую, но почти исключительно легальную литературу. Тем не менее люди арестовывались и арестовывались. Каждый выборный рабочими в уполномоченные страховик рисковал быть немедленно арестованным. В конце концов, на этой почве начали происходить курьезы. Так, например, однажды в Иваново-Вознесенске на ф-ке Куваева рабочие выбрали в уполномоченные нескольких стариков-инвалидов и совершенно безграмотных людей, так что даже хозяин-владелец ф-ки запротестовал против таких выборов, предлагая «выбирать людей более толковых и работоспособных», но рабочие ему ответили, что «для клутузки хороши, мол, и эти, а хорошие и более работоспособные нам пригодятся для других более важных дел».

Числа 10 ноября из Иваново-Вознесенска мною были получены сведения о произведенных там массовых обысках и арестах виднейших

страховых и партийных деятелей и о высылке большой группы товарищей, арестованных еще в конце апреля 1913 года¹⁾.

По поводу этих новых массовых арестов в Иванове-Вознесенске я был у помощника начальника департамента полиции Кафафова и, указывая ему на незаконность арестов деятелей, участвовавших в страховой работе, требовал освобождения арестованных. Выслушав меня, Кафафов ответил, что он примет необходимые меры к выяснению причин этих арестов, и, если окажутся незаконно арестованные, то таковые будут освобождены и т. п.

Мы, рабочие депутаты, конечно, знали цену подобным обещаниям, но все-таки от времени до времени в департамент полиции по этим вопросам ходили. Толку от этого было, конечно, мало, но в виде редкого исключения иногда бывали положительные результаты, в роде, например, ускорения дел арестованных, выяснения причин арестов и т. д.

Резолюции, одобряющие наше поведение и решительно осуждающие ликвидаторскую семерку, из всех мест России продолжали поступать все в большем и большем количестве.

Меньшевицско-ликвидаторская газета подняла против нас, рабочих депутатов, самую безобразную травлю. Кроме нас шестерых в целом, ликвидаторы в своей газете особенно бесцеремонно и усиленно травили Бадаева и Петровского. Бадаева за то, что он был выбран в Государ-

¹⁾ Из Иваново-Вознесенска депутатом Самойловым получены подробные сведения об арестах 23—24 октября.

Арестованы следующие товарищи на фабрике Грязнова: члены правления больничных касс А. М. Воробьев, В. И. Токов, Д. Е. Морозов; фабр. Новикова: Новиков В. Я. — уполн. б. к.; фабр. Витова: Д. И. Шорохов — уполн. б. к. и уполн. по выборам в IV Г. Д.; фабр. Куваева: Мужжавлев — уполн. б. к. и по выборам в IV Г. Д., уполн. б. к. Фомин и Маслов, Д. С. — уполн. по выборам в IV Г. Д.; ф. Попущина — Рожков, И. М. Муравьев, И. И. Аникин, В. П. Винокуров, Кокушкин; зав. метал. изд. — Соловьев, И. П.; зав. Смоляковой — Козлов, С. К.; зав. Калашникова — Смирнов и др., — всего арестовано 21 человек.

При обысках взято много литературы по вопросам страхования. Арестованные 26 апреля текущего года, после пятимесячного тюремного заключения, высылаются административным порядком в г. Чердынь, Пермской губ. следующие лица: Е. И. Чесноков, И. И. Коротков, И. С. Селянин, И. П. Фирстов, Я. И. Лепилов, В. Г. Куконков, Г. Чельшев, Н. Ракутин, Соколов, Пунш, Панфилов, Чугунов, Потехин; в Олонецкую губ. Калашников, Гнедин, Баранов, Меденников, Седов, Заботин. Под надзор местной полиции: Степанов, выб. по выб. в IV Г. Думу Кашин и Голухов. («За Правду» № 33 от 12 ноября 1913 года.).

ственную Думу на общем собрании губернских выборщиков голосами октябристов, умалчивая о том, что их кандидаты, баллотировавшиеся в Госуд. Думу на том же собрании, также рассчитывали на эти голоса октябристов, но были провалены. А Петровского за то, что он прошел в Госуд. Думу при поддержке меньшевиков и, несмотря на это в с.-д. фракции занял позицию большевиков и продолжал твердо на ней стоять, невзирая ни на какие нападки со стороны ликвидаторов.

При этом ликвидаторы неизменно, обвиняя нас в расколистичестве, призывали рабочих к единству, демагогически пользуясь этим лозунгом в своих ликвидаторских целях.

Тем не менее, на местах с.-д. организации признавали только наш большевистский лозунг—лозунг нашего Центрального Комитета «единство снизу», т. е. единство на почве подчинения ликвидаторского меньшинства большинству членов партии, признающих основой партийной работы подпольную нелегальную работу. Поэтому ни о каком единстве нелегальной партии с ее врагами ликвидаторами на местах и слышать не хотели и, несмотря на всю демагогию ликвидаторов, подавляющее большинство местных товарищей принимали единство только под непременным условием признания нелегальной партии как основы всей партийной работы.

XI. Международное социалистическое бюро о наших разногласиях. Выход из семерки депутата Бурьянова. Снова в Иваново-Вознесенске.

Травля эта, однако, не помогала им, а наоборот, все больше и больше отталкивала от них рабочие массы. Стараниями ликвидаторского «организационного комитета» вопрос о нашем расколе был поставлен в Международном Социалистическом Бюро. Наш Центральный Комитет во главе с Владимиром Ильичем Лениным был против вмешательства в наши русские дела, но вопрос все же был там поставлен. В конце ноября 1913 г. в Лондоне состоялось заседание Международного Социалистического Бюро, на котором были представлены ликвидаторский О. К., латышская с.-д., бундовцы и проч. течения в русской социал-демократии. После краткого обсуждения вопроса о русских делах была принята предложенная Каутским следующая резолюция:

Резолюция Каутского.

Международное Соц. Бюро напоминает резолюцию Амстердамского международного конгресса, которая гласит:

«Для того, чтобы рабочий класс мог проявить всю свою силу в борьбе против капитализма, необходимо, чтобы в каждой стране существовала, в противовес буржуазным партиям, только одна социалистическая партия, как существует один пролетариат. Поэтому все товарищи и социалистические организации обязаны стараться всеми силами достигнуть этого единства партии на почве определенных международными конгрессами принципов, — единства, необходимого в интересах пролетариата, перед которым они являются ответственными за все роковые последствия расколов.

«Чтобы помочь достижению этой цели, как Международное Социалистическое Бюро, так и партии всех стран, в которых существует это единство, сделают в полной готовности все зависящее от них в этом отношении».

«Осуществление этой резолюции Интернационала там, где единства партии еще нет, становится все более важным по мере того, как наши противники объединяются для подавления пролетариата. Нигде, однако, объединение социал-демократических слоев не является более необходимым, чем в России... Нигде... пролетариат не лишен до такой степени всякой возможности жить и действовать... и в то же время этот самый пролетариат ослабляется все более усиливающимися внутренними раздорами, которые расхищают и парализуют его лучшие силы. Это печальное положение дела достигло своего высшего пункта вследствие раскола думской социал-демократической фракции».

«Поэтому Межд. Соц. Бюро считает настоящим долгом всех фракций социал-демократии России сделать серьезную попытку к восстановлению единой организации партии и к прекращению теперешнего вредного и печального состояния раздробленности. Межд. Соц. Бюро, согласно амстердамской резолюции, предлагает русским товарищам свои услуги в качестве посредника и поручает Исполнительному Комитету (Межд. Соц. Бюро) немедленно вступить в сношение со всеми фракциями рабочего движения в России, включая и Польшу, которые признают программу с.-д. партии России, и также теми, программа которых находится в согласии с программой российской партии, для устройства общего обмена мнений относительно пунктов расхождения».

Межд. Соц. Бюро отказывается исследовать и обсуждать разногласия в прошлом российской социал-демократии, так как не из осуждения тех или иных ошибок в прошлом, а из соглашения на счет задач настоящего и будущего соц.-демократия России может почерпнуть ту силу

и сплоченность, которые необходимы ей для выполнения ее тяжелых и важных исторических задач.

Каутский, Эберт, Молькенбург.

(«Пролетарская Правда», № 2 от 8 декабря 1913 г.)

Плеханов, входивший до этого времени в Международное Социалистическое Бюро как представитель Р.С.-Д.Р.П., ввиду официального раскола нашей фракции на это его заседание не приехал, а пригласил письменное заявление о своем выходе из состава Бюро, и вместо него на этом же заседании представителем в Межд. Соц. Бюро от России был избран сторонник ликвидаторского О. К.

В наших разногласиях в 1913 году Г. В. Плеханов был на нашей стороне. Он возглавлял тогда течение так называемых «меньшевиков партийцев» и осуждал ликвидаторов, выступал в частности против поведения думской семерки. Он принимал участие в нашей газете «Правда», где был напечатан ряд его статей под общим названием: «Под градусом пуль», в которых он с присущим ему остроумием удачно полемизировал с ликвидаторами.

Один из семерки, депутат Бурьянов, считал себя плехановцем. Возвратившись из поездки к Плеханову и получив от него соответствующие директивы, он в интересах «единства фракции» вышел из семерки, послав нам следующее официальное заявление:

Выход депутата Бурьянова из «семерки»

Председателем Росс. Соц.-Дем. Раб. фракции получено сегодня следующее письмо:

Председателю соц.-дем. думской фракции.

Уважаемый товарищ!

Вы знаете, что группа семи депутатов решила запросить Г. В. Плеханова о мотивах, по которым он в своем официальном письме в Межд. Бюро назвал «достойными сожаления» некоторые поступки названной группы.

Я позволил себе предложить этот вопрос тов. Плеханову. Его ответ и обмен мнениями с некоторыми моими друзьями-единомышленниками привел меня к тому выводу, что мне не следует дольше оставаться в рядах «семерки».

В самом деле, я не желаю ни в малейшей степени, ни прямо, ни косвенно, содействовать расколу соц.-дем. сил и окончательному его закреплению. Я понимаю, конечно, как, вероятно, понимаете и вы, что

причин нашего думского раскола надо искать вне Думы. При таких обстоятельствах говорить о полном единстве с.-д. представительства в Думе можно лишь по отношению к тому будущему, когда вообще объединятся кадры передовых элементов сознательных русских рабочих. Тем не менее, стремясь к этому полному слиянию сил в дальнейшем, я считаю безусловно необходимым единство выступлений и действий с.-д. депутатов теперь же.

Я не вижу никакого другого способа провести такое единство, кроме соглашения с.-д. фракции с так называющейся российской с.-д. рабочей фракцией на началах равноправия.

До сих пор, к сожалению, мы отвергали этот способ избежать раскола нашей думской фракции. Но я надеюсь, что мой выход из состава с.-д. фракции уравнивает вас количественно с другой частью с.-д. рабочей фракции, что побудит вас пересмотреть и свои взгляды на совместную равноправную деятельность с нею.

При этом я заявляю, что всегда буду подчиняться решениям коллектива, составленного на равных правах из обеих групп думских с.-д. депутатов.

Пока же я готов поддерживать все те наши действия, которые согласуются с марксистской линией поведения. Точно в такое же отношение я встану и к другой «шестерке» депутатов.

Заявляя о своем выходе из «семерки» и о побуждениях, заставивших меня поступить таким образом, — я считаю нужным довести об этом до сведения Межд. Соц. Бюро и всероссийского пролетариата.

А. Бурьянов.

(«Пролетарская Правда», № 10 от 14 января 1914 г.).

Особенного впечатления это «событие» не произвело, но петроградцы этот шаг Бурьянова приветствовали следующей резолюцией.

Приветствие рабочих-марксистов деп. Бурьянову.

Обсудив обращенное к с.-д. фракции, Межд. Соц. Бюро и всему российскому пролетариату письмо ваше об уходе из раскольнического лагеря «семи депутатов», мы, представители организованных марксистов-рабочих, единодушно приветствуем ваш шаг, направленный к восстановлению единства с.-д. фракции на единственно возможной при дальнейших условиях основе: соглашения двух равноправных ее частей, — единства, стремлением к которому только и был вызван ультиматум шести депутатов. И вы, и все пролетарии знали, что шесть депутатов желали лишь добиться единства вместо «подавления»

одной части фракции другой, которое будучи прикрыто внешней оболочкой видимого единства, на деле являлось худшей формой раскола. Отрядный факт вашего вступления на путь защиты единства фракции внушает нам надежду, что и прочие депутаты «с.-д. фракции», еще не совсем оторвавшиеся от пролетариата, повинуваясь голосу огромного большинства сознательных рабочих России, сурово осудившего раскольническую тактику семерки, — выступают подобно вам на защиту единства фракции.

*Группа организованных марксистов,
представителей районов г. Петербурга.*

(«Пролетарская Правда», № 11 от 15 января 1914 г.)

В рождественские каникулы зимой 1913 — 1914 г.г. я снова был в Иваново-Вознесенской губернии. Собрав уцелевшую от осенних арестов публику, я ознакомил ее с положением дел во фракции и в Петрограде вообще. Был также и в Тейкове. На собраниях после докладов выносились резолюции, одобряющие поведение нашей шестерки полностью. На этот раз выяснилось, что под влиянием нанесенного организации большими осенними арестами удара, а также отчасти и постоянного открытого преследования полицией подписчиков нашей газеты тираж ее в Иваново-Вознесенске сильно сократился, дойдя всего до нескольких десятков экземпляров. Но настроение было всюду бодрое и уверенное — оправляясь после арестов, с.-д. организации снова крепили и усиливались.

XII. Моя поездка за границу и встреча с Владимиром Ильичем Лениным, Каменевым и Зиновьевым. В г. Берне.

Возратившись в Петроград в январе 1914 г., я скоро снова почувствовал себя очень плохо и, согласно решению ЦК 19 января, выехал за границу, где при его содействии я должен был продолжить свое лечение. Наш ЦК был тогда в Кракове.

Я приехал в Краков и явился по имевшемуся у меня адресу на квартиру Владимира Ильича Ленина. Меня встретила Надежда Константиновна и сообщила, что В. И. дома нет, что он придет через дня два-три (он был по каким-то делам, кажется, в Лейпциге) и мне придется его подождать.

Надежда Константиновна была со мной очень предупредительна и, расспрашивая меня о наших партийных делах в Петрограде и других

местах России, старалась в то же время не утомлять меня, делая большие перерывы в нашей беседе. Эту ночь я переночевал в квартире Вл. Ильича.

Утром, на другой день, явились товарищи Л. Б. Каменев и Г. Зиновьев и переселили меня в какую-то гостиницу в одну комнату с товарищем А. А. Тройновским.

Товарищей Каменева и Зиновьева я видел тогда в первый раз и как перед членами ЦК, широко известными партийными работниками-вождями, сначала чувствовал некоторую понятную робость, но после первой же краткой беседы с ними я уже чувствовал себя в их обществе совершенно свободно. В ожидании В. И. я виделся с ними ежедневно и беседовал на разные интересовавшие нас темы о партийной работе, но при мысли о предстоящей встрече с В. И. мною все-таки овладела робость: мне почему-то казалось, что он уже, конечно, совсем особенный и, наверное, строгий и требовательный. Одна его наружность, по моим предположениям, должна была внушать боязнь. В ожидании его я мысленно старался подготовиться, чтобы как можно серьезнее и деловитее рассказать ему все, что я знаю о партийных делах в России.

Но когда, наконец, я увидел В. И., то оказалось, что и на этот раз я ошибся и, пожалуй, даже больше, чем это было в отношении товарищей Каменева и Зиновьева.

В. И. оказался простым, доступным и близким товарищем, а его наружность не только не внушала страха, а наоборот, он производил впечатление обыкновенного простого русского человека, сильно располагающего к себе всякого именно этой своей простотой, только глаза его казались мне далеко не обыкновенными: в них горел какой-то особенный огонек, который, казалось, пронизывал меня насквозь, проникая в самую душу.

В обхождении со мной В. И. не проявил ни особой важности вождя и главы партии и никакой особенной строгости в расспросах о партийных делах в России. Поздоровавшись, он прежде всего подробно расспрашивал о моем здоровье; а потом уже задал ряд вопросов о работе нашей думской с.-д. фракции, о положении партийной работы на местах и пр., но, как и Надежда Константиновна, очень боялся меня утомить, делая большие паузы в нашей беседе, советовал говорить как можно меньше и на вопросы отвечать короче. Стараясь ободрить меня, говорил, что в смысле лечения будут приняты все меры: «мы вас постараемся вылечить во что бы то ни стало, только не падайте духом» и т. д.

В первый же день после своего приезда В. И. позвал находившегося тогда в Бракве т. Богоцкого (ныне представитель Российского Красного Креста в Швейцарии). Мы с ним отправились к какому-то профессору, который, осмотрев меня, посоветовал ехать в Швейцарию, куда я и отправился вскоре через Вену и Мюнхен.

Языка я не знал, поэтому в Вену и Мюнхен телеграфировали находившимся там товарищам встретить меня и проводить дальше.

Дня через три, наконец, я приехал в Берн, где меня встретил тов. Г. Л. Шкловский.

Г. Л. Шкловскому Вл. Ил. было предписано вылечить меня во что бы то ни стало. «Самойлов, — писал В. И., — партийное имущество, и в случае его растраты вся ответственность ляжет на вас, бернских товарищей».

Через некоторое время я был у уже известного тамошнего профессора Сали, который, осмотрев меня, предложил поехать в местечко «Монтре», а еще через день-два я был близ Лозанны, в местечке Шей, у товарищей Ривлиных, затем при их помощи был водворен в один из отелей «Монтре», где и начал свое лечение.

Просидел я там до апреля месяца, но в состоянии моего здоровья перемены к лучшему было немного.

ХIII. Привлечение Чхеидзе. Обструкция и исключение 25-ти депутатов из Государственной Думы на 15 заседаний.

А в Государственной Думе за этот период произошли такие события: Чхеидзе за речь с Думской трибуны и Скобелев (кажется за статью в газете) были привлечены к ответственности.

В это время председателем Совета Министров назначен был Горемыкин, проявивший себя отъявленным реакционером еще в бытность свою на этом же посту в 1906 году.

Этот факт в связи с фактом привлечения Чхеидзе к судебной ответственности сильно поднял настроение не только в среде с.-д. и трудящихся, но в значительной степени и среди представителей либеральной буржуазии, кадетов и прогрессистов. Создалось положение, определенно говорившее о том, что торжествующая реакция начала решительный поход против той маленькой и жалкой частички свободы депутатского слова, которая тогда еще имелась. Перед Государственной Думой встал вопрос о том, как лучше умереть с честью, чтобы не влечь жалкого бесправного существования. Но так думали, как это будет видно ниже, очень немногие.

Левая часть Думы занялась вопросом, как реагировать на события. Очередным вопросом в Государственной Думе в это время был бюджет. Прогрессисты и кадеты на заседании Государственной Думы 21 апреля внесли предложение отложить обсуждение бюджета впредь до принятия Государственной Думой внесенного перед этим прогрессистами законодательного предложения о неприкосновенности депутатов за их речи в Государственной Думе.

Это предложение Думой было отвергнуто. Но 22 апреля оно было вновь внесено от имени обеих с.-д. фракций и трудовиков. Защищали его в Думе Чхеидзе и Малиновский, но Государственная Дума своим огромным дворянско-помещичьим большинством отвергла его опять, после чего все с.-д. и трудовики удалились на совещание, а докладчик бюджетной комиссии Русевский начал свой доклад. После доклада Русевского ожидалось выступление Горемыкина.

На совещании обеих с.-д. фракций и трудовиков было решено устроить ему решительную обструкцию (т.-е. мешать говорить).

Когда Горемыкин после окончания речи докладчика по бюджету Русевского, войдя на трибуну, начал свою речь словами: «Господа члены Государственной Думы!» — поднимается такой шум и стук о топоты, что совершенно заглушает его дальнейшие слова. Попытка председателя восстановить порядок ни к чему не приводит. Председатель Совета Министров Горемыкин стоит на трибуне и молчит. Тогда председатель Государственной Думы Родзянко просит его временно оставить трибуну, чтобы принять меры к восстановлению порядка.

Горемыкин покидает трибуну, наступает тишина. Родзянко предлагает исключить Скобелева за производимый им шум на 15 заседаний. Скобелева исключают, затем исключают трудовика Суханова, потом с.-д. Хаустова, Тулякова, Муранова и Малиновского, наконец, исключается Чхенкели, но последний отказывается подчиниться. Председатель объявляет перерыв. По возобновлении заседания Чхенкели снова сидит на своем месте. Председательствующий Родзянко предлагает старшему приставу удалить Чхенкели из зала заседаний, однако, Чхенкели не подчиняется и приставу. Тогда Родзянко предлагает удалить Чхенкели силой, и только при появлении 12 вооруженных солдат во главе с начальником охраны Таврического дворца Чхенкели со словами «это достойный вас финал», «я подчиняюсь насилию», наконец, покидает зал заседания. «Позор», — слышится слева. Фракция с.-д. от голосования воздержалась и спокойно смотрела, как расправлялись с представителями рабочих и крестьян.

По возобновлении заседания исключается Керенский, который, как и Чхенкели, отказывается подчиняться и уходит только при появлении вооруженной силы. Далее то же происходит с Петровским. На кафедре снова появляется Горемыкин, но едва он произносит первое слово «Господа члены», уцелевшие на левой опять поднимают шум, и Горемыкину вторично приходится оставить трибуну. После этого исключаются с.-д. Чхендзе, трудовик Дзюбинский, с.-д. Маньков, Шагов, трудовик Рысев; их удаляют тоже при помощи солдат. Горемыкин появляется в третий раз на трибуне, но вследствие начавшегося сильного шума на левой, он и на этот раз был вынужден оставить трибуну. Наконец, исключаются Янушкевич, Старлочанов, Ягелло и другие. Когда было исключено 25 человек, т.-е. вся левая часть Думы, Горемыкин, наконец, получил возможность говорить.

В своей краткой бессодержательной речи он сказал, что несмотря на толькó что «происшедшее прискорбное событие», Государственную Думу он все же приветствует, желает с ней совместно работать и всегда готов принимать ее членов по всяким делам и т. д.

Это исключение Думой всей левой ее части на 15 заседаний имело большое политическое значение. Оно всколыхнуло рабочие массы. На другой же день в Петрограде в виде протеста бастовал целый ряд предприятий в несколько тысяч человек, а в следующие дни забастовкой было охвачено уже много десятков тысяч рабочих, движение перекинулось на Москву и другие города.

7 мая истек срок, на который были исключены левые члены Госуд. Думы, и на первом же заседании Думы, по поручению всех трех фракций (шестерки, семёрки с.-д. и трудовиков), Керенский выступил с заявлением, а дальше выступили каждый в отдельности. Привожу здесь стенограмму.

Декларация социал-демократов и трудовиков в заседании Госуд. Думы 7 мая.

(Стенограмма.)

Председатель Госуд. Думы разрешил опубликовать задержанные им стенограммы заседания 7 мая, которые он признал неподлежащими оглашению.

Приводим эти стенограммы в том виде, в каком они разрешены к печати председателем Госуд. Думы.

К е р е н с к и й. Возвращаясь в Государственную Думу, социал-демократическая думская фракция, социал-демократическая рабочая

фракция и трудовая группа поручили мне сделать нижеследующее заявление (читает): «22-го апреля в Госуд. Думе произошло событие, приковавшее к себе внимание страны. Насильственно, с помощью военной силы, были удалены из заседания Госуд. Думы рабочие и крестьянские депутаты, социал-демократы и трудовики, за их протест против попыток правительства уничтожить свободное слово в Госуд. Думе. На самую сущность и смысл народного представительства покушается правительство, привлекая к суду депутатов за речь в Госуд. Думе. Необъяснимой неожиданностью было для нас это,—а неизбежным последствием всего хода развития».

Председатель. Будьте осторожны в своих выражениях.

Керенский. ...политической и социальной жизни страны последнего десятилетия. Октябрьское революционное движение 1905 года сломало и, казалось, сделало невозможным существование в России... (Голоса справа: «вон». Шум.)

Председатель. Если вы позволите себе подобные выражения, то я лишу вас слова. (Шум слева, звонок председателя.)

Керенский. Однако, поражение революционного движения в декабре 1905 г. дало возможность темным силам прошлого перейти в наступление... (Шум.)

Председатель (не слышно)...

Керенский. Поирая, в надежде на безнаказанность, кровные интересы народных масс, правительство, являясь орудием... крепостнической реакции, решило теперь разделаться окончательно... с плодами освободительного движения... (Шум; голоса справа: «вон»)

Председатель. Член Думы Керенский, будьте сдержаны в своих выражениях, иначе я буду вынужден лишить вас слова (Шум слева.)

Керенский. Уже с первого же дня власть не могла с ним помириться. Первая и вторая Госуд. Думы, в значительной степени отразившие чаяния народных...

Председатель. Член Думы Керенский, это не касается того, о чем вы желали говорить. Я вам этого не разрешал. (Голоса: «просим». Шум справа.)

Керенский. ...требовавшие земли и воли всему народу, были разогнаны...

Председатель. Член Думы Керенский, я буду вынужден лишить вас слова. (Шум справа.)

Керенский. Депутаты перводумцы, обратившиеся к стране с призывом защищать права народа, подверглись гонению... Против

социал-демократической фракции второй Думы был создан... процесс, депутаты социал-демократы были сосланы на каторгу и поселение...

Председатель. Член Госуд. Думы Керенский, обратитесь к существу вашего заявления.

Керенский. Третья Дума, захваченная помещиками, чиновниками и духовенством, стала деятельной участницей похода правительства против демократии, она ревностно ковала новые цепи на свободу и счастье народа, а буржуазия, думая, что этот поход обращен только против крестьянства и рабочего класса, искала союза с реакционной властью. Но, помогая расправе правительства с демократией, буржуазный класс убивает сам себя, и власть перестала считаться со своими недавними союзниками. Убедившись за время пятилетнего существования III Думы в неспособности привилегированных классов вести борьбу даже за свои собственные права и достоинство... (Шум справа. Голоса: «вои, что за безобразие!»)

Председатель. Член Госуд. Думы Керенский, я еще раз призываю вас к порядку.

Керенский. ...уничтожение в Госуд. Думе свободного слова. Ведь только одно свободное слово с думской трибуны напоминало еще о том, что в России существует подобие народного представительства. Свободное думское слово осталось единственной, последней силой, которой демократия еще могла пользоваться в Думе, и власть решила, что настало, наконец, время нанести окончательный удар и уничтожить последнюю тень народного представительства. За мысли, высказанные с трибуны Думы, она привлекала к суду депутата Чхеидзе. Удар был направлен против всей Госуд. Думы, нарушая ясный смысл закона... (Шум справа.)

Председатель. Член Госуд. Думы Керенский, я призываю вас последний раз к порядку, прошу вас держаться в пределах вашего заявления и резких выражений не допускать. (Шум.)

Керенский. ...я все-таки, большинство Думы не нашло в себе решимости ответить на удар ударом. На внесенное по почину социал-демократов и трудовиков предложение отложить рассмотрение бюджета и не давать денег правительству, пока над народным представительством висит угроза его уничтожения, большинство Думы ответило отказом; тогда мы признали необходимым в борьбе с правительством перейти от обычных способов думских выступлений к обструкции как к исключительному приему борьбы, единственно соответствовавшему исключительности и напряженности политического положения. Услужливая готовность и поспешность, с которыми Дума применила к нам меру...

Председатель. Член Госуд. Думы Керенский, я вас лишаю слова за оскорбительные для Госуд. Думы слова. (Шум, рукоплескания слева.) По п. 1 повестки член Госуд. Думы — Хаустов.

Хаустов. 22 апреля Дума применила к нам... (Шум справа. Голоса: «вон, долой!»)

Председатель. Член Госуд. Думы Хаустов, прошу вас говорить по вопросу.

Хаустов... полицейские меры.

Председатель. Член Думы Хаустов, прошу вас вторично говорить по вопросу.

Хаустов... полицейские меры.

Председатель. Член Госуд. Думы Хаустов, я вас лишаю слова. (Шум справа. Голоса: «долой!») Член Госуд. Думы — Малиновский.

Малиновский. 22 апреля... (Шум справа. Голоса: «вон, долой!»)

Председатель. Член Гос. Думы Малиновский, прошу вас держаться вопроса.

Малиновский. Дума применила к нам... (Сильный шум справа).

Председатель. Я вас лишаю слова.

Малиновский. ...из Госуд. Думы... (Шум.)

Председатель. Я вас лишаю слова.

Малиновский. ...представителей... (Сильный шум справа; среди шума Малиновский продолжает читать. Голоса: «исключить!»)

Петровский. Мы социал-демократы и трудовики, исполняя то, что считали своим долгом, мы крикнули стране: последние остатки завоеваний 1905 г. в опасности, мы крикнули стране, что без демократии и против демократии не может быть действительной борьбы за расширение народа, не может быть успешной борьбы с преступными попытками...

Председатель. Член Госуд. Думы Петровский, покорнейше вас прошу держаться в пределах рассматриваемого нами вопроса.

Петровский. ...рабочий класс в ответ на ленские залпы (голоса справа: «читать нельзя») открыл...

Председатель. Член Госуд. Думы Петровский, я вас лишаю слова. (Рукоплескания слева.) (Шум справа. Голоса: «долой!»)

XIV. Уход из Думы Малиновского. Усиление стачечного движения. Первые стычки бастующих рабочих с полицией в Петрограде. Закрытие рабочих газет. Объявление войны и перелом настроения рабочих.

Вторым важным событием в мое отсутствие в Госуд. Думе был уход из Думы Малиновского. Это произошло как раз по истечении срока, на который были исключены 25 депутатов левой части Госуд. Думы, а именно 8 мая.

До ухода из Думы Малиновский в частных разговорах изредка заявлял, что ему не хочется дальше оставаться в Думе, что в полезность нашего пребывания в ней он мало верит, что нужно идти в рабочие массы и работать только там. А однажды он этот вопрос предложил обсудить и во фракции.

Это было дня за три до его ухода из Думы. Он предлагал обратиться к рабочим с призывом к открытым революционным выступлениям, самим идти на фабрики и заводы и там вести партийную работу. Когда это провокационное предложение было отвергнуто, Малиновский даже не пытался его защищать, так что члены фракции этому заявлению значения не придали, предполагая, что Малиновский говорил об этом не серьезно, поэтому уход его для фракции был крайне неожиданным, тем более неожиданным, что он не только не предупредил фракцию, но даже не намекал на эту возможность.

Произошло это так. На заседании Госуд. Думы 8 мая в зале заседания из шестерки был только Муранов. Бадаев был болен, остальные отсутствовали по другим причинам. Во время перерыва заседания тов. Муранов оставался в зале. Перед возобновлением заседания уходивший и вернувшийся в зал с.-д. Туляков, подойдя к Муранову, задал ему вопрос: «Верно ли, что Малиновский уходит из Думы?» Озадаченный этим вопросом, Муранов ответил отрицательно и направился к выходу из зала, чтобы выяснить, в чем дело, но тут же встретил Керенского, который задал ему тот же вопрос. Узнав от последнего, что эти сведения получены от депутата Коновалова, Муранов быстро отыскал последнего. Далее, выяснилось, что действительно Малиновский только что был в кабинете председателя Думы, Родзянко, и в присутствии его, Коновалова, подал Родзянко пакет с заявлением о своем уходе из Думы, затем, попрощавшись с ними, быстро вышел из кабинета. То же повторили и швейцары, сказав, что Малиновский, попрощавшись с ними, только что ушел.

Муранов немедленно сообщил об этом по телефону Петровскому и другим. В то же время на заседании Госуд. Думы председателем Родзянко было оглашено заявление Малиновского об его уходе из Думы. Наша фракция немедленно собралась и постановила вызвать Малиновского для объяснений. Однако посланному к нему тов. Петровскому Малиновский ответил решительным отказом подчиниться требованию фракции. Тогда вторично посланному тов. Петровскому было поручено взять у него все имевшиеся материалы. На этот раз Петровский застал Малиновского в нетрезвом виде. Он плакал, рвал на себе рубашку, всячески нервничал, но итти во фракцию снова отказался, а все имевшиеся у него материалы с их точной описью оказались уже переданными на квартиру Петровского. Тут же Малиновский послал тов. Каменеву письмо и уехал на вокзал, но Л. Б. Каменев успел все-таки вручить ему ответ через посланного уже на вокзале. В этом ответе Л. Б. Каменев резко осуждал поступок Малиновского и назвал его подлецом.

10 мая от Малиновского была получена из пограничного городка следующая телеграмма: «Еду за границу. Открытое письмо через два дня. Малиновский».

(«Путь Правды», № 84 от 12 мая 1914 г.)

С первых же дней после ухода Малиновского, пользуясь состоянием озадаченности и растерянности в нашей фракции, ликвидаторы подняли против нас усиленную травлю, обвиняя оставшихся в Думе членов нашей фракции в том, что они скрывают истинное положение вещей, что у них во фракции что-то неладно и т. д., и т. п. Скоро к нам во фракцию явился один из них, некий Циоглинский, и подал письменное заявление о Малиновском, в котором утверждая, что Малиновский — провокатор, требовал немедленно его напечатать в нашей газете, угрожая в противном случае напечатать его в газете ликвидаторов со своими «комментариями».

На вопрос о доказательствах он ничего конкретного не мог представить, при чем вел себя так вызывающе, что членам нашей фракции нужно было напрячь все самообладание, чтобы сохранить хладнокровие, но тем не менее у тов. Муранова (как он сам передавал), сидевшего у открытого огня, под конец начало назревать намерение выбросить Циоглинского в окно, и только соответствующее воздействие на него остальных членов фракции помешало ему привести это намерение в исполнение.

12 мая в специальном понедельничном номере нашей газеты («Путь Правды», № 84) было напечатано следующее разъяснение:

От Росс. Соц.-Дем. Раб. Фракции.

Ввиду непрекращающихся ложных слухов по поводу обстоятельств ухода из Думы депутата Малиновского и попыток посеять на этой почве смуту среди рабочих, Росс. Соц.-Дем. Раб. фракция постановила опубликовать на основании протоколов ее заседаний и выяснившихся к данному моменту данных все ей известные факты:

I. Вопреки распространяемым слухам о том, что после имевшего место 22 апреля исключения из Госуд. Думы на 15 заседаний всех социалистов и трудовиков между Росс. Соц.-Дем. Раб. фракцией в целом и ее бывшим председателем депутатом Малиновским не возникали никакие серьезные тактические и политические разногласия, вызвавшие уход Малиновского из Думы, — все решения фракции с 22 апреля по 8 мая принимались ею единогласно, в том единственном случае, когда Малиновский внес не встретившее одобрения других членов фракции предложение о более активных методах борьбы, он не настаивал на своем предложении и голосовал за общую резолюцию, которая, таким образом, наметила единогласно дальнейшую тактическую линию фракции.

II. За все это время ни разу ни на официальных заседаниях фракции, ни на частных совещаниях ее членов депутат Малиновский не подымал вопроса о сложении мандата.

III. Что касается случайных и отрывочных заявлений Малиновского в частных разговорах с отдельными товарищами о возможном сложении им мандата ввиду неудовлетворенности думской работой, то ни на кого из его собеседников заявления эти не производили впечатления серьезного намерения, могущего повлечь за собой какие-либо практические шаги. И только поэтому, конечно, вопрос о возможности ухода Малиновского не был поставлен на обсуждение какой-либо коллегии.

IV. В день сложения Малиновским мандата (8 мая) все мы, в том числе и Малиновский, были вместе в кулуарах Думы, при чем Малиновский ни о каком своем намерении ничего не говорил. К часу дня в Думе остался один тов. Муранов, а остальные раз'ехались по делам. Около шести часов, за несколько минут до оглашения с трибуны заявления Малиновского, Муранов узнал, что оно подано, и сообщил об этом всем членам фракции по телефону. Через полчаса все мы были уже в помещении фракции и немедленно командировали т. Петровского к Малиновскому, с приглашением явиться на заседание фракции и дать

свои объяснения. Малиновский заявил Петровскому, что будучи сильно взволнован, он не может дать сейчас никаких объяснений. По получении такого ответа фракция вторично отправила Петровского к Малиновскому. На этот раз Петровский застал Малиновского в болезненном состоянии, при чем Малиновский отказался и на этот раз пойти на заседание фракции. Тут же он заявил, что в тот же вечер уезжает за границу. Посланный на вокзал вдогонку товарищ поспел лишь к самому отходу поезда. Таким образом, мы были лишены возможности получить от Малиновского какие-либо объяснения.

V. Что касается газетных слухов о том, что будто бы «большевистская фракция» получила от Малиновского письменное сообщение с подробным изложением политических причин, побудивших «его это сделать», то никакого подобного письма Росс. Соц.-Дем. Раб. фракция не получала. За полчаса до отъезда Малиновского нам стало известно, что один из товарищей Малиновского получил от него частное письмо, написанное, по признанию самого Малиновского (в письме), в болезненном состоянии. Попытка этого товарища задержать Малиновского в Петербурге для личных объяснений оказалась безуспешной, так как ответное его письмо было вручено Малиновскому тогда, когда он уже сел на извозчика, чтобы ехать на вокзал.

VI. Резко осуждая как самый уход Малиновского, так особенно и форму этого ухода, мы пришли к заключению, что при отсутствии между нами политических разногласий, — образ действий Малиновского может быть объяснен лишь крайней степенью нервной усталости и потерей душевного равновесия, о чем мы и довели 10 мая до сведения рабочих.

VII. Только в ночь с 10 на 11 мая мы получили первую весть от самого Малиновского — телеграмму, в которой он обещает прислать через 2 дня «открытое письмо». Теперь мы ждем этого письма.

Как в своем первом заявлении, так и в этом, считаем ниже достоинства Рабочей фракции останавливаться на тех грязных и клеветнических слухах, которые появились на страницах бульварной печати.

Мы не находим тем не менее возможным становиться на почву этих толков, что, по признанию всех, «фактическая беспочвенность этих слухов к концу дня представлялась депутатам вполне ясной».

(«Речь» от 11 мая.)

Сплетня, жившая один день, не подтвержденная никакими конкретными указаниями, не могла и не должна была, конечно, вызвать никакого ответа с нашей стороны.

Мы убеждены, что рабочие пройдут мимо всех попыток внести смуту в их ряды и отзовутся на уход Малиновского так, как сделала это группа его избирателей (36 кооперативных служащих Москвы), телеграммой которых мы и заканчиваем настоящее сообщение: «Стдельные лица устают, падают, умирают. Вы бодро и смело идите вперед; мы с вами.

Росс. Соц.-Дем. Раб. Фракция.

(«Путь Правды», № 84 от 12 мая 1914.)

После этого с мест начали поступать телеграммы и письма, в которых товарищи, доводя до нашего сведения, что они не верят распространяемой ликвидаторской газетой клевете и пошрежнему доверяют нам, как своим истинным представителям, обещают свою поддержку и т. д.

Ободряющие резолюции с мест продолжали поступать все в большем и большем количестве, а ликвидаторская газета продолжала травлю, требуя напечатать письмо Малиновского и выявления более определенного нашего отношения к самому факту ухода его из Думы, и 20 мая наша фракция снова выступила в нашей газете с следующим заявлением:

К уходу Малиновского.

От Р. С.-Д. Р. Ф.

Р. С.-Д. Р. Ф., обсудив сложение депутатских полномочий членом Р. С.-Д. Р. Ф., депутатом от московских рабочих Р. В. Малиновским и приняв во внимание его «открытое письмо», пришла к следующему выводу:

Малиновский сам заявил в момент его выборов, что он соглашается баллотироваться «по просьбе российской социал-демократической рабочей партии». Этим было выражено то основное начало поведения рабочего депутата на выборах, которое безусловно обязательно с точки зрения всякой организованной партии. Само собой разумеется, что сознательным рабочим необходимо с особенной строгостью отстаивать это основное начало в борьбе против всех буржуазных и мелко-буржуазных партий, которые часто дают мандаты в парламент карьеристам и не соблюдают никакой действительно партийной дисциплины.

В нарушение всего этого Малиновский сложил с себя депутатские полномочия, не посоветовавшись ни с руководящим учреждением, ни с своей ближайшей коллегией — Р. С.-Д. Р. Фракцией.

Такой поступок безусловно не допустим ни для одного организованного и сознательного рабочего, будучи нарушением дисциплины и анархическим шагом.

Поступок этот заслуживает прямого осуждения, равняясь поступку часового, покидающего свой пост самовольно.

Крайняя нервность, хотя бы она доходила до болезненности, вызванной невероятно тяжелыми условиями работы и травлей всех помощников Р. С.-Д. Р. Фракции, может лишь смягчить, но не устранить виновность Малиновского.

Во всяком случае признание Малиновского, что он не посчитался с ответственностью, совершая свой «убийственный шаг», несколько не смягчает его поступка, которым он поставил себя вне наших рядов.

Р. С.-Д. Р. Фракция приглашает всех сознательных рабочих поддержать настоящее решение, чтобы сделать невозможными впредь среди марксистски-организованного пролетариата повторение подобных поступков.

Мы, марксисты, сильны только сознательностью и добровольной дисциплиной всех передовиков и рядовых участников движения рабочего класса, и среди советчиков из должностных лиц этого класса нет и быть не может незаменимых личностей.

Мы не сомневаемся ни на минуту, что московские сознательные рабочие в лице своих уполномоченных и выборщиков исполнят во всяком случае до конца свой долг и пошлют в Госуд. Думу вместо Р. В. Малиновского достойного члена нашей фракции и выразителя стремлений пролетариата.

Наконец, мы обязаны предупредить всех сознательных рабочих России против выдающих себя за друзей рабочего класса разрушителей его организованности — ликвидаторов, которые опять повторяют свои неоднократные попытки темными намеками и грязными инсинуациями дезорганизовать рабочие ряды.

Попрежнему отбрасывая от себя эти клеветы, сознательные рабочие России выполнят свой долг до конца, исправляя твердо и неуклонно всякие поступки отдельных лиц, отстаивая строго дисциплину марксистски-организованных рабочих и неуклонно развивая свое движение к великой цели.

Р. С.-Д. Р. Ф.

(«Путь Правды», № 91, от 20 мая 1914 г.)

Происходившая в течение всей зимы усиленная борьба с ликвидаторами после истории с Малиновским еще более обострилась. Ликвидаторы попрежнему не переставали нас травить, но несмотря на это, подавляющее большинство рабочих попрежнему оставалось

на нашей стороне (правления профессиональных союзов и больничных касс в своем составе имели подавляющее большинство наших сторонников).

Государственная Дума была распущена на летние каникулы. Члены нашей фракции раз'ехались по местам. Классовая борьба принимала все более и более широкий размах и напряженный характер. Не только в Петрограде, но и в провинции (знаменитая стачка в Баку, стачечное движение в центральном текстильном районе и т. д.).

3 июля полицией был расстрелян митинг на Путиловском заводе. В результате были убитые и раненые. Это событие послужило толчком к открытым революционным выступлениям.

Начавшиеся на другой же день после расстрела путиловцев массовые стачки протеста быстро превращались в многоярусные политические демонстрации, во время которых произошел ряд вооруженных столкновений с полицией. Особенно сильно проявилось движение на Выборгской стороне, где было остановлено движение трамваев, а в некоторых местах происходила баррикадная борьба с полицией.

Эти события совпали с приездом в Петреград Пуанкаре, явившегося для нащупывания почвы на предмет использования военных сил России, ввиду надвигавшейся тогда империалистической войны. Рабочие Петрограда своим революционным выступлением устроили Пуанкаре достойную встречу.

Несмотря на производившиеся полицией массовые аресты руководителей движения, рабочие держались стойко. Чувствовалось быстрое нарастание революции, напоминавшее славные дни героической борьбы 1905 года. Полиция напрягала все силы в борьбе с этим движением.

8 июля были закрыты рабочие газеты и произведены многочисленные аресты их сотрудников. Но движение еще продолжалось, и стычки с полицией происходили то тут — то там. Через неделю, однако, по призыву Петербургского Комитета рабочие стали снова на работу; так как момент для решительной схватки еще не настал, а еще, через несколько дней (это было 19 июля) была объявлена мобилизация, вырвавшая из рабочей среды массу революционно-настроенных людей, и движение быстро замерло.

Первое время, благодаря неожиданности мобилизации, имел место момент озадаченности, растерянности и пессимизма, что делать, как реагировать на события, а дальше объявленное «военное положение», как железными тисками, сдавило рабочие массы, и реагировать на события тем или иным способом было вообще крайне трудно, но тем

не менее в рабочих районах от времени до времени митинги и демонстрации протестов происходили.

Рабочие газеты не выходили, а буржуазные, начиная от самой погромной черносотенной «Земщины» и кончая самой либеральной левой с первых же дней мобилизации, объединившись в один общий хор, забыв все свои разногласия, захлебываясь в едином «патриотическом» порыве, на все лады трубили о необходимости «разгромить дерзкого врага всего человечества» Германию и т. д. Старались всеми силами «обработать» население России в своем «патриотическом» духе. Скоро грязные волны самого оголтелого шовинизма, прокатываясь через всю необъятную территорию России, захлестнули не только все слои буржуазии, мещанства и интеллигенции, но даже и некоторую частицу рабочего класса (главным образом его привилегированную часть).

Но с.-д. большевистские организации в создавшемся положении ориентировались сравнительно быстро и с первых же дней, как только прошел момент некоторой растерянности, заняли определенно враждебную всем «патриотам», сторонникам войны, позицию.

XV. Заседание Государственной Думы 26 июля 1914 года. Наша военная декларация.

На 26 июля была созвана Государственная Дума. Депутаты из нашей шестерки с.-д. в это время все были на местах, и ко времени открытия Думы в Петроград приехал только Шагов, остальные не успели.

Двое находившихся в Петрограде депутатов семерки (Хаустов и Чхеидзе) устроили совещание, на которое, пригласив Шагова, предложили ему принять участие от имени нашей шестерки в выработке декларации и для общего выступления от обеих с.-д. фракций в Государственной Думе по вопросу об отношении к войне. Не видя другого выхода из положения, ввиду отсутствия остальных товарищей, Шагов согласился¹⁾, и 26 июля на «историческом» заседании Государственной Думы от имени обеих с.-д. фракций по вопросу о нашем отношении к вспыхнувшей империалистической войне Хаустов прочитал с думской трибуны следующее заявление (стенограмма):

Х а у с т о в (Уфимская губ.). Г.г. члены Государственной Думы. От имени социал-демократической фракции и российской социал-демокра-

¹⁾ Это написано со слов члена шестерки депутатов М. К. Муранова.

тической рабочей фракции я уполномочен заявить нижеследующее: «Страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторваны от мирного труда, разорены и брошены в кровавый водоворот; миллионы семей обречены на голод. Война началась. Когда европейские правительства готовились к войне, европейский пролетариат, во главе с германским, выступил с дружным протестом против подготовляемой правящими кругами войны. Ряд сложившихся обстоятельств помешал рабочим России выступить открыто с тем же протестом. Но в моменты грандиозных демонстраций европейского пролетариата против войны, сердца российских пролетариев бились вместе с их сердцами. Настоящая война, порожденная политикой захватов, является войной, ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран. Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили. (Рукоплескания.) Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несет. Но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности всех трудящихся масс всего мира пролетариат найдет средства к скорейшему прекращению войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами, а самим народом. Вместе с тем мы высказываем глубокое убеждение, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетений, от которых они страдают, и что теперешняя вспышка варварства будет в то же время и последней его вспышкой. (Рукоплескания на отдельных местах крайней левой; шиканье справа.)

Несмотря на всю неопределенность и нерешительность этого заявления среди общего шовинистического угара, которым были охвачены все остальные думские фракции, начиная от крайних правых до трудовиков включительно, это заявление прозвучало в Думе, как гром среди ясного неба и встречено было молчанием со стороны так назыв. «оппозиции» и злобными возгласами и шиканьем правых черносотенцев.

Остальные фракции на этом историческом заседании выступали очень единодушно, в «едином патриотическом духе» и после каждого выступления представители всех фракций провожались аплодисментами всего зала. Даже выступлению Керенского (чего раньше не бывало) аплодировали все до крайних правых включительно. Для характеристики я привожу его здесь, вот оно (стенограмма):

Керенский (Саратовская губ.) Г.г. члены Государственной Думы! Трудовая группа поручила мне огласить следующее заявление: «Тяжелое испытание пало на родину, и великая скорбь охватила всю страну.

Тысячи и тысячи молодых жизней обречены на нечеловеческое страдание, нищета и голод идут разрушать благосостояние сиротеющих семей трудящихся масс населения.

Мы непоколебимо уверены, что великая стихия российской демократии вместе со всеми другими силами дадут решительный отпор нападающему врагу (рукоплекания слева, в центре и справа) и защитят свои родные земли и культуру, созданные потом и кровью поколений. Мы верим, что на полях бранных в великих страданиях укрепится братство всех народов России (рукоплекания слева, в центре и справа) и родится единая воля — освободить страну от страшных внутренних пут.

Неискупима ответственность правительств всех европейских государств, во имя интересов правящих классов, толкнувших свои народы на братоубийственную войну. Социалисты всех ныне воюющих стран — Франции, Англии, Бельгии и Германии — пытались протестовать против разразившейся войны. Мы же — русская демократия — не могли даже в этот последний, страшный час во время свободно возвысить свой голос против надвигавшейся войны. Но, глубоко веруя в единство всех трудящихся классов всех стран, мы шлем свой братский привет всем протестовавшим против подготавливавшейся братоубийственной бойни народов.

Русские граждане, помните, — что нет врагов у вас среди трудящихся классов воюющих стран. Защищая до конца все родное от попыток захвата со стороны враждебных нам правительств Германии и Австрии, помните, что не было бы этой страшной войны, если бы великие идеалы демократии — свобода, равенство и братство, руководили деятельностью правящей России и правительств всех стран.

Между тем власть наша даже в этот страшный час не хочет забыть внутренней распри: не дает она амнистии борющимся за свободу и счастье страны, не хочет примириться с нерусскими народностями государства, все простившими и одушевленно борющимися вместе с нами за общую родину, и, вместо того, чтобы облегчить положение трудящихся классов народа, именно на них возлагает главную тяжесть военных издержек, усиливая бремя косвенных налогов.

Крестьяне и рабочие, — все, кто хочет счастья и благополучия России, в великих испытаниях закалите дух ваш, соберите все ваши силы и, защитив страну, освободите ее.

А вам, нашим братьям, проливающим кровь за родину, низкий поклон и братский привет. (Рукоплескания слева, в центре и на отдельных местах справа.)

С момента войны русско-австрийская и русско-германская границы были закрыты и сношения нашей с.д. фракции с Ц. К. партии прекратились на долгое время и ориентироваться в окружающей трудной обстановке без указаний Ц. К. было нелегко, но пролетарско-большевистский инстинкт сам подсказывал, что нужно делать, несмотря на невероятно тяжелые условия военного времени (военное положение, почти всеобщий угар небывалого шовинизма и пр.), свою позицию в вопросе о войне русские большевики определили правильно, и в первые месяцы не хватало только официального оформления ее руководящим партийным центром в виде определенного, зафиксированного на бумаге решения. Это решение было получено от Ц. К. только в начале сентября—это были известные тезисы В. И. Ленина. Они привезены мною из Швейцарии, откуда я возвратился в это время, но здесь я должен вернуться к моему дальнейшему пребыванию за границей.

Очень скучно жилось мне в Монтре без знания языка и без товарищей (там никого из наших тогда не было и лишь изредка меня навещали Шкловский и Ривлин). В апреле из Монтре я переехал снова в Шен к тов. Ривлину, а через некоторое время перебрался в Берн, где при содействии товарища Г. Л. Шкловского я устроился в одной из лечебниц, на берегу красивой и быстрой горной реки Аары.

XVI. Первое Мая в Швейцарии в 1914 г. Паника в Швейцарии после об'явления войны. Приезд Владимира Ильича в Берн. Арест Шкловского и других.

Здесь, в Берне, в первый раз в жизни я присутствовал на открытом «законном» праздновании рабочего праздника 1-го Мая и то, что я увидел здесь, произвело на меня очень сильное впечатление.

Вместо наших тогдашних нелегальных первомайских собраний по лесам, устраиваемых всегда с большим риском попасть под казацкие нагайки, а иногда и пули, 1-го мая 1914 года в городе Берне я увидел грандиозное открытое торжество с участием многих и многих тысяч рабочих и, несмотря на плохое самочувствие, я не мог удержаться от участия в нем.

С утра наша эмигрантская публика в числе 10—15 человек собралась у товарища Шкловского, и часам к 10—11 мы с развернутым красным знаменем русской группы с надписями на нем на немецком языке отправились на сборный пункт. Там было уже много разных групп, каждая со своим знаменем. Помню, особенное внимание обращали на себя большие группы детей. Все они были в праздничных костюмах и держали над своими головами большие красивые гирлянды цветов. Когда площадь вся была заполнена публикой, по чьей-то команде, под звуки нескольких оркестров музыки, игравшей Интернационал, двинулись сначала передние колонны, а затем постепенно и все остальные. Громадная процессия с целым лесом красных знамен двинулась по главным улицам города. Чтобы не мешать ей, движение трамваев было приостановлено, полиция, охранявшая порядок движения, старалась устранять все могущее так или иначе ему препятствовать.

Пройдя по главным улицам, процессия направилась за город на небольшую возвышенность, под названием «Гуртен», и там, под большим навесом (крыши без стен, с одними колоннами) публика разместилась на многочисленных скамейках, и с кафедры начались выступления. Говорили на немецком, французском и итальянском языках, я почти ничего не понимал, но то настроение, которое охватывало публику, произносимыми речами передавалось и мне. Я был очень доволен тем, что пришлось увидеть эти торжества. В этом году первое мая совпало с юбилеем 25-летия этого праздника, и ораторы говорили главным образом юбилейные речи.

Здесь я имел возможность почти ежедневно видеть товарища Г. Л. Шкловского и его семью, а иногда и других русских с.-д. эмигрантов, поэтому в первое время скуки большой не испытывал и скоро начал лучше себя чувствовать. Но через некоторое время настроение мое снова испортилось, ввиду того, что в Швейцарии я находился уже около трех месяцев, а результаты лечения были незначительны. Предо мной вставала перспектива задержаться там на неопределенно долгое время, меня стали мучить мысли о том, что мои товарищи по фракции перегружены работой и, несмотря на это, продолжают без отдыха работать, а я сижу без дела и неизвестно, сколько времени просижу еще; от этих мыслей мне снова стало тяжело и скучно, быстро надоела вся обстановка чужого города, чужой язык, однообразный вид гор и т. д. Меня неудержимо потянуло обратно в Россию. Мне страшно захотелось видеть родные равнины и всю тяжелую, но родную обстановку борьбы рабочего класса.

Это мое настроение я выразил тогда в сохранившемся у меня в архиве следующем стихотворении:

НА ЧУЖБИНЕ.

Эх, надоел мне город шумный
Страны свободной, но чужой,
Где от безделья, как безумный,
Брожу я часто сам не свой.

Не по душе чужие нравы,
Наскучил вид высоких гор:
Милей мне шум родной дубравы
Ковер лугов, равнин простор.

Тоска по родине далекой
Порабощенной, но родной
Запала в душу мне глубоко,
И мысли все о ней одной...

Встают в моем воображеньи
Картины тяжкого труда,
Где братья в рабском положеньи.
Несусь я мыслю туда.

Где в корпусах мой брат рабочий
Всю жизнь проводит за станком,
Не разгибаясь дни и ночи,
С пилой, с зубилом, с молотком,

В неволе тяжелой изнывая,
Цепями рабства он звонит,
Но никогда не унывая,
Он верой светлую горит.

Он верит в собственные силы
И в дело верное свое
И с юных лет и до могилы
Клянется тяжелое житье.

С врагом ведет он бой неравный —
Тяжелых жертв не перечесть,
Но знает он победой славной
Приобретет хвалу и честь.

Туда к нему на бой за волю
Несусь я мыслю своей,
В борьбу за радостную долю,
За счастье родины моей.

Но несмотря, однако, на все мое желание, состояние моего здоровья было еще настолько неудовлетворительно, что работать я был не в состоянии, и в июне, когда наступили жаркие дни, вместе с семьей тов. Г. Л. Шкловского я отправился на Тунское озеро, в дачное местечко Ляйзиген. Решив посидеть там еще некоторое время, затем уже и отправиться обратно в Россию.

И там, среди невиданных еще мною красот горной природы, находясь целыми днями на воздухе, я скоро стал заметно поправляться.

Кроме Г. Л. Шкловского, там еще был Ф. Ильин.—Это была хорошая компания товарищей-друзей, в обществе которых я чувствовал себя, как в родной семье. В особенности, я привык к Шкловским, которые так заботились обо мне, как не заботятся часто даже близкие родственники. Это были славные люди, каких я мало встречал в жизни.

Климат и другие условия окружающей обстановки делали свое дело, и, вместе с улучшением самочувствия, у меня крепло решение ехать на работу, ехать туда, где давно уже ждали меня товарищи по фракции и мои избиратели-рабочие.

Но в это время произошли события величайшей мировой важности, вследствие которых я вынужден был задержаться в Швейцарии: началась мировая империалистическая война и с первых же дней жизнь в Швейцарии резко изменилась.

Уже, как только начались военные действия между Сербией и Австро-Венгрией, среди населявшей тогда швейцарские курорты иностранной буржуазии поднялась невообразимая совершенно неопишуемая паника, которая несмотря на усиленные старания внести успокоение всей швейцарской буржуазной печати, с каждым днем возрастала все больше и больше. На улицах городов и местечек всюду виднелись воззвания, призывавшие к спокойствию и сообщавшие, что дипломаты и всякие другие «друзья мира» усиленно работают на пользу мира, и что есть надежда на локализацию начавшихся между Австро-Венгрией и Сербией военных действий и т. д. Но иностранная буржуазия сплошной массой торопилась покинуть Швейцарию. На всех вокзалах швейцарских жел. дор. была такая теснота и давка, какой, по словам швейцарцев, они еще никогда не видели.

Я не успел еще окончательно решить вопроса о сроке отъезда в Россию, как получены были сведения о вступлении в войну Германии, России, Франции, а потом и Англии. Передо мной встал вопрос, как ехать и можно ли вообще ехать в Россию, так как русско-германская и русско-австрийская границы были уже закрыты.

Вскоре было получено известие об убийстве вождя французских социалистов Жореса, которое сильно волновало не только нас, русских с.-д., но и всех остальных жильцов нашей гостиницы, обсуждавших это известие на все лады. Нам было ясно, что Жорес пал как поборник мира от руки империалистической французской буржуазной военщины, которая решила убрать с дороги своего врага, каковым был тогда для нее Жорес, и нам казалось, что вслед за Жоресом тоже может произойти и с вождями социалистов других воюющих стран. К несчастью, как известно, вожди эти оказались не только безвредными для буржуазии своих правительств, но деятельными сторонниками последних.

Швейцария находилась между двумя воюющими лагерями в виде маленького буфера, который при желании любая из воюющих сторон, без особых для себя усилий, могла бы подвергнуть оккупации, если бы это потребовалось «стратегическими соображениями». Поэтому она в самом начале войны заняла позицию строжайшего нейтралитета и все заподозренные в шпионаже той или другой из воюющих держав лица немедленно высылались из пределов Швейцарии; с другой стороны, на случай нападения швейцарское правительство издало ряд распоряжений, в силу которых вся страна была переведена на военное положение. Железные дороги были переданы в ведение военного ведомства, вся армия, их всеобщая гражданская милиция, около 300.000 штыков, была быстро мобилизована и отправлена к границам и т. д.

Однажды на имя тов. Шкловского из Австрии была получена телеграмма с просьбой Ц. К. выслать некоторую сумму денег (кажется 800 фр.). У меня имелись деньги, полученные мною от тов. Бадаева перед началом еще войны, и мы с тов. Шкловским послали В. И. телеграфом 500 фр.

Эта посылка совершенно для нас неожиданно послужила причиной необычной для тогдашней Швейцарии истории: через несколько дней после отправки денег, рано утром, я был разбужен взволнованным голосом Д. З. Шкловской, жены Г. Л. Шкловского. На мой вопрос, в чем дело, что случилось? она сообщила мне, что этой ночью приехавшими на автомобиле из Берна полицейскими арестован Г. Л. Шкловский, что она собирается ехать в Берн, чтобы выяснить, в чем дело, и просила меня зайти к ним. Я быстро оделся и отправился к Шкловским. Там Д. З. дополнительно сообщила мне, что представители власти после обыска арестовали Г. Л. Шкловского и без всякого объяснения причин посадили в закрытый автомобиль и спешно увезли в Берн.

На Швейцарию я тогда смотрел как на «самую свободную» страну, в которой насилий над личностью граждан, и, конечно, незаконных

«без объяснения причин» арестов ожидать там я не мог, а тут вдруг родная российская картина... «приехали ночью», ворвались в помещение спокойно спавших людей, обыскали, схватили гражданина, посадили «в закрытый автомобиль» и без всяких объяснений увезли. Зачем? почему? куда? — неизвестно.

Я был поражен и, не понимая, искал, но не находил объяснения. Но факт оставался фактом. Хорошо знакомая российская картина насилия над личностью мирного гражданина была налицо, и «авторитет свободнейшей в мире швейцарской демократии» был поколеблен.

В Берне полицеймейстером тогда был известный социал-демократ Цраген. Д. З. Шкловская направилась к нему за разъяснениями, а я, в ожидании ее, остался с их детьми. Ждать пришлось довольно долго. Доерна было несколько десятков верст. Я сидел на крылечке квартиры Шкловских с ребятами, а в это время мимо крылечка то и дело сновали на велосипедах какие-то невиданные еще там мною типы. От времени до времени типы эти, подъезжая совсем близко к крылечку, самым бесцеремонным образом подробно рассматривали мою фигуру. Это было очень подозрительно, но я все-таки не хотел верить, что это «шпики», ибо не мог забыть, что нахожусь в демократической Швейцарии. Это во-первых, а во-вторых, такой наглости никогда не видал я даже в родной России, там шпики были скромнее и приличнее, и, следя за нашим братом-революционером, старались по возможности это делать так, чтобы мы их не замечали, а тут чорт знает что происходит. Подъезжают почти вплотную, смотрят прямо вам в лицо, хоть плюй им в рожки.

К вечеру вернулась Д. З. Шкловская. Она была у полицеймейстера, и там выяснилось, что Г. Л. Шкловский заподозрен в шпионаже в пользу России, что поводом к этому подозрению послужила наша переписка с В. И. При чем оказалось, что кроме нашей денежной посылки одним из поводов к аресту Шкловского послужила перехваченная полицией вторая телеграмма В. И., в которой он предлагал срочно снестись с Парижем (с находившимися там товарищами Г. Беленьким и др.) на предмет срочного напечатания противовоенных листовок. Дальше выяснилось, что Г. Л. Шкловский скоро будет освобожден. Действительно, Шкловский на другой же день вернулся в Лайпитен, просидев в тюрьме около суток. После этого шпики исчезли и у квартиры больше не появлялись.

В это же время были арестованы тов. К. А. Комаровский (Данский) с прибывшим с ним в Берн знакомым и затем некто Леонтьев, бывший в одной из российских губ. (теперь уже не помню в какой) вице-губер-

натором, а тогда живший в Швейцарии в качестве «опального», и ряд других лиц—всего 12 человек.

Все были арестованы за то, что во время ареста Шкловского случайно зашли к нему на квартиру. После же освобождения последнего скоро также были освобождены.

Дальше выяснилось, что собирались арестовать и меня, но не решились на это в виду моего депутатского звания, боясь «дипломатических осложнений». Позднее стало известно, что Владимир Ильич нашу посылку не получил, ему только было сообщено, что на его имя имеется какое-то почтовое отправление, но что ему, как подданному воюющей державы, оно выдано быть не может».

Между тем, события развивались быстро. В войне участвовали уже все европейские великие державы. Вожди социалистических партий воюющих стран (Франции, Бельгии, Германии, Австрии и др.) изменили пролетариату и социализму, а многие из них даже вступили в свои буржуазные правительства.

Среди нашей российской с.-д. эмиграции в Швейцарии эта их тактика вызвала большой переполох, и в ней стали определяться две противоположные в отношении к происходившим событиям группы. Плеханов, Алексинский и другие образовали оборонческую, шовинистическую группу, а большевики во главе с Владимиром Ильичем Лениным заняли свою непримиримую, так называемую, пораженческую позицию. В это время я был уже снова в Берне, куда перебрался и Вл. Ил. Ленин. Он тогда только что приехал из Австрии, где перед этим был арестован, как подданный воюющей державы, но просидев в тюрьме около двух недель и при содействии австрийских соц.-дем., кажется, Виктора Адлера и Дашинского, был освобожден, и ему, как известному вождю левого крыла российской социал-демократии, даже и во время войны остававшемуся на самой непримиримой позиции в отношении тогдашнего царского правительства, было разрешено проживать в Вене.

С В. И. мне приходилось ежедневно встречаться у Шкловских, которые организовали для нас обеды. В лесу за Берном тогда был устроен ряд собраний, на которые собирались человек по 10—15 находившихся в Швейцарии эмигрантов большевиков (там бывали товарищи Шкловские, Сафаров, Каспаров, Вл. Ил. Ленин, Н. К. Крупская и другие). На этих собраниях выяснялась и определялась окончательно наша позиция в отношении к происходившим тогда мировым событиям.

В первую голову на них выступал В. И. Ленин. Подробно развивая свою точку зрения, он доказывал, что «всякие разговоры о защите оте-

чества в настоящей империалистической войне являются шовинизмом, а всякая помощь правительству в империалистической войне—изменой рабочему классу, что нам необходимо использовать все военные затруднения нашего правительства для решительной борьбы с ним, что нужно вести агитацию за превращение империалистической войны в войну гражданскую во всем мире, что рабочие всех воюющих стран должны направить оружие войны против своих буржуазных правительств» и т. д. Затем выступал Шкловский, Сафаров и другие. Я присутствовал только на первых двух собраниях и при мне, однажды, тов. Г. Л. Шкловский, пытаясь возражать Владимиру Ильичу, заявил, начиная свою речь: «что он все же будет защищать шовинизм». Он доказывал, что в случае победы, Германия может оказаться не менее опасным врагом и палачом европейской демократии и рабочего класса, чем царская Россия, что поэтому позиция использования затруднений военного времени для решительной борьбы с нашим правительством в конечном результате может принести еще больший вред и российскому, и международному рабочему движению в борьбе его за свое окончательное освобождение. Владимир Ильич в своей ответной речи разбил его доводы так основательно, что Г. Л. Шкловский скоро изменил совершенно свой взгляд в этом вопросе.

XVII. Возвращение в Россию. Италия, Греция, Сербия, Болгария, Румыния, Иваново-Вознесенск.

(Путевые заметки.)

В Берне с В. И. Лениным мне пришлось пробыть недели две. В это время Владимир Ильич был озабочен вопросом о посылке в Россию выработанных им уже тогда известных тезисов Ц. К. нашей партии о войне. Наилучшим случаем для этого представлялась моя поездка в Россию. Но мой отъезд задерживался. Я был теперь здоров. Я мог уже долго ходить, не чувствуя особой усталости. Но выбраться из Швейцарии было нелегко. Во-первых, ехать прямым путем через Австрию и Германию было невозможно, а во-вторых не было денег. Пришлось обратиться в тогдашнюю русскую миссию в Берне, и тут мне помог все тот же Г. Л. Шкловский. Однако от миссии мы ничего не добились. Советы ее были неприемлемы. Наконец, после всестороннего обсуждения этого вопроса при участии Владимира Ильича решено было ехать через Италию и Балканские государства. В это время в Берне находился К. А. Комаровский (Данский), с женой и девочкой, которые также собирались уезжать. При помощи Владимира Ильича Ленина и Г. Л. Шкловского мы достали небольшую сумму денег. Владимир Ильич дал нам выше-

упомянутые тезисы Ц. К. о войне для передачи их в Петроград (одновременно они были посланы и другим путем на каком-то пароходе). И я с товарищем Комаровским и его семьей, распростившись с Владимиром Ильичем, Г. Л. Шкловским и всеми остальными товарищами, наконец, выехали из Берна и скоро были на границе Италии. После небольшой остановки для осмотра наших документов и багажа переехали границу и двинулись дальше.

Виды итальянской природы для меня были новы и интересны.

Пока ехали до Милана, по обоим сторонам дороги почти сплошь тянулись роскошные фруктовые сады и виноградники (масляничные, лимонные и апельсиновые деревья сменяли друг друга), попадались огромной величины мясистые кактусы и многие другие совершенно неизвестные мне виды. Тут и там большие лозы винограда обвивались вокруг стволов разных деревьев и спелые ягоды разных сортов винограда большими сочными кистями свисали с ветвей этих деревьев. Погода стояла солнечная и, несмотря на вторую половину августа, жаркая и сухая; воздух был густо наполнен множеством запахов. Остановки на станциях были маленькие, и повсюду наблюдался какой-то особенный шум и суетолака. В некоторых местах наблюдались отправки группы мобилизованных новобранцев, и там было особенно шумно и суетолично. Мобилизованные кричали, пели, спорили, ругались и устраивали всяческие дебоши, вообще проявляли свой горячий и вспыльчивый темперамент.

Скоро прибыли в Милан; здесь нам пришлось переночевать, чем мы воспользовались, чтобы осмотреть некоторые достопримечательности города: знаменитый собор «Святого Петра» и проч.

Купили социалистическую газету «Аванти», из которой узнали многое по интересовавшему нас вопросу об отношении к войне итальянских социалистов. Они были против войны и в своей печати вели против нее решительную агитацию.

Переночевав в Милане, на другой день мы снова сели в поезд и двинулись дальше. Теперь уже дорога шла берегом Адриатического моря, которое было видно с левой стороны, а с правой — большую часть виднелись поля, за которыми тянулись Аппенины. Они невысоки, и все больше понижались к югу.

Адриатическое море было спокойно и гладко, как зеркало. У берегов виднелись маленькие купальные постройки и какие-то еще хи-барки, повидимому, рыбацкие. Жара стояла страшная. В вагоне было очень душно, на каждой станции мы старались выйти хоть на минутку, чтобы подышать свежим воздухом.

В одном месте (кажется, около станции Болонья) потерпел крушение шедший перед нами товарный поезд. Путь был загромажден разбитыми вагонами, нам пришлось выйти из поезда и идти до ближайшей станции версты две-три пешком. Носильщиков не было и тяжелый ручной багаж пришлось нести самим. К счастью, вскоре нашелся какой-то крестьянин-итальянец, который и помог нам добраться до станции, где мы снова сели в поезд, вскоре доставивший нас в портовой городок Бриндизи. Здесь мы должны были пересестъ на пароход и Адриатическим морем ехать до Греции. Нам скоро удалось получить необходимые сведения о пароходных рейсах в Грецию и приобрести проездные билеты на греческий пароход «Дельфин». Потом мы побывали у тамошнего русского консула с целью позондировать почву насчет получения в счет моего думского жалованья какой-нибудь суммы, так как наши ресурсы уже были на исходе, но из этого ничего не вышло. Консулом оказался како-то тип, почти ничего непонимавший по-русски, и мы ничего от него не добились.

Было уже за полдень, но жара стояла страшная, от непривычки кружилась голова. Когда мы пришли на пристань, пароход «Дельфин» стоял на якоре и чем-то грузился. Он был трехэтажный, очень большой, но имел грязно-серый невзрачный вид. На пристани и всюду на берегу было видно много очень смуглых грязных, босых и полураздетых людей. Повидимому, это были рабочие грузчики, и частью просто босяки люмпен-пролетарии. Они ходили, стояли и лежали на берегу, прямо на голой земле. На находившемся близ пристани рынке продавались главным образом фрукты, овощи и всех сортов морская рыба. Как и на пристани, здесь было тоже очень много все того же босяцкого элемента, и все это лежало, сидело, толпилось, страшно шумело и кричало.

На пароход вернулись рано. Мы с товарищем Комаровским заняли места в трюме (третий класс). Это было большое, освещенное электричеством общее помещение, без окон, но имелись довольно удобные койки для сна. Воздуха было маловато, и чувствовалась порядочная духота. Женщины устроились этажом выше, во втором классе.

Скоро раздался первый громкий свисток, потом второй и третий, пароход отчалил от пристани. Море было тихо и спокойно, воздух стоял неподвижно, среди полной тишины слышны были только, равномерно сотрясавшие пароход, могучие вздохи машины, да легкие всплески воды под винтом парохода. Шли быстро, итальянский берег был уже далеко и скоро совсем скрылся за горизонтом, вокруг было видно только море, море и море.

Стало темнеть, сначала немного, потом как-то вдруг стало почти совсем темно. Мы оставили палубу, и после небольшого ужина в буфете отправились по местам на ночлег.

Утром после завтрака, снова — на палубе. День такой же жаркий, солнечный, та же тишина. Море гладкое, темно-голубое без малейшей ряби, как гигантское зеркало с отраженными в нем огромным куполом безоблачного неба и яркого солнца. Могучий пульс великана-парохода ритмично равномерен. Всюду бирюза без конца и края. От голубого моря и неба, голубым кажется весь окружающий воздух и порой начинает казаться, что находимся в какой-то особенной стране сказок. И только с левой стороны далеко на горизонте, вырисовываясь, синеют очертания невысоких скалистых горных хребтов. Это — берега Албании. На них не видно ни лесов, ни другой растительности, они голы, пустынные и выглядят сурово и угрюмо. Пароход идет уже много часов, а на берегах не видно никаких следов человеческого жилья. Пароход держит курс параллельно берегам, лишь изредка несколько отдаляясь от них.

Через день или два едем уже мимо горных и тоже пустынных берегов Греции. Картина вокруг все та же. Лишь изредка с правой стороны появляются небольшие греческие острова (Корфу и др.), мимо которых пароход проходит на близком расстоянии. А у одного или двух из них останавливается на очень короткое время, забирает какой-то груз и толпу пассажиров 4-го класса. Это главным образом греческая беднота, крестьяне-батраки и мелкие торговцы. Все они очень оборваны, загорели, грязны и многие больны трахомой. Очутившись на палубе, вся эта «голь перекатная» валится вповалку прямо на голые места и частью тотчас же засыпает, частью просто лежит или сидит и в таком виде совершает свое путешествие.

Скоро на пароходе нашлись еще три русских спутника, пожилой еврей, молодой русский доктор и какой-то молодой поляк; все они также ехали в Россию и нас русско-подданных собралось уже семь человек.

Погода стоит неизменно тихая и солнечная. На море все время полный штиль и только в ночь на 4-е сутки это однообразие резко нарушается. Часов около 2-х ночи я проснулся от непонятного сильного шума, в каюте светила электрическая лампочка, я сел и вдруг меня качнуло так, что пришлось крепко ухватиться за койку, чтобы не упасть. На стене сильно закачалось и загремело зеркало и другие предметы. В это время проснулся и тов. Комаровский. «Что это такое? — спрашиваю я его. «Буря» — отвечает он. В это время происходит еще толчок. За стенами парохода шум от ударов волн все усиливался и

усиливался. Я держался за койку, стараясь лежать спокойно вверх лицом и не думать о бушевавшей буре. Удары в борта парохода, походившие на равномерные могучие вздохи, раздавались все с большей и большей силой. С соседних коек начали вставать и одеваться пассажиры. Голова начала кружиться. Морская болезнь была близка. Дальше лежать было трудно. Оделись и пошли наверх. Пока шли по лестнице, много раз спотыкались от сильных толчков. Картина морской болезни всюду была уже полная. Наверху свирепые пенящиеся волны закрыли собою все и в бешеной атаке хлестали в борта парохода. На палубу выйти было трудно, так как она то и знай заливалась перекатывавшимися через нее волнами. Настало ужасное состояние. Пробовали по совету пассажиров «лечиться» в буфете лимоном и маленькой дозой вина. Не помогло.

А буря продолжала свирепствовать. Громадные волны, бросая пароход, играли им как мячиком. Пассажиры мучительно болели, а конца такому состоянию не видно было, хотя с начала бури прошло уже много часов. Наконец, впереди из-за белых гребней волн показывается темная полоса, в которой скоро уже можно было рассмотреть берег. Со вздохом облегчения смотрю на приближающуюся землю и с нетерпением жду прекращения качки и изнурительного болезненного состояния. Берег близко, можно уже рассмотреть находящиеся на нем постройки. Это пристань Пирен. Вот и бухта. Она окружена каменным молом, пароход входит в нее, качка прекращается и почти в этот же момент исчезает и болезненное состояние, но остается чувство слабости, истощения и ощущается изрядный аппетит.

Едва успел пароход стать на якорь, как его со всех сторон атаковали лодчики, громко и назойливо предлагая пассажирам свои услуги. Получив справку, что пароход простоят 8 часов, мы решили использовать это время, чтобы осмотреть Афины. Переправившись на берег, мы тут же нашли знающего по-русски проводника, в сопровождении которого, пообедав в одной из портовых столовых, поехали в Акрополь.

Проводник наш добросовестно водил нас по всем достопримечательным местам, и мы с большим интересом осматривали древние языческие храмы и другие постройки. Видели тюрьму Сократа, имевшую вид высеченной в скале темной пещеры с толстой ржавой железной решеткой, за которой больше 2.000 лет тому назад сидел знаменитый мудрец. Затем побывали в Афинах, где видели также некоторые памятники искусства, например, так называемое здание олимпийских игр и проч.

Был уже конец августа, но жара стояла невыносимая, и окрестности Афин имели своеобразный вид. Зелень виднелась только на де-

ревях, все же открытые места были выжжены и выглядели пустынно и угрюмо. Проводник объяснил нам, что только ранней весной, да поздней осенью, и отчасти зимой, равнины Греции бывают покрыты пышной цветущей зеленью, а в остальное время года жгучее солнце юга сжигает все без остатка.

Типы попадавшихся греков были какие-то особенные, большею частью это были мещане, спекулянты, рабочего же пролетария, обычного для стран с развитой фабрично-заводской промышленностью, почти не встречалось. Встречалось зато очень много мелких торговцев фруктами.

После осмотра Акрополя и прогулки по городу, мы вернулись на свой пароход, и через несколько минут снова были в открытом море (Эгейском), направляясь в Салоники, где и закончилось наше морское путешествие. Дальше предстояло до самого места назначения ехать уже по железным дорогам.

К этому моменту у нас сильно истощились финансы, а впереди предстоял еще очень большой путь, и мы вынуждены были обратиться снова к русскому консулу. Консул принял нас вежливо, но в случае отказал.

Спросив, к какой из думских фракций я принадлежу, и получив ответ, он вежливо, с натянутой улыбкой, сказал: «очень приятно, очень приятно. Рад бы оказать вам услугу, но, к сожалению, не могу. Все что я могу сделать, это предложить вам из имеющейся у меня маленькой суммы, для подобного рода целей, по семи франков на человека». У меня мелькнула мысль, что если бы я принадлежал к какой-нибудь другой, дружественной тогдашнему правительству, фракции, то, конечно, обращение к этому консулу было бы более успешным, но делать было нечего, пришлось согласиться и на это.

В Салониках переночевали. Город большой. Среди греческого населения встречались и турки. Жизнь города проходит под открытым небом. Прямо на улицах тут и там расставлены столики, между которыми беспрерывно ходят вагоны трамвая. Это своеобразные уличные рестораны. Сели за один из столиков и потребовали кофе. Нам подали, маленький в один глоток станканчик крепкого черного турецкого кофе, два куска сахара и большую стеклянную кружку чистой холодной воды. Я был в недоумении, не зная, как употребить поданное, и только после разъяснения более опытных в этом деле моих спутников, я сначала положил сахар в кофе, потом выпил его, залив холодной водой из кружки.

Приблизительно через сутки выехали из Салоник. В некоторых местах дорога шла через небольшие красивые возвышенности, кото-

рые местами имели вид разноцветных гранитных скал, местами же она шла через обширные равнины, в которых были видны большие стада овец и других видов рогатого скота.

Скоро прибыли в Ниш, здесь пришлось пробыть около полусуток. Город имеет вид небольшого захолустного провинциального местечка. Дома большею частью одноэтажные и двухэтажные; улицы грязные и плохо вымощенные. Зато много зелени, фруктовых садов и всяких других деревьев.

Здесь снова были у русского консула и после короткой беседы с ним получили от него ту же сумму, что и в Салониках, что дало возможность продолжать путь дальше.

Видели сербскую армию. Оборванная амуниция солдат била в глаза; вместо сапог на ногах у них были какие-то веревочные лапти, мундиры из какой-то домашней, крестьянского ручного производства, очень грубой материи. Солдаты выглядели очень худыми и измученными, и вообще вся армия эта имела очень жалкий вид каких-то люмпен-пролетариев. Объяснялось это тем, что Сербия была сильно разорена еще предшествовавшими разорительными войнами в 1912—1913 г.г. с Турцией и Болгарией. Тем не менее шовинистическое настроение там было сильное. Газеты на все лады кричали о необходимости вернуть аннексированные Австрией Боснию и Герцоговину, биться до победы и т. д. Сербские социалисты мало проявляли себя, так как, повидимому, положение их было труднее, чем в других воюющих странах, в виду того, что Сербия вела оборонительную войну и лозунг «защита отечества» в Сербии имел более реальные основы, чем в других странах. Измученные и разоренные крестьяне и рабочие истощенной до крайности постоянными войнами маленькой страны снова и снова шли на кровопролитную бойню.

К нам, русским, как союзникам, там наблюдалось в это время особо предупредительное и внимательное отношение: например, когда мы сидели на лавочке у квартиры русского консула, жители соседнего дома, увидав нас и узнав, что мы русские, вынесли нам свежие персики и разные другие фрукты, выказывая всячески свою к нам дружбу, усердно нас угощали, а когда мы явились на станцию за проездными билетами, нам заявили, что с русских за проезд по железным дорогам Сербии они платы не берут и предоставили нам бесплатные места в вагоне второго класса от Ниша до Софии. Ввиду нашего затруднительного положения в деньгах это было очень кстати. Вечером того же дня мы выехали в Софию, где нам пришлось ждать несколько часов.

Здесь получив от какого-то уполномоченного русской миссии 15 франков, купили проездные билеты до Бухареста, и так сказать, транзитом, останавливаясь лишь на несколько минут на станциях, проехали через Болгарию.

Болгария тогда была еще нейтральной страной и свою позицию к происходившей войне еще не определила. Мы без всяких препятствий к вечеру же этого дня прибыли к берегам Дуная и после осмотра багажа и документов пограничными болгарскими властями переехали на Румынский берег и на другой день были уже в Бухаресте.

Здесь мы искали случая встретиться с кем-нибудь из румынских социалистов (одним из руководителей которых был тогда Х. Г. Раковский), которые, как мы знали, были решительными противниками войны, но это не удалось.

Наши средства к этому времени уже совершенно иссякли, поэтому, как и в других местах, пришлось опять пойти к русскому консулу. Консул оказался более порядочным, чем его коллеги в Италии и Греции, и на мою просьбу о выдаче ссуды в счет моего думского жалованья выдал мне, кажется, 300 франков, после чего весь дальнейший путь вплоть до самого места назначения был уже обеспечен и ехать было веселее.

В Бухаресте пробыли около суток, осмотрели город, а утром на другой день выехали по направлению к пограничному городку Галацу. Предполагали ехать через Одессу, но были получены сведения, что там в это время свирепствовал штурм и решили ехать сухим путем через Бессарабию.

На какой-то станции (не помню какой) встретили политического эмигранта, бывшего матроса с «Потемкина». Он служил там буфетчиком. Он с большим интересом расспрашивал нас о России и сообщил, что их, потемкинцев, там много и что живут они сносно, но по России все же скучают.

На другой станции, как только остановился поезд, в наш вагон хлынула большая толпа людей, одетых в очень длинные белые рубахи, ворот, обшлага и подола которых были расшиты рисунками ярких цветов: рубахи доходили до самых пят; на головах были фуражки, а на ногах простые сапоги с длинными голенищами.

Я было подумал, что это какая-нибудь религиозная секта, но после расспросов оказалось, что это была просто партия сельско-хозяйственных рабочих, в своих обычных костюмах.

В Галаце переночевали, а утром поехали к реке Прут (в нескольких верстах от Галаца), которая служила тогда границей между Рос-

сией и Румынией. В таможенной будке на берегу Прута после поверхностного, быстрого осмотра румынским чиновником наших документов и багажа мы сели в лодку и переправились на русскую сторону, в Бессарабию. Здесь нас встретил уже наш русский чиновник. Он тщательно осмотрев наши документы, несколько раз спрашивал нас есть ли у нас в багаже что-либо, подлежащее оплате пошлиной и, получив отрицательный ответ, принялся за осмотр. Осматривал долго и старательно, как нигде еще за весь наш предыдущий путь. Наткнувшись на какие-то книги по вопросам страхования рабочих в вещах тов. Комаровского, чиновник расспрашивал, что это за книги? зачем они ему нужны? и т. д. Наконец, не найдя ничего «предосудительного», чиновник оставил нас в покое.

До ближайшей маленькой станции было несколько верст. Пришлось нанять извозчика. Направо от нас открывался вид на реку Дунай и впадавшую в нее пограничную реку Прут. По берегам всюду виднелись цепи нашей кавалерии — это была пограничная стража.

Мы заняли места в спальном вагоне. Это было в первый раз за все время нашего путешествия от самого Берна, так как в вагонах жел. дорог всех государств, через которые нам пришлось проезжать, спальных мест не было. Поэтому очутиться в спальном вагоне Росс. ж. д. было особенно приятно и, заняв свои места, мы с большим удовольствием улеглись на них. В голове невольно забродили мысли о том, что как бы ни было хорошо в культурной демократической Европе, а в родной России, несмотря на всю ее культурную отсталость и тяжелый гнет царского самодержавия, иногда бывает все же лучше.

Рано утром на другой день прибыли на большую станцию Бендеры. Предстояла пересадка, пришлось ждать поезда. Чтобы не терять даром времени, пошли с тов. Комаровским в город. Когда мы возвращались, на улице к нам подошел городской, потребовавший наши документы. Мы предъявили ему наши заграничные паспорта, он взял их, перелистал, повертел в руках и, ничего не поняв, возвратил обратно. На лице его было явное недоумение, и он, помявшись, задал нам ряд вопросов, кто мы такие? что это у нас за паспорта? и проч. Мы дали ему нужные объяснения, но он, видимо, ничего не понял. Оставив его в состоянии недоумения, мы зашли в ближайшую лавочку что-то купить. Скоро вслед за нами явился тот же полицейский и снова, извиняясь, попросил нас еще раз показать ему документы. Мы поспорили, но документы снова показали. На этот раз, осмотрев их, городской заявил, что документы, мол, написаны на немецком языке, а немецкий язык запрещен, поэтому они неправильные и потребовал других, «настоя-

ших». После безрезультатного спора, я предъявил ему, наконец, свой членский билет из Гос. Думы. Он как-то вдруг оробел, ступсевался и, извиняясь, с растерянным видом удалился.

На следующий день прибыли в Киев. А оттуда, распрощавшись с тов. Комаровским, поехали уже по разным направлениям: тов. Комаровский — в Петроград, а я через Москву — в Иваново-Вознесенск.

В Иваново-Вознесенск я приехал числа 13 сентября (ст. ст.).

Разыскав находившуюся там семью, тотчас же приступил к розыску партийных товарищей. С.-д. организацию я застал в большом развале. Подавляющее большинство виднейших старых, знакомых мне товарищей находилось или в тюрьмах, или в ссылке, а завязать новые связи с уцелевшими было не легко.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение 1-е.

Заявление 7 членов с.-д. фракции Г. Думы.

Нами получено следующее заявление части с.-д. фракции 4 Гос. Думы:

«В № 24 «Луча», от 30 января, появилось письмо за подписью 4 членов фракции — А. Бадаева, Г. Петровского, Ф. Самойлова и Н. Шагова о том, что они просят редакцию «Луча» исключить их из числа сотрудников газеты. Еще ранее того (№ 11, от 15 января) с однородным письмом обратился в редакцию «Луча» член фракции Муранов.

Эти письма заставляют нас выступить со следующим заявлением:

При самом избрании своем в уполномоченные выборщики и члены Государственной Думы, все члены фракции без исключения получали и от своих непосредственных избирателей, и вообще от рабочих России настоятельные наказы — оберегать прежде всего и больше всего единство классового движения пролетариата, единство социал-демократии, вопреки всем существующим и подчас весьма крупным расхождениям и разногласиям.

Считая себя морально и политически обязанным свято блюсти этот единодушный наказ пролетариата, большинство фракции, примыкая идейно к той платформе, на почве которой стоит газета «Луч», полагало в то же время своим долгом везде и всюду, где это зависело от фракции, активно работать на пользу единства и направлять на этот путь и всех других членов ее. Тем же самым стремлением к восстановлению и укреплению единства руководилось большинство фракции, определяя свое отношение к двум существующим органам рабочей прессы.

На заседании фракции 30 ноября был поставлен общий вопрос об отношении к рабочей печати. Ввиду обилия спешных дел, вопрос этот не удалось решить в одном заседании. Но еще раньше, чем фракция смогла снова вернуться к нему, и не осведомив о том своих товарищей по фракции, 6 депутатов (Бадаев, Малиновский, Муранов, Петровский, Самойлов и Шагов) выступили в «Правде» сначала с письмом (№ 188) о своем вступлении в число сотрудников этой газеты, а затем (№ 190

от 11 декабря) с воззванием ко всем рабочим о необходимости поддерживать исключительно «Правду».

Такой поступок 6 членов фракции заставил большинство ее, на заседании 13 декабря, обратиться к ним с предложением объяснить, чем руководствовались они, выступая со своими заявлениями в «Правде» до окончания обсуждения данного вопроса во фракции, и взять обратно эти свои заявления. Не получив ответа, нижеподписавшиеся выступили с заявлением в № 75 «Луча» от 14 декабря. В этом заявлении, поддерживая свою близость к идейному направлению газеты «Луч» и протестуя против противоречащего воле огромного большинства российской социал-демократии стремления 6 депутатов, выступивших в «Правде», делить соц.-демокр. на «действительных» и «недействительных», 7 членов фракции еще раз подтверждали, что не отказываются от дальнейших попыток солидарного решения вопроса о сотрудничестве в рабочей прессе¹⁾.

Такие попытки были сделаны на заседании 15 декабря и увенчались значительным успехом. В этом заседании были приняты 2 резолюции.

Первая из них гласила: «Исходя из того, что единство соц.-дем. необходимо, соц.-дем. фракция 4 Государственной Думы, как единая коллегия, выражает настойчивое пожелание о создании одного органа, вместо двух существующих органов рабочей печати».

Вторая резолюция: «Исходя из высказанного ею настоятельного пожелания необходимого единства соц.-дем. и слияния двух существующих органов рабочей печати, для создания единого авторитетного для всего рабочего класса органа, соц.-дем. фракция предлагает своим членам, как одну из первых возможных и фракции доступных мер, отдать свои подписи, в качестве сотрудников, и «Правде» и «Лучу». Обе эти резолюции были приняты подавляющим большинством фракции.

На другой день 11 членов объявили себя сотрудниками обеих газет. Один (Мурашов) не был в это время в Петерб., а один (Малиновский) отказался дать свою подпись «Лучу». Один (Ягелло) был приглашен в сотрудники только «Лучом».

Данный шаг фракции был встречен одобрением со стороны пролетариата, как о том свидетельствуют уже поступившие с мест письма и резолюции. И однако, уже очень скоро некоторые члены фракции сочли возможным выйти из числа сотрудников «Луча».

Выход этот тем не менее мотивирован, что газета продолжает стоять на почве той же самой платформы, на которой она стояла, когда они, во имя единства, дали ей свои подписи.

Наши товарищи предприняли этот шаг, даже не посоветовавшись с большинством фракции, а лишь доведя до его сведения свое готовое решение. Между тем, такими действиями парализуются все усилия наши работать над восстановлением единства и, в особенности, над сближением и объединением двух органов рабочей печати.

Совершенно очевидно, что, если мы и впредь будем встречаться с подобными препятствиями, нам придется отказаться от дальнейших

¹⁾ Заявление это, посланное и в «Правду», ею напечатано не было.

попыток солидарного решения вопроса о печати. Но это не прекратит нашей работы над объединением всех соц.-демократических сил России. И мы твердо уверены, что рабочие соц.-демократы, без различия оттенков, дружно поддержат нас в этой нашей работе.

Настоящее заявление направляем для напечатания в «Луч» и «Правду».

С.-д. депутаты: *Бурьянов, Маньков, Скобелев,
Туляков, Хаустов, Чхеидзе, Чхенкелм.*

Приложение 2-е.

Ответ шести Рабочих Депутатов.

В № 43 «Луча» напечатан документ под неверным заглавием: «Заявление членов с.-д. фракции Гос. Думы». Читатель, естественно, подумает по заглавию, что это заявление всех членов фракции; между тем под ним только 7 подписей.

Этот документ под неверным заглавием является первым нападением одной части думской с.-д. фракции на другую, первым выступлением брата против брата, депутатов против депутатов одной и той же думской фракции. Это — первый шаг к расколу с.-д. фракции. Он исходит от группы 7 депутатов: Чхеидзе, Скобелева, Манькова, Хаустова, Бурьянова и Тулякова.

До сих пор в двух газетах — в «Правде» и «Луче» — велась борьба направлений, неизбежная во всяком живом политическом течении. И всем известно, что «Правда» ни разу не позволила себе выступлений против личности депутатов. Напротив того, «Луч», как известно, открыл травлю против депутата Бадаева, потом Петровского, а затем напечатал выдержки из письма «10 тульских рабочих», где нам, рабочим депутатам, приписывались «вкликушеские крики», «искажение цитат», «забвение долга порядочности», нечестная работа и прочие подобные качества.

Мы, шесть рабочих депутатов, обратились к остальным 7 депутатам с просьбой повлиять на «Луч», оградить нашу личность от покушений этой газеты. Только что успели мы поднять этот вопрос во фракции, как появляется документ за подписью 7 депутатов, являющийся продолжением той же травли нас со стороны ликвидаторского «Луча», с целью внести раскол в самую фракцию под флагом выступления за «единство».

Таким образом правы оказались товарищи Малиновский и Муранов, которые, хорошо зная ликвидаторов «Луча», сразу же отказались вступить в число его сотрудников.

Таким образом приходится лишний раз признать свою ошибку нам, Петровскому, Шагову, Самойлову и Бадаеву; мы поверили словам Скобелева, Тулякова, Бурьянова и Хаустова, которые обещали повлиять на «Луч» и советовали «не ампутировать (т.-е. не отсекать), а изжить» ликвидаторство.

Выступление четырех из нас в число сотрудников «Луча» не только не помогло изживанию ликвидаторства, а, напротив, дало ликвидаторам больше смелости на выступление против «подполья», т.-е. против политических организаций пролетариата. Ликвидаторы стали открыто писать (напр., в № 101), что симпатия рабочих к «подполью», т.-е. к политической организации социал-демократического пролетариата, составляют «прискорбный факт».

Семь депутатов, сторонников «Луча», проведенных в Гос. Думу «подпольными» именно организациями, не протестовали против того, будто симпатия к подполью — прискорбный факт. Зато они, выступая против нас со своим раскольничьим заявлением, ссылаются на наказания избирателей. Но где нашли они наказания о единстве с ликвидаторами, врагами «подполья»? Таких наказов мы не знаем. Да и не могли такие наказания составляться в «подполье». Мы знаем только наказания о единстве в н у т р и партии. Над этим и работает «Правда», объединив и большевиков, и меньшевиков, и впередовцев.

Семь депутатов, решившиеся на раскол с.-д. думской фракции, выступившие против другой половины фракции, как мы видели из заголовка их заявления, высказывают плохо скрытую претензию на то, что именно они составляют с.-д. думскую фракцию, а мы шесть — какой-то незначущий придаток.

Правда, мы шестеро составляем меньшинство во фракции; против нас стоит большинство из 7 членов, т.-е. большинство только одного голоса. Тем не менее, признавая необходимость подчинения меньшинства большинству, мы, избранники рабочей курии, всегда подчинялись в делах думской фракции решениям семи депутатов, несмотря на то, что часто были несогласны с этими решениями.

Но семеро депутатов идут дальше. Они вторгаются в нашу частную жизнь, как социал-демократов; они вторгаются в дело, не имеющее отношения к работе фракции; они требуют, чтобы мы сотрудничали в газете, направления которой мы не разделяем и даже считаем вредным. Этого мы не сделаем и сделать не можем, ибо это противоречит и нашим убеждениям и воле пославших нас рабочих.

И вот из-за этого вопроса, не имеющего никакого отношения к работе фракции в целом, к ее деятельности в Гос. Думе, семь депутатов решаются на такой раскольнический шаг, как выступление одной части фракции против другой.

Не желая способствовать дальнейшим трениям внутри фракции и раздувать искру раскола, мы выносим на ваш суд, товарищи сознательные рабочие, все это дело о братоубийственной войне, начатой семью депутатами.

С.-д. депутаты от рабочих:

*А. Е. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов,
Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов.*

Заявление шести депутатов, сделанное меньшевистской 7-ке с требованием о равенстве.

Уважаемые товарищи!

Год совместной работы в Гос. Думе обнаружил целый ряд столкновений и трений между нами и вами, т.е. остальными семью с.-д. депутатами. Дело доходило до открытой полемики в печати, а последние ваши решения, проведенные вами перед самым закрытием Гос. Думы в июне 1913 г., когда часть депутатов уже разехала, показали окончательно невозможность создавшегося положения. Эти решения, принятые вами 7 голосами против шести суть: отказ большевикам (т.е. 6 депутатам) в одном месте из двух в бюджетной комиссии и выбор одного (а не двоих) в одно важное учреждение.

После того, как вы неоднократно 7 голосами против шести лишили 6 рабочих депутатов одного оратора из двух, выставляемых в Думе, указанное решение явилось каплей, которая переполнила чашу.

Вам известно, что мы действовали и действуем всецело и исключительно в духе последовательного марксизма, идейно примыкая во всем его общим решениям.

Вам известно, товарищи, что есть вполне объективные факты, доказывающие, что мы не преувеличиваем, когда говорим о полном согласии нашей деятельности с сознанием и волей огромного большинства марксистских передовых рабочих России. Это доказала и история «Правды», первой рабочей газеты, созданной подъемом рабочего движения в апреле—мае 1912 года, объединившей вокруг себя большинство рабочих. Это доказало распространение «Правды» в числе 40 тысяч экземпляров. Это доказали групповые рабочие сборы на «Правду», о которых всегда печатала открыто эта газета. Это доказали выборы по рабочей курии в IV Гос. Думу, давшие всех куримальных депутатов большевиков и показавшие по сравнению с выборами по рабочей курии во II и III Гос. Думы неоспоримый, никем не оспариваемый, громадный рост марксизма и антиликвидаторских убеждений среди сознательных рабочих России. Это доказали выборы в правление союза металлистов в СПб. и история первой рабочей газеты в Москве в этом году. Понятно, само собою, что мы считаем своим безусловным долгом действовать в строжайшем согласии с волей большинства марксистски-сплоченных рабочих России.

Между тем вы, семеро депутатов, действуете независимо от этой воли и против нее. Вы смело принимаете решения, идущие в разрез с волею большинства сознательных рабочих. Напомним хотя бы принятие вами на некоторых половинчатых началах не социал-демократа Ягелло, которого до сих пор не признал ни один с.-д. в Польше, или принятие вами — вопреки воле большинства рабочих — националистических лозунгов, так наз. культурно-национальной автономии и т. п. Мы не знаем точно ваших отношений к течению ликвидаторов, и ду-

маем, что вы скорее колеблетесь в сторону ликвидаторства, чем являетесь полными сторонниками его. Но как бы там ни было, остается неоспоримым фактом, что вы не считаете для себя обязательными суждения и требования того большинства сознательных рабочих России, с которыми мы идем рука об руку.

Нечего и говорить, что при таких условиях всякий социалист в любой стране мира, всякий сознательный рабочий признает чудовищным ваше стремление подавлять нас одним голосом, лишать нас одного из двух мест в комиссиях Думы или в других учреждениях, в списке думских ораторов и т. д., навязывать нам тактику и политику, осуждаемые большинством сознательных рабочих России.

Мы признаем и не можем не признать в данное время непримиримыми наши разногласия в области не только думской работы. Мы вынуждены признать ваше стремление подавлять нас и лишать нас одного из двух мест безусловно раскольническими и устраняющими все возможности работать вместе. Но, считаясь с настойчивым желанием рабочих сохранить хотя бы перед внешним миром единство с.-д. депутатов, хотя бы в думской работе, считаясь с нашим годовым опытом, показавшим возможность достигнуть посредством соглашения такого единства в думских выступлениях, мы предлагаем вам установить точно и недвусмысленно, раз навсегда, что никакое подавление 7 голосами шестерки куриальных рабочих депутатов недопустимо. Сохранение действительно единства с.-д. фракции IV Государственной Думы возможно исключительно при полном и бесповоротном признании равенства 7-ки и 6-ки с проведением принципа соглашения между ними по всем вопросам думской работы.

Приложение 4-е.

Обращение к рабочим о подавлении 7-кой 6 с.-д.

Ко всем рабочим.

Товарищи-рабочие!

Во вчерашнем номере ликвидаторской газеты было помещено обращение пяти депутатов.

Мы считаем своим долгом по этому поводу разъяснить вам настоящее положение дел.

1. Раньше всего мы должны заявить товарищам, что мы лишены возможности восстановить всю картину совместной работы по той причине, что на наших заседаниях не велись полные протоколы, а записывались только принятые решения, при чем лишь в некоторых случаях отмечалось как кто голосовал.

Мы требовали ведения полных протоколов. Товарищ Малиновский, выступая от нашего имени, категорически требовал всестороннего освещения хода дебатов на заседаниях фракции.

— Я предлагаю вам зеркало, в котором вы могли бы всегда видеть себя и то, что вы делаете! — говорил Малиновский семи депутатам.

Но тщетно. Большинство фракции отказалось от такого «зеркала».

2. Указывают вам на то, что председатель и другие должностные лица фракции выбирались единогласно.

Верно. Но когда происходили выборы? Во-первых, до приезда Манькова; во-вторых, до принятия Ягелло, который и попал-то во фракцию, благодаря голосованию Манькова с ними.

Вернее, это еще было до того, как большинством одного голоса семерка совершила самый крупный раскольнический шаг, приняв в свою среду человека, прошедшего вопреки социал-демократии, в борьбе с нею. Это было до того, как большинство санкционировало и оправдало раскольническую тактику ликвидаторской конференции.

Тогда, понятно, возможны были единогласные решения.

3. Одним из больных вопросов нашей практической работы служил вопрос о секретаре. У фракции имелся общий секретарь, который нас совершенно не обслуживал. Будучи рьяным защитником фракционной ликвидаторской политики, секретарь совершенно игнорировал наши требования, в то время как труд его оплачивался из суммы всей фракции.

Не только секретарь фракции, но и организованные им группы «сведующих лиц» относились к нам положительно непристойно. Можно судить по тому, кто такие эти «сведующие лица», когда Ежов позволил нас в помещении фракции именовать подлецами и «ленинскими огарками».

Фракция обошла наш протест молчанием.

Секретарь для нашей работы нам более чем необходим. Мы просили большинство фракции нанять из общих сумм помощника секретаря, который обслуживал бы наши нужды. Семерка отказала, несмотря на то, что мы несколько раз подымали этот вопрос, несмотря на то, что они хорошо знали, как необходима нам помощь секретаря.

4. Пять депутатов указывают на то, что якобы давали нам свободно выступать с думской трибуны.

Они, очевидно, забыли, что по ленскому запросу, по которому было намечено шесть речей, нам не было предоставлено ни одной речи. Только после долгой и упорной борьбы удалось отстоять одну десятиминутную речь для тов. Муранова. В важности выступления депутатов рабочей курии по такому большому вопросу, как ленский запрос, сомневаться нельзя.

По запросу о неразрешении страховых собраний рабочему депутату Малиновскому также был зажат рот большинством фракции, заменившей его Туляковым.

По запросу о взрыве на Пороховых заводах то же большинство не дало выступить тов. Бадаеву.

5. Не лучше обстояло дело по отношению к общим выступлениям, например, по бюджету.

По общей смете министерства внутренних дел отстаивались две кандидатуры — Чхеидзе и Малиновского. Большинство «победило» и речь осталась за Чхеидзе.

По рабочему вопросу той же сметы боролись также две кандидатуры—Бурьянова и Бадаева. Большинство поручило говорить Бурьянову.

По синодской смете мы выдвигали кандидатуры Чхеидзе и Петровского. Большинство заменило Петровского Скобелевым.

Таких фактов было бы можно привести немало. Все это ясно и неопровержимо говорит каждому рабочему, что, во-первых, внутри фракции постоянно происходила борьба между двумя частями ее; во-вторых, что семерка своим большинством в один голос не давала меньшинству выступать по целому ряду важных вопросов.

6. Все эти и другие факты создавали невероятную дезорганизацию работы фракции.

Заботилось ли большинство о том, чтобы урегулировать взаимоотношения и устранить тот хаос в нашей работе, который привел к очень печальным последствиям?

Мы отвечаем — нет.

Мы требовали много раз, мы просили считаться с тем, что такое положение низводит фракцию до уровня случайно собравшихся людей, у которых нет ни единой тактики, ни единства действий.

23 мая. Из протоколов фракции:

«Внесено предложение тов. Малиновского о назначении сейчас специального заседания фракции для обсуждения в полном объеме вопроса о положении и работе фракции.

Семь против. Семь... Те же семь депутатов, которые и раньше проваливали наши требования.

Те же семь депутатов, которые теперь жалуются на то, что мы не хотели ждать ответа до 25-го числа.

Вот еще одна выписка из протоколов:

13 декабря 1912 года, 8 часов вечера. После доклада секретаря, Бурьянов от имени семи внес следующее заявление: «Мы предлагаем 6-ти депутатам объяснить нам, чем они руководствовались, подписывая воззвание в № 190 «Правды» без ведома фракции. Если эти 6 депутатов откажутся сегодня же дать нам объяснения и дезавуировать свой шаг снятием своих подписей с воззвания, мы выступим с заявлением в печати».

На ответ было дано два часа.

Так с нами разговаривала семерка. Так терпеливо не пожелали ждать ответа семь депутатов, намереваясь над нами произвести грубое давление.

7. Пять депутатов и Ягелло указывают на то, что мы голосовали за декларацию. При этом они забыли рассказать рабочим, сколько борьбы, сколько спора вызвала эта декларация. Они, очевидно, забыли, что семерка насильственно внесла в редакцию пункт о культурно-национальной автономии, выдвинутой ликвидаторской конференцией и названной фракции националистическим Бундом.

Голосуя за декларацию в целом, рабочие депутаты в то же время протестовали против внесения этого пункта.

Этот серьезный пункт наших разногласий не затушевовать им мелочными опровержениями.

8. Другой, столь же важный пункт разногласий, — Ягелло.

Не знаем как назвать заявление пяти депутатов о том, что товарищем Малиновским была внесена приведенная ими резолюция о Ягелло.

Мы заявляем со всею категоричностью, что указанная ими резолюция тов. Малиновским не была внесена.

Мы вместе с тов. Малиновским настаивали на том, что Ягелло не может быть принят в социал-демократическую фракцию.

Ягелло проведен в Думу националистической партией, вопреки воле рабочих выборщиков, вопреки воле большинства польских рабочих, вопреки польской социал-демократии.

Ягелло, вступив во фракцию, не перестал быть членом националистической партии и даже записался в Думе сторонником польской партии социалистов (националистической).

Ягелло был проведен в Думу еврейскими шовинистами только потому, что не выбирать поляка нельзя было, а Ягелло соглашался быть защитником националистических требований.

Ягелло прошел в Думу, благодаря блоку бундовцев и п. п. с. против социал-демократии.

Понятно, что ни тов. Малиновский, ни мы не могли внести приписываемой нам семеркой резолюции.

9. Последним актом раскола фракции со стороны семерки было то, что она воспользовалась отказом тов. Малиновского в пользу Петровского и вопреки нашему требованию заменила его в бюджетной комиссии Скобелевым. Мы выдвинули кандидатуру Петровского, так как другая часть имела своего представителя в этой комиссии в лице Чхеидзе. Большинство с нашим требованием не захотело считаться. Теперь оно объясняет свой поступок тем, что Скобелев специально занимался бюджетными вопросами.

10. Но в то же время большинство это, несмотря на наши протесты, выбрало одного и именно своего представителя в одно важное международное учреждение.

Что, неужели эти пять депутатов скажут, что выбранный ими представитель «специально занимался» теми вопросами, которые будут обсуждаться в этом важном учреждении?

Не скажут, потому что это явная неправда.

Товарищам рабочим надо помнить, что те доброжелательные вещи, о которых говорят депутаты в своем вчерашнем заявлении, вопросов по существу не касаются.

Мы указываем на эти основные разногласия, которые и являются причиной того, что семерка подавляла нас, шесть депутатов.

Когда мы, например, вне Думы и фракции решили поддержать страховой орган, семерка не замедлила выступить против нас и объявить наше намерение раскольническим, тогда как журнал этот уже встретил симпатии огромного большинства рабочих и никаким расколом ничему не угрожал.

Из всего этого товарищи-рабочие могут понять, в какой атмосфере нам приходилось работать.

Мы терпели, несмотря на разногласия потому, что сознавали всю важность единой работы думской фракции.

Мы думали, надеялись, что семерка будет, наконец, считаться с открыто выраженной волей рабочих масс, отвергнувших ту позицию ликвидаторов, к которой все больше и больше она скатывается.

Но этого не случилось. И мы вынуждены были вынести этот вопрос на суд самих рабочих.

Мы призываем вас, т. т. рабочие, заявить свою волю и разрешить вопрос о том, при каких условиях должна происходить наша совместная работа.

Что единство работы фракции необходимо, — в этом не сомневается ни один рабочий. Вопрос в том, как обеспечить это единство, какие условия создать для того, чтобы это единство не разрушилось на другой день тем одним голосом, которым обладает семерка.

Мы убеждены, что это возможно лишь тогда, когда обе части будут пользоваться одинаковыми правами.

Равноправие двух частей фракции. Это обязательно для того, чтобы большинство, примыкающее к ликвидаторам, не подавляло нас, рабочих депутатов.

Мы просим всех товарищей-рабочих немедленно обсудить этот вопрос и в своих резолюциях ясно и твердо ответить, за что они стоят:

— За равенство двух частей.

Или:

За подавление воли и мнений депутатов рабочей курии, исполняющих решения марксистов-рабочих.

А. Е. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов,

Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов.

(«За Правду», № 15, от 20 октября 1913 года.)

Приложение 5-е.

О самостоятельности существования 6-ки.

К о всем рабочим.

Каждый пролетарий, прочитав ответ семи депутатов, в котором они отказывают во всех наших требованиях, несомненно задаст себе вопрос: — Что же дальше?

Будет у нас единая фракция или пролетариат позволит семи депутатам, стоящим в стороне от марксистской организации, говорить от имени социал-демократии?

И что должны делать мы, шесть рабочих депутатов, после того, как эти семь депутатов решили, пользуясь большинством в один голос, против воли рабочих называться фракцией?

Единство социал-демократического думского представительства, — вот бесспорный лозунг широких пролетарских масс.

И когда мы обратились к пролетариату за ответом, согласен ли он с нами в понимании того, как обеспечить это единство, тотчас же тысячи рабочих ответили: да.

Мы убеждены, что так ответит большинство рабочих России.

Во имя этого единства мы не прерывали нашей работы во фракции и всеми силами старались не дать большинству фракции повода сделать какие-либо разрушающие единство шаги.

Мы имели право ожидать, что семеро депутатов отложат в сторону свои фракционные счета и прислушаются к голосу сотен и тысяч рабочих, одобрявших в своих резолюциях наши требования.

Этого не случилось. Через головы всех рабочих, вопреки ясно выраженной их воле, семь депутатов отказали нам...

Мы стоим перед необходимостью и неизбежностью самостоятельного существования. Это теперь должно быть ясно каждому рабочему, кому дороги интересы марксистской организации и пролетарского дела.

Мы обращаемся к вам, товарищи-рабочие, поддержать нас в этот трудный момент.

А. Е. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов,

Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов.

(«За Правду», № 20, от 26 октября 1913 года)

Приложение 6 - е.

Об организации больш. фракции в IV Государственной Думе.

Ко всем рабочим.

Товарищи рабочие!

Последний ответ семерых депутатов поставил перед нами ребром вопрос о самостоятельном существовании.

Товарищи! Вы имели полную возможность проследить самостоятельно по нашей деятельности и рабочей газете «За Правду» глубоко печальную историю нашей борьбы внутри с.-д. фракции, наши шаги для защиты наших лозунгов и сохранения в то же время единства фракции, те ответы, которые мы получали, и обсудить то положение, в котором мы сейчас очутились.

Мы позволим себе, товарищи, еще раз восстановить в вашей памяти все пережитое со времени первого заседания с.-д. фракции, с момента открытия Государственной Думы и те причины, которые вызвали наше выступление. 16 октября мы заявили, что просим товарищей семерых депутатов дать нам точный и ясный ответ, согласны ли они считаться с нами, как с товарищами, и принимать нас в расчет при голосованиях по вопросам думских выступлений.

Согласны ли они считаться с нами, как с людьми, для которых их точка зрения на то, как надо выступать и что надо говорить с трибуны,

представляет собою не пустяк, о котором легко можно забыть и с замалчиванием которого можно легко помириться,—а серьезнейший и самый близкий вопрос, связанный с нашими убеждениями, с нашим пониманием обязанности перед пролетариатом.

Можно, конечно, иметь разные точки зрения и не только можно, а и должно подчиняться большинству хотя бы и в один голос, но большинству товарищей, связанных общим пониманием дела, общим пониманием задач, стоящих перед современным рабочим движением, общим уставом и общими руководящими решениями, которые признаются всеми, которые ни в ком не возбуждают сомнения.

Все товарищи прекрасно знают, что во фракции дело обстояло далеко не так.

Все знают, что в среде сознательных организованных рабочих давно уже борются два течения. — Одно, отстаивающее старые лозунги, написанные на старом пролетарском знамени, и другое—в лице своих вождей отрешившееся от этих лозунгов, объявившее прошлое с.-д. маскардом, проповедывавшее замену основных лозунгов частичными требованиями. Это течение исключило из избирательной платформы в IV Думу все наши требования и заменило их распылывчатыми, туманными лозунгами — пересмотром аграрных законов III Думы — пересмотром военного устава — свободой коалиции. Под этими требованиями подпишется всякий либерал. Они подчиняют рабочее движение общелиберальному, заменяют его отчеканенные точные лозунги общими фразами и вредными лозунгами, отвергнутыми во всех областях рабочего движения.

Эти два течения борются в рабочей среде вот уже ряд лет, и, конечно, ни о каком примирении с таким течением не может быть и речи.

Эта борьба отразилась и на работе с.-д. фракции.

Своими голосами семеро стали пользоваться не только для того, чтобы отстаивать свои мнения внутри фракции, но чтобы и проводить с думской трибуны отвергаемую нами политическую линию, противопоставляя ей ликвидаторскую.

Семь депутатов нарушили программу с.-д.-тии декларацией, включив пункт о культ.-нац. автономии. Семеро приняли в среду фракции несоциал-демократа Ягелло — наконец, семеро с трибуны Думы открыто от имени всей с.-д. фракции заявили, что боевым лозунгом с.-д. фракции является лозунг свободы коалиции.

Это они сделали 24 октября накануне того дня, когда обещали нам дать ответ.

Элементарные, товарищеские отношения и уважение к нам и нашей точке зрения должно было заставить их подождать с выступлением с думской трибуны от имени всей с.-д. фракции один день, так как они знали, что этот лозунг для нас и большинства сознательных рабочих боевым лозунгом момента не является. Уже этот один факт должен был положить предел нашему терпению.

Мы все-таки ждали.

25-го октября семеро депутатов в своем ответе от имени всей с.-д. фракции, от которой мы якобы откальваемся, ответили, что ника-

ких уступок нам не сделают и будут и впредь также поступать, будут с думской трибуны проводить одним голосом выступления от нашего имени с лозунгами, которые не являются лозунгами большинства рабочих, будут снова для пользы дела не допускать нас в комиссии, ограничивать наши выступления в Думе, мешать нашей внедумской работе.

Мы не можем этого терпеть.

Мы должны протестовать, мы должны заявить, что мы не имеем ничего общего с ликвидаторами, должны лишить семерых возможности от нашего имени проводить ликвидаторские, а не социал-демократические лозунги.

Мы вынуждены существовать отдельно.

И мы решились на это.

Теперь еще одно.

Семеро депутатов пишут, что во всякий момент примут нас с радостью обратно.

Принимать нас с радостью или без радости мы никого не просим, мы требуем, чтобы нас считали только равными, и мы пойдем, будем работать вместе тотчас же, как только наше требование равноправия будет удовлетворено.

Товарищи—даже сейчас, когда мы решили существовать самостоятельно, как с.-д. фракция,—мы будем перед каждым нашим выступлением—перед внесением каждого запроса—предлагать им столкнуться и соглашаться на ораторах и лозунгах, будем предупреждать, насколько возможно, принципиальные разногласия с думской трибуны, будем сохранять по возможности единство действий с.-д. депутатов. Но мы не можем отдать на поругание, замалчивание наши требования, наше старое знамя.

Во имя этих требований, во имя служения рабочему классу, мы считаем нашей обязанностью выступить сейчас на их защиту и уйти оттуда, где их замалчивают.

Товарищи, мы будем защищать наше знамя теперь одни—в Думе и вне Думы, всегда и везде.

В этой нашей ответственной работе мы обращались к вам за поддержкой.

*А. Е. Бадаев, Р. В. Малиновский, М. К. Муранов,
Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов.*

(«За Правду» № 22 от 29 октября 1913 года.).

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИВУЧИНЯЯ БИБЛИОТЕКА

